

Министерство образования и науки Российской Федерации

Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса

М.Ю. ШИНКОВСКИЙ

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Учебное пособие

*Рекомендовано Дальневосточным
региональным учебно-методическим
центром в качестве учебного пособия
для студентов специальностей 350200
«Международные отношения», 350300
«Регионоведение», 020200 «Политология»,
061000 «Государственное и муниципальное
управление» вузов региона*

Владивосток
Издательство ВГУЭС
2005

ББК 66.0
Ш 62

Рецензенты: Л.И. Кирсанова, д-р филос. наук,
профессор;
И.Ф. Ярулин, д-р полит. наук,
профессор

Шинковский М.Ю.

Ш 62 ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ:
Учебное пособие. Изд. 2-е (доп.). – Владивосток: Изд-во
ВГУЭС, 2005. – 284 с.

ISBN 5-8224-0097-3

Учебное пособие посвящено одной из важнейших областей как общенаучного, так и политологического знания, от правильного исследования и понимания которой в решающей степени зависит судьба человеческой цивилизации. На основе использования исследовательских методов и результатов как политической науки вообще, так политической глобалистики в частности, излагается и раскрывается значение парадигмы «глобальные проблемы». Весь материал построен таким образом, чтобы сформировать у студентов представление о политической глобалистике как об отрасли научного знания, стремящейся найти адекватные ответы на весь спектр вызовов современности. Соответствует опубликованной автором учебной программе.

Предназначено студентам специальностей 350200 «Международные отношения», 350300 «Регионоведение», 020200 «Политология», 061000 «Государственное и муниципальное управление».

ББК 66.0

ISBN 5-8224-0097-3

© Издательство Владивостокского
государственного университета
экономики и сервиса, 2005

ВВЕДЕНИЕ

Международное сообщество всерьёз заговорило о глобальных проблемах с середины 60-х годов XX века. К их категории сразу стали относить деградацию окружающей среды и демографический взрыв, угрозу истощения в мире природных ресурсов и нехватки в мире источников энергии и продовольствия, растущую пропасть между богатыми и бедными странами. Венчала этот печальный перечень проблем опасность III Мировой войны и термоядерной катастрофы.

Минуло 40 лет. С окончанием холодной войны отпала, во всяком случае, существенно снизилась, опасность всемирной атомной войны. Человечество значительно продвинулось в понимании глобальных проблем, а правительства, международные организации и общественные движения обрели немалый опыт устранения и предупреждения ряда опасных явлений. Глобализация мировой экономики, революция в сфере телекоммуникаций и информационных технологий, развитие региональной интеграции создают благоприятные предпосылки для более эффективных действий в сфере отношений «человек – общество – природа».

В то же время ряд как новых, так и старых факторов и процессов действуют в противоположном направлении. За это время на мировой арене появились десятки новых государств, созданных по национально-этническому принципу, что предопределило доминирование в их внутренней и внешней политике целей утверждения национальной независимости, преодоления экономической и финансовой зависимости. Вопросы же экологии, рационального природопользования, демографии, науки, образования, здравоохранения отошли на второй план. Одновременно и параллельно происходит быстрый рост масштабов хозяйственной деятельности не только в главных и традиционных центрах мирового хозяйства, но и на значительной части его бывшей периферии (Китай, Индия, Бразилия, Индонезия, Мексика) резко усилили давление на ресурсный потенциал Земли и природную среду.

Влияние процессов глобализации, столь явно обозначившихся с конца XX века, также оказалось противоречивым. Огромные по масштабам транснациональные торговые, денежные, миграционные потоки движимы преимущественно законами рынка и способны в силу этого вызвать финансовые и иные кризисы между-

народного масштаба. Ярким примером этому является азиатский финансовый кризис 1997 года.

Вместе с тем в условиях прекращения биполярной конфронтации с новой силой дали о себе знать национальные, исторические, культурные, религиозные, этнические и даже клановые проблемы. «Война суверенитетов», сопровождаемая локальными и региональными конфликтами, – типичное явление в ряде регионов мира. Всё это создаёт существенные препятствия на пути формирования международных регулирующих механизмов, адекватных современным условиям и потребностям.

Попытки отдельных государств, пусть даже с военной и экономической точки зрения самых мощных в современном мире, выстроить систему международных отношений в виде пирамиды с собой во главе не способствуют решению уже известных человечеству проблем и не в состоянии решить новые. Подлинно транснациональный характер приобрели такие явления и процессы, как организованная преступность, терроризм, незаконный оборот наркотиков. Растут риски, связанные с крупномасштабными техногенными катастрофами, уничтожением больших количеств накопленного ядерного, химического, биологического оружия, утилизацией выслуживших свой срок средств его доставки, захоронением радиоактивных отходов. Подобные перемены в мире не могли не повлиять на общее состояние и характер глобальных опасностей, их иерархию и структуру, формы и глубину проявления. В XXI век человечество вошло с грузом не только уже известных проблем, но и новых, требующих от мирового сообщества свежих инициатив и подходов.

Нынешняя, полная великих достижений и не менее великих противоречий, стадия развития, принесла человеку много щедрых подарков, в то же время глубоко изменила нашу маленькую планету, поставила перед ним невиданные доселе задачи и грозит ему неслыханными бедами. Людям, по сути дела, не остаётся ничего иного, как возможно быстрее приблизиться к той фазе своего развития, где человечество, сочетая своё могущество с достойной этой мудростью, научится поддерживать в гармонии и равновесии все свои дела. Произойти это может только за счёт

невиданной цепи событий и процессов, которую можно определить как «человеческую революцию»¹.

Применить своё собственное могущество, научившись предвидеть и предупреждать любые нежелательные последствия своей деятельности, предотвращая вольное или невольное злоупотребление достигнутым, люди могут только благодаря соответствующей культурной и образовательной эволюции. Было бы величайшей, а возможно, и фатальной ошибкой, если бы человечество не осознало важность и настоятельную необходимость такой эволюции, ибо все беспорядки и кризисы нашего времени представляют собой одновременно и причину, и следствие неприспособленности человечества к новым реальностям нашего времени. Только качественный культурный и образовательный скачок во всей эволюции человеческого мышления и поведения может помочь проложить новый курс, разорвав тот порочный круг, в котором оказались люди Земли.

При всём разнообразии глобальных проблем они обладают общей спецификой, выделяющей их на фоне других процессов и явлений мирового развития. В современной мировой и отечественной академической традиции, а также на общественно-политическом уровне достаточно попыток вскрыть и описать существо такого сложнейшего феномена, каковым являются глобальные проблемы современности. Свою версию системно изложить всё это, основанную на многолетнем чтении лекционного курса по данной области научного знания, и предпринимает автор в настоящем учебном пособии.

¹ Печчи Аурелио. Человеческие качества. – М.: Прогресс, 1980. С. 6.

Тема 1. СОВРЕМЕННЫЙ МИР И ЕГО ПРОБЛЕМЫ: КРИТЕРИИ ВЫДЕЛЕНИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

В 1942 году известный русско-американский социолог и культуролог Питирим Сорокин писал в своей книге «Человек и общество в условиях бедствия»: «Бедствия не являются исключительным злом: наряду с их разрушительными и вредными действиями они играют также конструктивную и положительную роль в истории культуры и творческой деятельности человека. Для человечества катастрофы имеют великое обучающее значение»².

В начале XXI века обострение глобальных проблем повновому поставило вопрос о настоящем и будущем человеческой цивилизации, сделав весьма спорным приведённый вывод о возможности учиться на катастрофах. Стала нарастать угроза глобальной планетарной катастрофы, исчезновения самого человечества как вида в результате или ядерной войны, или деградации природной среды, биосферы планеты под воздействием антропогенных нагрузок, или обострения других противоречий такого масштаба. Причём за последние четверть века, несмотря на предпринимаемые на различных уровнях усилия, ни одна из глобальных угроз, за исключением ядерной, не устранена, их даже не удалось смягчить или отодвинуть.

По данным Института всемирного наблюдения, функционирующего на территории США, с 1970 по 1990 годы мир потерял почти 200 млн гектаров лесов, площадь пустынь увеличилась примерно на 120 млн гектаров, уничтожено 180 млрд тонн пахотного слоя, а **население планеты** выросло на 1,6 млрд человек и к 2030 году достигнет приблизительно 10 млрд человек. Для поддержания их жизненного стандарта потребуется увеличить сельскохозяйственное производство в 4 раза, а производство энергии в 6 раз³. Другими словами, при сохранении существующих тенденций неизменными экологическая катастрофа станет неизбежной в течение жизни 2-3-х поколений.

² Сорокин Питирим. Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992. С. 427.

³ Костин А.И. Глобалистика и политическая наука // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 1997. № 3. С. 43.

Возможное повышение **среднегодовой температуры** ко второй половине XXI века может достичь значений, по разным оценкам, от 2,6 до 5,8 градусов по шкале Цельсия, что приведёт не к библейскому, а к реальному затоплению и опустошению островных государств и обширных прибрежных районов на материках. Исследования подтверждают также и продолжающееся разрушение защитного озонового слоя земли.

Для многих государств пресная вода превратилась в критический ограничитель экономического роста, и нет никаких сомнений в том, что количество таких стран будет увеличиваться, а жёсткость ограничения – усиливаться. «**Годом пресной воды**» провозгласила Организация Объединённых Наций 2003 год, и это обстоятельство стало стимулом роста общественного внимания к проблеме водообеспеченности мира в целом, отдельных регионов и стран в настоящем и будущем. Она (проблема) уже сейчас чрезвычайно остра – если не для всех, то примерно для 4 млрд жителей Земли, и есть все основания полагать, что в течение ближайших двух-трёх десятилетий число испытывающих недостаток пресной воды будет расти. Уже сейчас из-за недостатка питьевой воды или её опасного для здоровья людей качества ежедневно в мире умирает 25 тысяч человек! Некоторые специалисты предвидят возможность «**водных войн**». Таким термином предлагают называть возможные острые вооружённые столкновения из-за водных ресурсов⁴.

Пресную воду (во всяком случае, из поверхностных источников) привыкли считать воспроизводимым, возобновляемым ресурсом. Предполагалось, что эксплуатация водных объектов не наносит им существенного ущерба, а если и наносит, то этот ущерб не достигает критического уровня, за которым начинается деградация водного объекта – источника пресной воды, а её воспроизводимость (в полном объёме) становится проблематичной. К сожалению, ещё не редка точка зрения, в соответствии с которой водные ресурсы противопоставляют минеральным, прежде всего нефти. При этом обычно постулируется, что запасы нефти неизбежно иссякнут (против этого спорить не приходится), а запасы пресной воды – никогда. Наивность подобных представлений для науки очевидна уже много лет. Тем не менее, адекватное

⁴ Данилов-Данильян В. ООН предупреждает: дефицит пресной воды опасен для человечества // Международная жизнь. 2003. № 6. С. 140.

понимание этой проблемы все ещё пробивает себе дорогу к общественному сознанию, хотя, наверное, уже каждому известны примеры гибели малых рек, зарастания озёр, очень высокого загрязнения водных объектов всех видов и разновидностей, включая и крупные морские.

Имея в виду последние, на территории нашей страны следует назвать Каспийское и Азовское моря, Финский залив, залив Петра Великого, бухту Золотой рог. Даже на этих мощных по площади и объёму воды бассейнах, не говоря уже об иных, наблюдается процесс агрессивного **эвтрофирования** водоемов. Под этим термином понимается увеличение массы водорослей и высших водных растений вследствие роста концентрации в воде веществ, связанных с оборотом органики, прежде всего, соединений азота и фосфора из-за смыва минеральных удобрений с территорий, а также сброса загрязнённых органикой стоков.

Итак, очевидно, что проблема почти повсеместного ухудшения качества пресной воды в мире обусловлена тем, как, впрочем, и в других случаях взаимодействия человека со средой своего обитания, что антропогенное воздействие на её источники – водные объекты – превышает их несущую емкость.

Даже беглый обзор факторов, влияющих на воспроизводство водных ресурсов, убеждает в том, что важнейшее значение для возникновения водного дефицита имеет общее экологическое неблагополучие, которое сегодня характерно для большинства стран мира и биосферы в целом. Уничтожение лесных экосистем, а в настоящее время в мире уничтожено примерно 40% лесов, существовавших три тысячи лет назад, причём основная часть этих потерь приходится на последние сто лет, опустынивание, с катастрофической скоростью распространяющееся во многих районах мира, почти полная утрата луговых и степных экосистем и замена их агроценозами – всё это факторы истощения водных источников, ухудшения качества воды.

Понимание природных механизмов воспроизводства водных ресурсов необходимо для правильного выбора стратегии водodefицита. Человеку свойственно при возникновении какой-либо нехватки сразу же искать дополнительные количества недостающего. Расширение ресурсной базы при сохранении используемых технологий в части как производственного оборудования, так и организации труда и структуры потребления – это экстенсивный

путь развития, который в определённый момент неизбежно приводит к пределу роста. Такое столкновение крайне болезненно для развивающейся системы, поскольку означает неизбежность выхода из сложившегося режима воспроизводства, причем с ухудшением практически всех экономических и социальных характеристик. **При этом следует иметь в виду, что подобное утверждение справедливо не только в отношении водных, но и иных видов природных ресурсов.**

Однако возможен и другой путь – развитие за счёт преимущественно интенсивных факторов, когда общее потребление дефицитного ресурса не растёт, зато увеличивается эффективность его использования, выражающаяся в сокращении его затрат на единицу получаемого результата. Нетрудно сопоставить экстенсивный путь и развитие за счёт интенсивных факторов. Экстенсивное развитие неадаптивно, обладает высокой инерционностью, обладает высокой инерционностью: каждый шаг, сделанный в сторону увеличения объёма потребляемого ресурса, отвлекает от поиска способов повышения эффективности его использования и тем самым ориентирует социально-экономическое развитие на продолжение экстенсивного расширения, особенно тогда, когда имеются ещё неиспользуемые ресурсы данного типа. Однако ресурсы, предоставляемые потребителю, в данном случае человеческому обществу, являются в существенной степени разными по той роли в природных системах, откуда они изымаются, и роли в тех социально-экономических системах, в которых они потребляются. Особенно это справедливо в отношении водных ресурсов, так как никакие примитивные аналогии здесь неприменимы. Можно заменить один вид топлива на другой: уголь на нефть, нефть на газ, газ на спирт и т.д. И только воду человеку ничто и никогда не заменит.

Итак, обострение глобальных проблем означает вступление человечества в особую полосу исторического развития, которую в политической глобалистике называют «эрой риска». Это понятие отнюдь не является данью той апокалиптической моде, которая стала частью моды в современной интеллектуальной публицистике, в которой стало модным критиковать научно-технический прогресс, разрушение природы, распад традиционных ценностей. Оптимизм эпохи модерна сменился в этой литературе постмодернистским пессимизмом. Ф. Ницше и М. Хайдег-

гер сменили в качестве властителей дум К. Маркса с его верой в спасительность развития производительных сил. Однако эта интеллектуальная, но, более всего, публицистическая тенденция способна лишь указать на радикальность изменения ситуации, но не верифицирует адекватность того или иного отражения реальности. Она же заключается в том, что планета страдает под тяжестью непосильного груза, к которому нельзя приспособиться без риска собственной деградации, а может быть и катастрофы. Рост населения, увеличение потребности в энергии, воде и в иных других многочисленных благах влекут за собой загрязнение среды обитания. Если бы род человеческий производил бы отходов столько, сколько наиболее развитые страны, то равнодействующая сила значительно превзошла регенерирующий потенциал биотехнологий. В этом случае человечеству не помогли бы ни науки об окружающей среде, ни переход на интенсивные методы использования ресурсов. Другими словами, если представить себе пока невозможное сегодня: уровень потребления во всех странах достиг уровня США и Японии, то в результате резкого увеличения давления на среду обитания человечество погибло бы через 6–8 месяцев.

В свою очередь, это означает, что **в современных условиях понятие прогресса (экономического, социального, политического, культурного) в значительной степени требует пересмотра.** Все дело в том, что традиционные представления, вырабатываемые различными отраслями науки, но, прежде всего, философией и политологией, игнорировали или слабо учитывали глобальные связи нашего мира во всех его проявлениях. Это делает их дальнейшее применение или весьма спорным, или весьма опасным. Так как создаётся иллюзия прогресса в условиях нарастания кризисных явлений планетарного масштаба. Вот почему термин **«эра риска»** – это не просто метафора, ситуация слишком серьезна. Он характеризует новые условия эволюции жизни на планете. Такой подход требует особого внимания к глобальной проблематике в силу её экстраординарности, которая характеризует действительность и в странах **«золотого миллиарда»** (экономически развитые постиндустриальные государства), и в странах, где население составляет более чем пять остальных миллиарда человечества. Опасности подвергается уже не только оно, но и генетическое разнообразие живого мира в целом.

В нашей стране начало активного изучения всего комплекса современных глобальных проблем связано с 70-ми годами XX века. Тема завоевала себе право на существование во многом благодаря результатам исследований Э.А. Араб-Оглы, Д.М. Гвишиани, В.В. Загладина, Н.Н. Иноземцева, Н.Н. Моисеева, П.Л. Капицы, Е.К. Фёдорова, И.Т. Фролова, Г.Х. Шахназарова.

Переломным моментом в развитии отечественной глобалистики вообще, политической глобалистики в частности, стал рубеж 80–90-х годов XX века. Нараставший уже длительное время то скрыто, то явно кризис обществоведческих исследований, скованных догматическими интерпретациями марксистского наследия и узкими бюрократическими рамками политической системы, оказавшейся не способной адаптироваться к стремительным переменам конца прошлого века, не мог не сказаться и на таком научном направлении, как политическая глобалистика.

Моноглобалистика предшествовавшего периода, генетически связанная с общими методологическими и теоретическими своими истоками, с начала 90-х годов XX века всё более превращается в разноцветный спектр эвристически значимых, плюралистических исследований, ведущихся с разных позиций⁵.

Важным вопросом представляется проблема: **что же собой представляют глобальные проблемы и что можно определить в качестве них?** Вопрос этот совершенно не надуман, он весьма существенен и далеко не прост.

В настоящее время существует множество дефиниций понятия «глобальные проблемы». При всей разнице в подходах можно выделить **две «крайние» точки зрения:**

Во-первых, есть тенденция бесконечно расширять число подобных проблем. Поэтому все существующие естественнонаучные, научно-технические и социальные проблемы, в конце кон-

⁵ См.: Азроянц Э. Глобализация: катастрофа или путь к развитию? – М.: Новый век, 2002; Василенко И.В. Политическая глобалистика. – М.: Логос, 2000; В поисках равновесия. Экология в системе социальных и политических приоритетов / Под ред. Б.М. Макляревского. – М., 1992; Грани глобализации / Под ред. М.С. Горбачёва. – М.: «Альпина паблишер», 2003; Делягин М.Г. Мировой кризис. Общая теория глобализации. – М.: «Инфра-М», 2003; Мегатренды мирового развития / Под ред. М.В. Ильина, В.Л. Иноземцева. – М.: Экономика, 2001; Родионов И.А. Глобальные проблемы человечества. – М., 1994; Чешков М.А. Глобальный контекст постсоветской России. – М., 1999; Яковец Ю.В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций. – М.: Экономика, 2001.

цов, объявляются глобальными. Но в таком случае само это понятие расплывается и теряет всякий эвристический смысл.

Во-вторых, существует стремление сузить существо понятия глобальных проблем. Ограничить его перечнем того, что сложилось на самом первом этапе изучения этого феномена: экология и проблемы развития.

Ни первая, ни вторая точки зрения не в состоянии адекватно отвечать существу рассматриваемого феномена. Для того чтобы корректно и непротиворечиво сформулировать ответ на поставленный выше вопрос, необходимо определить **критерии**, на основании которых возможно вычленишь из огромного числа проблем, задач и вопросов современного развития те, которые следует относить к числу глобальных.

Во-первых, это такие проблемы, которые по своей сути затрагивают интересы всего человечества, а в перспективе и его будущее. То есть, они планетарны и носят общечеловеческий характер.

Во-вторых, это такие проблемы, которые на деле приобретают всемирный характер, то есть проявляют себя как объективный фактор развития общества во всех основных регионах мира и угрожают регрессом в дальнейшем развитии производительных сил, в условиях самой жизни. Многие из проблем, которые сегодня всеми признаны как глобальные, известны человечеству с его «детского возраста». Другими словами, человеческая мысль давно задумывалась над губительными последствиями бесконтрольного поведения людей по отношению к окружающему их миру. Однако до поры до времени эти последствия имели локальный характер.

За тысячу лет до нашей эры в Греции, например, были вырублены все леса, а освободившиеся территории были заняты пахотными площадями и апельсиновыми рощами. Никакой катастрофы не произошло. Известно также и то, что ирригационные системы в Средней Азии во времена Хорезм-шахов, полностью разрушенные монголо-татарским нашествием в 1221 году, позволяли орошать в два раза большие площади, чем в настоящее время. Однако это печальное событие оказалось лишь только локальной катастрофой.

Начиная с победы капиталистических отношений, важной предпосылкой которых было образование мирового рынка одной

из характерных особенностей мирового развития как в экономической сфере, так и в области социально-политических отношений и в сфере духовного производства стала постепенно усиливающаяся **интернационализация общественных процессов**. Постепенно они превращались в **глобальные**, то есть охватывающие весь мир, всё человечество, затрагивающие каждого человека в отдельности.

Следовательно, именно объективные процессы интернационализации и глобализации придали многим ранее существовавшим и вновь возникшим проблемам глобальный характер. Сферой их действия впервые становится вся планета, все страны и регионы. Причём не одна из них не может быть решена сепаратно, независимо от остальных.

В-третьих, к числу глобальных проблем следует отнести такие, нерешённость которых создаёт угрозу для будущего человечества и которые должны быть решены для обеспечения дальнейшего прогресса человечества. То есть, это проблемы, нуждающиеся в неотложных решениях и действиях по преодолению или предотвращению угроз жизнеобеспечению и безопасности граждан.

В-четвёртых, к числу глобальных относятся те проблемы естественнонаучного, научно-технического, социального и социально-политического характера, которые требуют для своего решения сопряженных, объединённых усилий всего человечества. Их невозможно разрешить без коллективных усилий всех государств, всего мирового сообщества.

Исходя из предложенных критериев к числу глобальных проблем следует отнести:

Демографические сдвиги. Именно от числа живущих на планете людей, территориального размещения и масштабов их хозяйственной деятельности зависят такие важнейшие параметры, как обеспеченность населения ресурсами, состояние биосферы Земли, мировая социальная и политическая среда.

Продовольственная безопасность. На всем протяжении истории человечества производство продуктов питания, как правило, не успевало за ростом народонаселения. Лишь на протяжении 40 лет XX века (с 1950 по 1990 годы) ситуация была иной: население земли за это время удвоилось, тогда как мировой сбор зер-

новых увеличился в три раза⁶. Однако в конце 80 – начале 90-х гг. рост мирового производства продуктов питания начал замедляться, тогда как спрос на них продолжал расти. Последнее связано уже не только с увеличением числа жителей на планете, но и с таким новым фактором, как повышение благосостояния большой массы людей вследствие широкой индустриализации развивающихся стран, в первую очередь в Азии. Считается, что мировой спрос на продовольствие возрастет к 2020 году на 64%, в том числе в развивающихся странах – почти на 100%⁷. Сегодня развитие сельского хозяйства уже не поспевает за изменениями в объеме и структуре мирового спроса на продовольствие. Если подобную тенденцию не остановить, то в ближайшие два–три десятилетия потребность в покрытии недостающих продуктов питания может увеличиться в несколько раз.

Энергообеспечение. Глобальной энергетической опасности в её прежнем понимании как абсолютной нехватки энергоресурсов в мире практически не существует. Но сама по себе проблема надёжного обеспечения человечества энергией остаётся. Суть её, прежде всего, состоит в том, что произошло общее ухудшение природно-географических условий добычи минерального топлива и, как следствие, значительный рост расходов на геологоразведку, добычу и транспортировку энергоносителей на большие расстояния. Районы добычи нефти и газа всё более отдаляются от основных центров их потребления.

Далее, удовлетворение быстро растущих энергетических потребностей пока в значительной мере осуществляется экстенсивным путём – вовлечением в оборот всё новых и новых энергоресурсов, их расточительного, не всегда оправданного расходования. Переход на энергосберегающую технику и технологию ограничивается пока передовыми странами «золотого миллиарда». В подавляющем большинстве развивающихся государств, в том числе и быстро индустриализирующихся, этот процесс, требующий крупных инвестиций, сильно задержался.

К этому следует добавить, что с расширением масштабов энергопотребления резко возросло загрязнение природной среды.

⁶ Максимова М. В XXI век – со старыми и новыми глобальными проблемами // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 10. С. 8.

⁷ “State of the World”. A Worldwatch Institute Reports on Progress Toward a Sustainable Society. N.Y. – London, 1997, p. 79.

В результате сжигания огромных масс угля и особенно нефти выброс углекислого газа достиг размеров, способных воздействовать не только на состояние воздуха, почвы, водных, лесных, биологических ресурсов, но и на состояние климата Земли. С освоением же новых районов нефтедобычи на морских шельфах, увеличением объёмов морских перевозок нефти, ростом протяженности континентальных нефтепроводов возросло число аварийных ситуаций, сопровождающихся загрязнением земной поверхности и Мирового океана.

Происшедший в мире рост числа стран-поставщиков энерго-ресурсов, ослабление позиций ОПЕК, превращение нефти с начала 80-х годов XX века в биржевой товар усилили неустойчивость мирового нефтяного рынка. Политические потрясения, подобные событиям 11 сентября 2001 года или иракскому кризису, вносят существенные коррективы в сценарии мирового развития.

И, наконец, существующий уровень производительных сил и технического прогресса не позволяет гарантировать безопасность замены традиционных источников энергии альтернативными, прежде всего атомными. Крупная техногенная катастрофа в Три – Майл – Айленде (США) и еще более трагичная на Чернобыльской АЭС привели к резкому сокращению строительства и ввода в эксплуатацию новых мощностей атомных электростанций. Проблема осложняется в связи со скоплением многих тысяч тонн опасных для биосферы и здоровья людей ядерных отходов. Очевидно, что понадобится время, прежде чем человечество сможет перейти к использованию надёжных, полностью безопасных для жизни людей и окружающей природы источников энергии, к её разумному расходованию, устойчивому и эффективному энерго-обеспечению.

«Экологический стресс». Со второй половины XX века антропогенное давление на природу достигло размеров, при которых она стала утрачивать способность к самовосстановлению. Деградацию окружающей среды стали сравнивать с «экологическим стрессом». К спасению природы были подключены силы учёных, правительственных учреждений, международных организаций. В результате в последние десятилетия получили развитие экологические исследования, ускорилось формирование природоохранного права, были созданы целые отрасли по защите окружающей среды. Тем не менее, глобальная экологическая

опасность не только не ослабла, но даже возросла. Активизация природоохранной деятельности коснулась преимущественно развитых государств и «золотой миллиард» их населения. В то же время быстрорастущая концентрация населения и высокие темпы экономической активности в развивающихся странах привели к значительному давлению на биосферу Земли, причём в условиях, когда необходимых средств для проведения экологической политики у этих стран просто нет.

Проблема военного конфликта с применением ядерного и иных видов оружия массового уничтожения. Несмотря на то, что угроза глобального термоядерного конфликта существенно снизилась за годы, прошедшие после окончания Холодной войны, она не исчезла вовсе. По-прежнему в арсеналах России и США хранится объём ядерного оружия, заметно превосходящий реальные потребности обеспечения их безопасности и способный многократно уничтожить всё живое на планете. Возникла реальная угроза неконтрольного «расползания» ядерного оружия по миру. Появление в результате этого процесса так называемых «ядерных карликов» способно существенно дестабилизировать обстановку в мире. Наконец, ядерное оружие может оказаться в руках сил, которые сами по себе представляют собой глобальную угрозу для человечества.

К большому сожалению, следует признать правомерность тревожной оценки в этой связи ситуации, складывающейся в мусульманском секторе современного мира. Ярким представителем такой точки зрения является выдающийся политолог и социолог нашего времени **Сэмюэль Хантингтон**. С его точки зрения, «современная глобальная политика – это век мусульманских войн. Мусульмане борются друг против друга, а также против немусульман намного чаще, чем народы, принадлежащие к другим цивилизациям. Войны мусульман пришли на смену холодной войне, которая до этого являлась основной формой международного конфликта. К ним относятся террористические, партизанские, гражданские войны и межгосударственные конфликты. Эти примеры насилия мусульман могут перерасти в глобальное столкновение цивилизаций между Исламом и Западом, а также между Исламом и Остальными. Возможно, однако, что этого и не случится и, что более вероятно, всплески насилия при участии мусульман останутся хаотичными, частыми и различными по

своей форме. Век мусульманских войн начался в 1980-х, когда перспектива завершения холодной войны стала более реальной»⁸.

С нашей точки зрения, если в данном заключении и есть преувеличение, то очень небольшое. Судите сами: в 1980 Ирак начал агрессию против Ирана и в результате этой войны погибли 500 тыс. человек и сотни тысяч были ранены. В то же время пребывание войск Советского Союза в Афганистане продолжало провоцировать яростное сопротивление афганцев, что закономерно завершилось выводом наших войск из этой страны в 1989 году. Такое завершение событий стало возможным благодаря американской технике, саудовским и американским деньгам, поддержке Пакистана и военно-тренировочным лагерям на его территории, а также участием тысяч боевиков из других, преимущественно арабских, мусульманских стран.

В 1990-м году Саддам Хусейн вторгся в Кувейт, пытаясь присоединить его к своей территории, чтобы противостоять Ирану, Соединённым Штатам удалось организовать международную коалицию, в которую вошли и несколько мусульманских стран. Далее, на протяжении 1990-х годов насилие между мусульманами и немусульманами вспыхнуло в Боснии, Косово, Македонии, Чечне, Азербайджане, Таджикистане, Кашмире, Индии, на Филиппинах, в Индонезии, на Ближнем Востоке, в Судане и Нигерии. При этом афганские моджахеды стали основными участниками многих из этих конфликтов, они входили и входят также в мусульманские террористические организации во многих странах мира. На рубеже XX и XXI веков мусульмане оказались вовлечёнными в большую половину этнических конфликтов, вспыхнувших в мире. И это при том, что мусульмане составляют лишь одну пятую часть населения всего земного шара.

Несомненно, ответственность за многое, если не всё, из перечисленного выше, лежит на разных правительствах и конкретных индивидуумах, – к примеру, суданское правительство отвечает за продолжающуюся войну против христиан, а власти Израиля и Палестины – за вторую интифаду. Однако истоки эпохи мусульманских войн кроются в более общих причинах. Они происходят не из самой сущности исламской доктрины и верований, которые, как и в христианстве, могут быть использованы их приверженца-

⁸ См.: Сэмюэль Хантингтон. Век мусульманских войн // Доступно On line www.archipelag.ru / Дата обращения 18.03.2005 г.

ми, в зависимости от трактовки, для оправдания войны или мира. Причины современных мусульманских войн, равно как и угрозу их возможной глобализации, следует искать в политике, а не в религиозных доктринах VII века.

Терроризм. В настоящее время, пожалуй, представляет собой самую опасную глобальную проблему. Цели современного терроризма многообразны. Это и попытки изменить политический строй, свергнуть руководство той или иной страны, навязать в качестве официальной идеологии сектантские, фундаменталистские и иные воззрения. Это и подрыв стабильности в обществе, запугивание населения, провоцирование военных действий, требования освободить от ареста соучастников по террористическим актам, получить выкуп и иные материальные выгоды. Арсенал используемых средств также широк, причём имеет очевидную тенденцию как к количественному расширению, так и к качественному «совершенствованию»: убийства политических лидеров, захват заложников, вербовка, финансирование, обучение наёмников, их использование в террористических актах и незаконных вооруженных формированиях. Сюда же следует добавить угон самолётов, захват телевизионных и радиоцентров, незаконное радиовещание и использование сети Internet и многое другое.

Внутри этой проблемы быстро оформляется в самостоятельную проблему **производство и торговля наркотиками**. Нелегальная международная торговля ими охватила практически все страны мира. Сформировались мощные группировки, располагающие сетью торговых и производственных предприятий, собственными лабораториями, собственным обученным персоналом. Степень общественной опасности международного наркобизнеса чрезвычайно высока. Его следствием является причинение вреда здоровью растущего числа граждан, снижение социальной активности, ухудшение генофонда человечества. Неразрывным спутником наркомании является процесс распространения особо опасных заболеваний, от которых у общества пока нет защиты и, прежде всего, **СПИДа**.

Серьёзную глобальную проблему представляет собой **растущий разрыв** в уровне социально-экономического, политического развития, а также стандартов жизни и потребления между развитыми странами постиндустриального мира, с его «золотым миллиардом» населения и оставшейся большей частью челове-

ства. Ось противостояния, грозящая глобальными столкновениями и конфликтами, от оси «восток – запад» переместилась к **оси «север – юг»**. Необходимость уже не догоняющей, а **опережающей модернизации** грозит превратиться в планетарную проблему в силу своей исключительной многоаспектности, в которой заключены императивные необходимости глобального совершенствования **образования, здравоохранения** и всего того, что называют **образом жизни человека**.

Интересен вопрос о **динамике глобальных проблем**. В чисто содержательном аспекте, то есть вне социально-политического контекста, можно утверждать, что будет происходить как увеличение, так и уменьшение числа глобальных проблем. В самом деле с развитием научного знания, техники и технологии будут осваиваться новые методы контроля над природными процессами. В круг используемых материалов будут включаться новые типы синтетического сырья. Будет продолжаться осваиваться Мировой океан и космос. В то же время каждое из этих свершений будет порождать новые проблемы во взаимоотношениях человека с окружающей его средой. С учётом набирающей темпы глобализации и интернационализации экономических и социально-политических процессов многие из этих проблем, наверное, приобретут глобальный характер. С другой стороны, развитие научно-технических знаний, прогресс производства, развитие международного сотрудничества будут способствовать разрешению некоторых из существующих глобальных проблем, а также которые будут возникать. То есть, число глобальных проблем одновременно будет и сокращаться.

Итак, известным образом **динамика глобальных проблем** представляет собой противоречивый процесс. Но саму эту противоречивость следует считать прогрессом в сравнении с действительностью сегодняшнего дня. Такой вывод вытекает из осознания того объективного факта, в соответствие с которым до настоящего времени шёл, а во многом идёт и сегодня, по существу, однозначный процесс роста числа глобальных проблем, процесс их углубления и обострения. Даже процесс глобализации экономики таит в себе немалые и весьма возможные в скором времени риски. Основная группа факторов риска в глобальной экономике обусловлена проблемами развитых стран и прежде всего – Соединённых Штатов.

Несмотря на общепринятое мнение о растущей конкурентоспособности экономики США, реальная действительность последних 20 лет выглядит намного сложнее. Если в 1970-м году почасовая производительность работников, занятых в американском народном хозяйстве, превышала показатель 15 стран ЕЭС на 42%, то сегодня – только на 9,5%. Если в середине 1980-х и 1990-х годов внешняя торговля Соединённых Штатов оставалась в целом сбалансированной, то итогом 2004 года стало отрицательное внешнеторговое сальдо в 650 миллиардов долларов или 5,6% ВВП. Для сравнения следует иметь в виду, что по итогам этого же года положительное сальдо торгового баланса составило в зоне евро 0,8% ВВП, в Китае – 2,9%, а в Японии – 3,7% ВВП⁹. При этом растущее потребление американцами товаров, произведённых за рубежом, опирается на более чем шаткое основание – долги домохозяйств, с 1996 г. выросшие более чем вдвое. Американские товары теряют рынок за рынком, а иностранцы уже владеют американскими активами, стоимость которых соизмерима с ВВП Соединённых Штатов и составляет 10,5 триллионов долларов, что на треть превышает совокупную стоимость американских активов за пределами самих США.

Разумеется, проблемы, связанные с недостаточной хозяйственной эффективностью, возникали в разное время практически в любой стране. Особенность же современной американской ситуации состоит, однако, в том, что США остаются крупнейшим в мире потребителем промышленной продукции и при этом являются эмитентом главной резервной валюты – доллара. В этих условиях динамика мировой экономики зависит от динамики спроса в США, а последний – от роста денежной массы. Поэтому многие страны пока готовы идти на риск увеличения вложений в доллар, если это обеспечит стабильность экономического роста в Америке и поддержит их экспортно-ориентированные отрасли. Но это не может продолжаться долго.

В 1998–2004 гг. долларовые резервы только четырёх стран – Японии, Китая, Российской Федерации и Республики Кореи – суммарно увеличились более чем в 4,5 раза – с 383 млрд долларов до 1,73 трлн долларов. Однако сначала отток инвесторов с американского фондового рынка, а затем и ухудшение фундаменталь-

⁹ См.: Глобальные угрозы – 2005 // Россия в глобальной политике. 2005. № 2.

ных экономических показателей США вызвали постепенное снижение курса доллара, что должно было разрядить ситуацию за счёт сокращения американского импорта и выправления торгового баланса. Но этого до сих пор не произошло. В этой ситуации вполне реальным может стать **«бегство от доллара»**, которое способно спровоцировать резкое снижение стоимости американской валюты и кризис в экспортно-ориентированных отраслях экономики Европы и большинства азиатских стран. Сама Америка при таком развитии событий, конечно же, также не избежит кризиса.

Определённые риски для глобальной экономики проистекают и из Европы. Прежде всего, здесь следует назвать **безработицу**. Когда в 1997–1998 годах к власти в большинстве европейских стран пришли социал-демократические правительства, сокращение безработицы было объявлено одним из главных приоритетов. И действительно, поначалу здесь были достигнуты большие успехи. Но сегодня картина совсем другая и совсем не радужная: во Франции в 2005 году доля людей, не имеющих возможности работать, достигла 10% от общей массы трудоспособного населения, в Германии 11,7% (в США, к примеру, 5,4 – 5,5%). Растущая безработица оказывает давление на развитую европейскую систему социального обеспечения и без того отягощённую огромными тратами, и это представляет серьёзную угрозу для стабильности европейской экономики. Она (угроза) носит среднесрочный характер, но не замечать её сегодня уже нельзя.

Существует и целый ряд дополнительных факторов, характеризующих нынешний этап экономического развития, причём масштаб их воздействия на динамику этого развития пока едва ли поддаётся надёжному прогнозированию. **Главный из этих факторов – бурное развитие крупнейших экономик Азии – Китая и Индии.** Наиболее дальновидные специалисты и аналитики уже давно указывали на его дестабилизирующий характер, но к 2005 году произошли два события, которые заставили обратить на него особо пристальное внимание.

Во-первых, чисто количественный рост китайской экономики воплотился в качественное изменение положения КНР в мире. Если в 1996 году Китай поставлял на мировой товарный рынок меньшую по стоимости массу товаров, чем Бельгия (!), то по итогам 2004 года он стал третьей по объёму экспорта экономикой

мира. В то же время КНР остаётся одним из крупнейших реципиентов иностранных инвестиций. При этом китайское политическое руководство до сих пор отказывается выполнить свои обязательства относительно либерализации курса юаня. Пользуясь всеми преимуществами членства в ВТО, оно не подчиняется важнейшим «правилам игры» этой организации. Совершенно очевидно, что недалёк момент, когда и сам объём китайской экономики, и нормы поведения Китая станут серьёзным фактором возможной глобальной экономической нестабильности.

Во-вторых, быстрое экономическое развитие Индии, на протяжении последних пяти лет демонстрирующей среднегодовой темп прироста ВВП на 7,4%, также способствует росту доли Азии в мировой экономике. Это является дестабилизирующим фактором, справиться с которым будет не так просто, как многим того хотелось бы, вне зависимости от их географического местоположения.

Наконец, немаловажным фактором, усиливающим потенциальную возможность глобальной нестабильности, являются **действия политиков**, которые весьма трудно поддаются предсказанию или прогнозу. Речь идёт о том, что одной из главных опасностей современной международной стратегической стабильности стал **синдром «искушения превентивностью»**. Прежде всего, это относится к политике Соединённых Штатов и к их «борьбе за укрепление демократии» на Ближнем Востоке, а также к возможным последствиям их озабоченности ядерными программами Ирана и Северной Кореи. Если США в ближайшем будущем предпримут в той или иной форме агрессивные действия против Ирана или КНДР (напомню, что оба государства являются территориальными соседями России), то это будет иметь крайне плачевные последствия для курсов валют, для международной экономической стабильности и для судеб мира в целом. В этой ситуации станет более всего возможным пробуждение и резкая активизация самых тёмных и наиболее реакционных сил современного мира как на государственном, так и на иных уровнях.

В любом случае чрезвычайно важно вовремя замечать появление проблем, которые могут стать глобальными, и своевременно вырабатывать адекватную реакцию общества на них. В этой связи очень важным представляется понимание того, что может

стать **источниками обострения глобальных проблем**. Ими могут стать ряд процессов:

Во-первых, противоречия в общественной жизни. Под ними имеются в виду, прежде всего, экономические, социокультурные противоречия, которые, являясь своеобразной причиной и стимулом, обеспечивают смену фаз исторического процесса и во много обуславливают формирование господствующего отношения человека к окружающей его среде.

Во-вторых, стихийное или недостаточно сознательное присвоение человеком богатств природы. Имеется в виду такой характер материального производства, в ходе которого разрушаются важнейшие экологические взаимозависимости, обуславливающие целостность биосферы, наносится необратимый ущерб окружающей среде, под угрозой деградации оказываются природные условия социальной жизни. Невозможно, например, наращивать производство и потребление энергии на планете масштабами и темпами второй половины XX века, которые приводили к их удвоению каждые десять лет.

Однако даже наиболее мощные, энерго- и материалосберегающие экономики наиболее развитых стран современного мира по-прежнему могут нести и несут угрозу глобальных народохозяйственных потрясений. Другими словами, основная группа факторов современных глобальных экономических рисков обусловлена проблемами именно стран «золотого миллиарда», и, прежде всего, Соединённых Штатов.

В-третьих, динамика демографических процессов. Чрезмерный или недостаточный рост населения может оказать негативное воздействие на глобальные процессы. В условиях современности непрерывный рост населения, каким бы желательным он не представлялся с точки зрения отдельных стран и экономики, является одним из главных источников глобальных опасностей, так как, прежде всего, приводит к усилению дифференциации уровня и качества жизни не только между развивающимися и развитыми странами, но и между самими развивающимися странами и даже внутри каждой из них. С большой вероятностью это может привести к нарастанию социальных и межгосударственных конфликтов, в которые будут неизбежно втянуты и «благополучные» страны. В XXI столетии многие участники конфликтов почти наверняка будут обладать оружием массового уничто-

жения, что само по себе способно поставить человечество на грань планетарной катастрофы. Факты насилия конца XX века поистине ужасны. За пять недель 1994 года, например, во время этнического конфликта между племенами хуту и тутси было уничтожено 800 тысяч человек, что стало «мировым рекордом» по геноциду.

В-четвёртых, следует учитывать внутреннюю имманентную активность самой природы. Процессы эволюции природной среды, влияющие на жизнедеятельность человека, весьма противоречивы. Одной из форм такой активности являются катастрофы природного и социоприродного происхождения. По своей природе катастрофы подразделяются на **геофизические** (землетрясения, тропические ураганы, извержения вулканов, цунами и т.д.), **климатические** (циклоны, похолодания, засухи), **демографические** (избыточный рост населения или его резкая убыль), **технологические** (крупномасштабные загрязнения среды, «ядерная зима»). Число пострадавших и погибших в результате учтённых природных катастроф в мире возросло с 26,6 млн и 22,3 тыс. человек в среднем за 60-е годы XX века до 44,3 млн и 114,1 тыс. человек в среднем в 90-е годы. Всего же на планете за последние 20 лет прошлого века в результате природных и технологических катастроф понесли ущерб около одного миллиарда человек. Эту печальную статистику лишь увеличивают материальные потери и многочисленные жертвы (примерно 200 тысяч человек) цунами в Индонезии и Южной Азии в начале 2005 года, а последствия и жертвы разрушительнейшего урагана «Катрина» в августе того же года убедительным образом доказали, что даже такая могущественная и богатейшая страна, как США, практически беззащитна перед ударами стихии.

В-пятых, становление единой целостной системы «**биосфера и человечество**» происходит в чрезвычайно противоречивой форме. Рассматривая причины этих противоречий, нелишним будет вспомнить эмпирическое обобщение К. Маркса об «**эластичных потенциях капитализма**». Рабочая сила, наука и земля в соответствии с его выводом образуют «эластичные потенциалы капитала», которые в «известных границах расширяют его арену действия независимо от количественной величины»¹⁰. Этими по-

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 623.

тенциями капитал воспользовался полностью. Однако в контексте анализа глобальных проблем особый интерес представляет та историческая последовательность, в которой капитал использовал эти свои потенции.

Он начал с беспощадной эксплуатации **рабочей силы** – наиболее доступной для него природной силы на первом этапе развития капитализма. Исторический процесс овладения капиталом этой своей потенцией вызвал появление самостоятельного движения наёмных рабочих и формирование политических партий, возглавивших это движение. Революции начала XX века совершенно ясно доказали факт исчерпания капиталом потенциала своего развития за счёт эксплуатации рабочей силы. Урок, преподанный ими, не пропал даром, и были предприняты усилия для переориентации стратегии развития капитализма. Такая переориентация была осуществлена в направлении всемерного использования двух других потенций капитала – земли (ресурсов биосферы) и науки, с помощью которой были разработаны способы ускоренного потребления природных ресурсов. Она (переориентация) позволила резко сократить потребление живого физического труда наёмных рабочих, существенно повысить уровень их жизни и тем самым заметно погасить остроту социальных конфликтов.

Вместе с тем, при ориентации производства на максимальное потребление природных ресурсов при капитализме усилилась тенденция к разрыву между обществом и природой. Только в условиях резкого обострения экологических проблем, под давлением общественного мнения, в том числе представителей «зелёного движения», в развитых странах стала формироваться и во многих случаях успешно реализовываться политика охраны окружающей среды.

В нашей стране в XX веке без каких-либо существенных изменений была воспроизведена такая же тенденция максимального развития производительных сил и материально-технической базы общества за счёт ускоренного потребления природных ресурсов. Не были использованы даже многие достижения отечественной естественнонаучной мысли, внесшей решающий вклад в разработку концепции биосферы и научных основ взаимодейст-

вия человечества с биосферой (учение В. И. Вернадского о ноосфере)¹¹.

Экологические и социальные кризисы, постоянно сопровождающие развитие человеческого общества со второй половины XX века, в конце концов, привели к концентрации внимания не на экономике, не на культуре в качестве базисных факторов, которым, как правило, вменялось в вину порождение пределов развития, а на **политике** как основном источнике всех ограничений и кризисов. Рисковый характер эволюции человечества требует его коллективной адаптации к новым условиям существования. Подобная адаптация должна побуждать к деятельности, направленной на сокращение глобального риска, на раскрытие горизонта будущего. Реальности современной цивилизации таковы, что обеспечить это может лишь политически регулируемое, направляемое развитие. Таким образом, **политическая глобалистика** как отрасль политологического научного знания призвана исследовать формирование политики глобальной безопасности, возможности и средства регулирования глобальной сферы.

Политика глобальной безопасности в широком смысле слова – это политика уменьшения глобального риска. В гносеологическом плане – это своеобразная **политология планетарной безопасности**. Данное формирующееся направление политической науки призвано раскрыть особенности политического процесса в условиях нарастающих глобальных опасностей. Оно исследует политические формы и средства адаптации отдельных обществ и цивилизации в целом к императивам выживания, осуществляет поиск механизмов, методов, направлений регулирования взаимозависимостей, определяющих безопасность глобальной системы и её различных структур. Центральным звеном этого направления является **экополитология**, раскрывающая политические аспекты глобального взаимодействия общества и природы.

* * *

Общее расширение функционального пространства политики, возрастание её роли как критического фактора выживания планетарного сообщества и отдельного государства ведут к пере-

¹¹ См.: Вернадский В.И. Научная мысль как планетарное явление // Философские мысли натуралиста. – М.: Наука, 1988. С. 124–153.

оценке её возможностей и, естественно, к новым требованиям к политической мысли и власти. Политическая власть и в целом политическая сфера, её влияние на формирование грядущего стали центральной проблемой общественного процесса. Таким образом, политический ключ к решению глобальных проблем – в повышении уровня организованности и управляемости мирового сообщества.

Контрольные вопросы

1. Количественные и качественные характеристики развития мира в начале XXI века.
2. Глобальные проблемы как область научного знания: критерии их вычленения. Политическая глобалистика.
3. «Золотой миллиард» как глобальная проблема.
4. Динамика глобальных проблем.

Тема 2. ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА. «ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ВЗРЫВ» И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ. ПРОБЛЕМА ПЕРЕНАСЕЛЕНИЯ ПЛАНЕТЫ

Земля в отличие от соседних с ней, да и вообще известных планет, окутана биологической оболочкой, называемой жизнью. Сама эта оболочка чрезвычайно тонка, так тонка, что её вес едва ли превышает одну миллиардную часть веса самой планеты Земля. Внутри этой оболочки, сосуществуя с растениями, животными, насекомыми и другими живыми организмами, живёт человечество.

Человек стал *Homo Sapiens*, то есть выделившимся из животного мира человеком разумным, примерно полмиллиона лет назад, когда прошло уже довольно долгое время после возникновения многих других форм органической жизни. Свой современный антропологический облик люди приобрели за 40 тысяч лет до сегодняшнего дня. Но именно в силу роста населения Земли и хозяйственной деятельности человечества сегодня существует угроза для этой тонкой оболочки материи, которая и делает нашу планету уникальной.

Решающий аспект всей демографической проблемы. Решающим аспектом всей демографической проблемы является неодинаковый рост населения в разных регионах. Если бы население Земли увеличивалось и уничтожало ресурсы равным темпом по всей территории планеты, перед человечеством и тогда бы стояла весьма серьёзная проблема. Но она дополнительно и весьма существенно усложняется тем, что для разных народов демографические тенденции неодинаковы. К примеру, число жителей в основных хозяйственно-экономических центрах – Северной Америке, Западной Европе, Японии, Австралии, Новой Зеландии вместе взятых увеличилось за 1950 – 1996 годы в 1,5 раза, в Восточной Европе и бывшем СССР в 1,6 раза. В развивающихся же странах за эти годы население выросло в 2,7 раза, в том числе в Африке – в 3,3, Латинской

Америке – в 3, Азии – 2,5 раза. В итоге доля этих стран в общей численности жителей планеты возросла с 2/3 до почти 4/5¹².

Эта несбалансированность влияет на то, как воспринимают друг друга расы, живущие на Земле; она воздействует на международную и внутреннюю политику, социальное устройство, обеспечение продовольствием, энергией, миграционные потоки. Существуют некоторые колебания в прогнозируемых оценках общей численности населения Земли к 2025 и 2050 годам. Но даже оценочные цифры заставляют серьёзно задуматься, особенно если их рассматривать в исторической перспективе.

В 1825 году, когда ирландский монах и учёный **Томас Мальтус** вносил окончательные поправки в рукопись своей **книги «Опыт о законе народонаселения»**, которая, став бестселлером, обратила впервые внимание учёных и политиков на демографическую проблему, породив при этом целую научную школу, на планете насчитывалось примерно 1 миллиард жителей. Необходимо подчеркнуть: до этой численной отметки население Земли шло почти 40 тысяч лет. Однако уже в течение следующего столетия население мира удвоилось и достигло 2 млрд, а еще за 50 лет (с 1925 по 1976 гг.) оно снова удвоилось и достигло отметки в 4 млрд человек. К 1990 году население планеты возросло до 5,3 миллиарда. И общая численность населения в мире продолжает расти, достигнув в 2000 году 6 млрд человек.

При этом следует иметь в виду, что в последнюю треть XX века темпы ежегодного прироста населения заметно снизились: от пиковой отметки в 2,2% в 1963 году до менее чем 1,4% на рубеже веков. Произошло это потому, что во многих странах сократилась рождаемость. За этим обстоятельством стоит снижение **коэффициента фертильности** – числа детей рождающихся в течение жизни одной матери. В сравнении с 60-ми годами XX века и началом следующего Индия сократила этот показатель с 6 до 3,8 ребёнка на каждую семью, Индонезия и Бразилия – с 6,4 до 2,9. В Китае эта динамика выглядит ещё более впечатляюще – с 6,2 до 2 детей на семью. В целом в мире между 1950 и 1996 годами число детей в семье сократилось в среднем с 5 до менее 3¹³.

¹² Максимова М. В XXI век – со старыми и новыми проблемами // *Мировая экономика и международные отношения*. 1998. № 10. С. 6.

¹³ Braun L.-R., Renner M., Flavin Ch. *Vital Signs*. N.-Y. – London, 1997, pp. 80–81.

Подобные изменения – результат роста благосостояния населения в экономически зрелых странах, снижения масштабов бедности и повышения уровня жизни во многих развивающихся странах, вставших на путь реформ и индустриализации. В числе последних Китай, Индия, Индонезия, Бразилия, где проживает почти 45% населения мира. Вместе с тем сыграл свою роль переход этих и некоторых других стран к политике ограничения рождаемости.

Тем не менее, население нашей планеты будет расти. По прогнозам ООН, к 2025 году оно может достигнуть 9,4 млрд человек в соответствии с самым пессимистическим сценарием развития событий реально достигнет отметки 8,5 млрд, но будет никак не меньше цифры в 7,6 млрд человек.

Согласно расчетам специалистов и экспертов из Всемирного банка население Земли составит примерно 10–11 млрд, но не больше 14,5 млрд, человек к 2045 году, после чего стабилизируется в этих пределах и расти далее не будет. Другими словами, если прогнозы и расчёты экспертов и специалистов окажутся верными, примерно в это время произойдёт глобальное изменение уровня рождаемости или **великий демографический сдвиг**.

Во всех доиндустриальных типах социально-экономического развития экономическая функция семьи принимала форму: чем больше детей, тем больше работников, тем выше уровень семейного благосостояния. Модернизационные процессы, переход к индустриальному, а тем более к постиндустриальному типам социально-экономического развития, серьёзно изменил все общественные функции семьи. В части их экономической составляющей количество работников влияет на её благосостояние уже в гораздо меньшей степени, чем образование, квалификация и здоровье. Если супруги в парной семье имеют двоих детей, то никакого расширенного воспроизводства нет. Родители восстановили только самих себя, и это означает, что роста населения не происходит. Для того чтобы обеспечить расширенное воспроизводство населения в каждой семье должно быть 2,65 ребёнка, что в реальной жизни означает 5 детей на две семьи. **Глобальное изменение уровня рождаемости или великий демографический сдвиг**, который произойдёт в середине XXI века, будет означать стабилизацию рождаемости на уровне одного, реже двух детей в семье. Таким образом, население нашей планеты стабилизируется

на уровне тех численных значений, которые были названы выше. Вся глобальность демографической проблемы состоит в том, что человечество ещё 40–50 лет будет жить в условиях роста своей численности, а это означает рост давления на среду обитания и иные сопутствующие последствия, о которых говорилось выше. Как же, в каких условиях будет жить Земля это время?

Необходимо подчеркнуть, что **суть современной демографической проблемы заключается в приросте населения планеты в подавляющих объёмах за счёт развивающихся стран:** 95% всего роста до 2025 года будут происходить именно в этих регионах мира. В 1990 – 1995 годах ежегодный средний прирост населения Земли составлял 1,7%, а начиная с 1996 года и того меньше – 1,6%. Если для Европы составная этой средней величины была 0,22%, а в начале XXI века – 0,2%, то для Африки в наши дни – это 3%. Драматизм этой ситуации хорошо виден на следующем примере. В 1950 году население Африки составляло половину европейского. В 1985 году население Африки и Европы сравнялось, достигнув 480 млн на каждом из континентов. В 2025 году по прогнозу в Африке будет жить в три раза больше людей, чем в Европе: 1 млрд 580 млн против 512 млн¹⁴.

История свидетельствует: уровень рождаемости в аграрных обществах обычно очень высок, но также высок и уровень смертности, особенно детской (из 1000 новорождённых детей от 200 до 400 умирает в первый год жизни). В доиндустриальных обществах именно поэтому широко практикуются ранние браки, и супруги стремятся иметь много детей: даже если какое-то количество детей умрёт в младенческом возрасте, каждый выживший всё же увеличит рабочую силу семьи. Отсюда легко себе представить, что происходит с населением аграрного общества, когда в силу успехов здравоохранения смертность снижается, как это имело место в Европе в XIX веке.

По печальной иронии судьбы **современный демографический взрыв** является преимущественно результатом развития медицины и здравоохранения в индустриальных и постиндустриальных странах: применение иммунизации и антибиотиков, широкое использование ДДТ в борьбе с малярией. Оглядываясь на опыт Европы XIX века, можно утверждать, что **демографиче-**

¹⁴ Кеннеди Пол. Вступая в двадцать первый век. – М.: «Весь мир», 1997. С. 40.

ский взрыв вполне можно было предсказать. Вчерашнее, вполне естественное желание сократить младенческую смертность в развивающихся странах, оказание для этого широкой гуманитарной помощи сегодня привело к непреднамеренному результату – росту населения, далеко превзошедшему предсказания Т. Мальтуса.

Сегодня на самом бедном континенте мира население составляет 650 млн человек, но в 2025 году оно достигнет отметки 1580 миллионов. При этом население Нигерии с сегодняшних 113 млн увеличится до 301 млн, Кении с 25 до 77 млн, Танзании с 27 до 84 млн, Заира с 36 до 100 млн.

В других развивающихся странах наблюдается примерно такой же рост населения. В Китае, несмотря на действие жёстких государственных программ ограничения рождаемости, к 2025 году оно составит 1,5 млрд человек по сравнению с сегодняшними 1,2 млрд. Ещё быстрее растёт население Индии, которое уже сегодня превышает миллиардную отметку, а к 2025 году превзойдёт уровень Китая, а затем в самые короткие сроки достигнет двух миллиардов.

Но кроме признанных «демографических гигантов» беспрецедентно высокой численности населения в третьем десятилетии XXI века достигнут и другие страны: Пакистан – 267 млн, Бразилия – 245 млн, Мексика – 150 млн, Иран – 125 млн человек.

За этой впечатляющей статистикой стоит и другая, не менее впечатляющая реальность. Каждый человек нуждается ежедневно в 2–3 тыс. калорий, получаемых с пищей, и не менее чем в 2,5 литрах питьевой воды. В действительности сегодня, за исключением достаточно благополучных стран, человек получает значительно меньше того и другого. Каково же будет положение уже в самом ближайшем будущем?!

С точки зрения социальной антропологии существует всего два месторасположения массовой нищеты: сельская местность и города. Следует иметь в виду, что в последних она растёт гораздо интенсивней по той причине, что более молодая и поэтому более подвижная часть населения в поисках лучшей доли покидает сельскохозяйственную зону обитания. Если в 1985 году доля городского населения в развивающихся странах составляла всего 32%, то в 2000 г. она составила уже 40%, а в 2025 году, в соответствии с прогнозом Всемирного банка, она составит уже 54%. Другими словами, если сегодня в городских зонах развивающихся

ся стран живёт 1,4 млрд человек, то к 2025 году горожан будет 4 миллиарда.

Следует ясно представлять, что к этому времени Латинская Америка будет самым урбанизированным районом мира – 85% всего населения будут горожанами, в Африке примерно 58%, а в Азии – 54%. В 2000 году существовало 20 крупнейших городов-мегаполисов с населением 11 и более миллионов человек. 17 их них расположены в зоне развивающихся стран мира.

В 2000 году население этих городов составило: Мехико – 24,4, Сан-Паулу – 23,6, Калькутта – 16, Мумбай – 15,4, Шанхай – 14, 7 млн человек.

Эта тенденция не просто отображает проблему роста городов, но и влечёт за собой изменение наших социальных и культурных представлений о городской жизни. Тысячелетиями города, такие как Ниневия, Тир, Рим, Константинополь, Венеция, Амстердам, Лондон, Нью-Йорк, были центрами благополучия и комфорта, творчества и культуры. В них жили высшие и средние классы, строились прекрасные здания, кварталы прорезали восхитительные бульвары, площади украшались памятниками, зеленили парки. Конечно, многие города и в будущем сохраняют свою привлекательность – и не только для благополучных жителей.

Напротив, мегаполисы с населением в 20 и более миллионов человек в Азии, Африке, Центральной и Южной Америке будут превращаться в рассадники нищеты и социальной неустойчивости. Уже сегодня в них наличествует чрезмерная концентрация людей, к примеру, 143 тысячи человек на квадратный километр в Лагосе (Нигерия), 130 тысяч в Джакарте (Индонезия). Если сравнить эти цифры со 11 400 человеками на квадратный километр в Нью-Йорке или 8547 человек в Москве¹⁵, то становится ясной неприемлемость для их обитателей пользования благами, предоставляемыми традиционными западными городами. При этом термин «Запад» имеется в виду в социальном и в культурном, а не в географическом смысле слова.

Трудно даже представить, какова будет нагрузка на уже сегодня неудовлетворительные (во многих случаях даже несуществующие) жилищные условия, санитарное состояние, транспортные узлы и системы коммуникаций, распределение пищи и выво-

¹⁵ Малый атлас России. – М.: «РОСМЭН», 2000. С. 77.

ды, систему утилизации отходов в таких мегаполисах, если их население удвоится или утроится.

Особняком в этой большой проблеме стоит вопрос **использования рабочей силы**. В 2000 году в развивающихся странах её контингент составил 1 млрд 760 млн человек, но к 2025 году его численность возрастёт до уровня, превышающего 3,1 млрд человек. Это определяет настоятельную необходимость создания 38 – 40 млн новых рабочих в год только в этой зоне мира. И ученые, и практические политики понимают, что это практически невыполнимая задача.

Конечно, сам по себе процесс урбанизации и отхода от аграрной доиндустриальной цивилизации следует признать положительным, особенно в долгосрочном плане, когда она, безусловно, приведёт к снижению скорости прироста населения. Отрицательным является очевидное обстоятельство: в ближайшие 20–40 лет процесс перемещения сельского населения развивающихся стран в города невиданно обострит буквально все проблемы, связанные со скученностью населения, отвратительными условиями жизни тех, кто сейчас пребывает в младенчестве или должен родиться.

Фактор СПИДа. Остаётся поистине один случайный и трагический фактор, который способен внести серьёзные коррективы во все статистические выкладки – это эпидемия СПИДа, особенно в Африке, где он собственно и зародился. За все 90-е годы XX века в Африке умерло от этой страшной болезни 3 млн человек, но уже только в 2001 году от него на континенте умерло 2,2 млн человек (всего в мире 3 млн), около 11 млн африканских детей вследствие этого лишились одного или обоих родителей. Средняя продолжительность жизни в странах Африки к югу от Сахары не превышает сейчас 47 лет, в то время как без СПИДа она могла бы достигать 62 лет. В период с 2000 по 2020 годы из-за эпидемии 55 млн жителей южной части континента умрут раньше срока от этой болезни¹⁶. В настоящее время Южно-Африканский регион представляет собой зону ВИЧ/СПИД-эпидемической катастрофы.

Считается, что ВИЧ-инфекция в Африке достигнет своего пика к 2020 или 2025 годам, поразив 20–30% взрослого население

¹⁶ Гузенкова Т., Кандауров С. О последствиях распространения ВИЧ / СПИД в России // Свободная мысль. XXI. 2003. № 2. С. 85.

ния. Это означает, что эпидемия СПИДа уменьшит формально рассчитанный уровень прироста населения на континенте с 3 до 2% в год. Следовательно, население Африки в целом будет быстро расти, но этот рост будет сопровождаться гибелью миллионов людей, поражённых страшным недугом. Кроме того, в отличие от других бедствий, которые опустошают Африку, СПИД поражает несравненно более число взрослых людей, то есть наиболее экономически активную и продуктивную часть людей и, в какой-то мере, образованную часть населения. Другими словами, эта болезнь, не говоря уже о страшных человеческих страданиях, наносит серьёзный экономический удар по обществу.

Итак, определился **главный вопрос**: как могут бедные аграрные страны (и могут ли?) справиться с чрезвычайно быстрым ростом населения? **Т. Мальтус** отвечал на этот вопрос с исчерпывающей ясностью: мучительный голод, борьба за выживание, открытые конфликты, войны и болезни уменьшат, а может быть и резко, численность населения. Однако при этом следует помнить, что, в сущности, во времена ирландского мыслителя, то есть на протяжении XIX века, Великобритания (имеется в виду её собственно островная часть) решила проблему уменьшения темпов роста народонаселения и приобщения его подавляющей части к цивилизованной и комфортной жизни без действия страшных ограничителей Т. Мальтуса.

Промышленная революция, то есть индустриализация, создала средне- и долгосрочное решение проблемы для быстро растущего населения Великобритании. Оно проявилось в возросшей производительности промышленности и урбанизации, что вело к увеличению дохода на душу населения, постепенному изменению стиля жизни и репродуктивных моделей поведения большинства семей, замедливших рост населения.

В настоящее время в мире обозначился целый ряд государств, которых еще совсем недавно причисляли к «третьему миру», в последнее время старательно и достаточно успешно копируют модернизационную модель, два столетия назад составлявшую сущность развития Великобритании. Таковы некоторые из так называемых «новых индустриальных стран»: Сингапур, Тайвань, Республика Корея, Малайзия. Вдохновлённые примером Японии, решившей многие из актуальных для этой группы стран задач на два десятка лет ранее, эти государства в последней чет-

верти XX века удваивали свой валовой национальный продукт каждые семь лет. Сейчас их экономический рост составляет 6 – 7% в год, что существенно выше среднего в мире. В результате эта группа из новых индустриальных стран становится всё богаче, их ВВП на душу населения приближается к соответствующим показателям Испании, Греции и Португалии.

Одновременно с подъёмом уровня жизни в этих странах упал общий **коэффициент рождаемости**. В период времени с 1965 по 1970 годы в Республике Корея он составлял 4,5, а в Сингапуре 3,5. Двумя десятками лет позднее: с 1985 по 1995 его значения составляли 2 и 1,7 соответственно. Сейчас коэффициент рождаемости упал ещё больше, причём это снижение настолько существенно, что в этих странах высказываются мнения о принятии правительственных программ по стимулированию рождаемости.

Одновременно произошло **снижение коэффициента смертности**, а уровни младенческой смертности и средней продолжительности жизни приблизились к соответствующим показателям в Европе и США.

Итак, не является **решением демографической проблемы** помощь росту «торговых государств», которые могли рассчитывать на получение благ и преимуществ, достававшихся по результатам модернизационных процессов в далеком и в совсем недалёком прошлом Нидерландам и Великобритании, а также Японии и Республике Корея? Ведь именно о таком пути решения говорили ученые более 20 лет назад¹⁷.

Однако сразу же после формулирования такого вопроса становятся очевидными некоторые весьма существенные обстоятельства. Прежние и нынешние так называемые «торговые государства» – **Венеция, Нидерланды, Великобритания, Япония, Сингапур, Тайвань, Республика Корея** – это относительно небольшие государства, имеющие и имевшие выгодное географическое положение, население с высоким уровнем грамотности, открытость для доступа зарубежной техники и технологии и образа жизни. Но этого нельзя сказать о **Заире, Иране, Мали, Афганистане, Эфиопии** и т.д. Именно в таких странах соединение

¹⁷ Rosecrance R. The Rise of the Trading States. – N.-Y., 1985. Автор рассматривает именно этот аспект истории и тенденции развития последней четверти XX века.

препятствий культурного и структурного уровней блокирует модернизационное развитие.

Более того, даже страны, добившиеся несомненных успехов индустриализационного развития, такие как **Бразилия, Индонезия, Индия**, не смогли решить демографическую проблему и негативные последствия, вытекающие из её существа. Всё это означает одно: одних структурно-модернизационных и индустриализационных преобразований для решения демографической проблемы недостаточно.

Кроме того, представляется весьма важным добавить, что подобно тому, как первоначальный промышленный рост Великобритании происходил не без издержек, аналогичный рост Японии, Тайваня, Республики Кореи также сопровождался значительными потерями. Загрязнение атмосферы огромным увеличением выбросов углекислого газа, уничтожение лесов и болот ради увеличения производства продуктов питания и роста добычи полезных ископаемых, превращение маленьких прибрежных рыбацких посёлков в гигантские верфи, строительство крупных сталелитейных заводов – всё это нанесло непоправимый ущерб природе. Причём это справедливо не только для промышленных районов этих стран, но и далеко за их пределами, в том числе и за рубежом. Ко всему прочему следует помнить и ещё об одном важном обстоятельстве: индустриализация и модернизация этих стран происходили не без помощи других государств. Однако практически всегда эта помощь принимала форму переноса на территорию индустриализирующихся стран наиболее энергоёмкого, ресурсоёмкого, экологически грязного производства, при одновременном выкачивании недр этих государств.

Поэтому следует признать очевидный факт: Республика Корея, Тайвань, Сингапур фактически достигли европейского уровня жизни и в своём потреблении энергии и продовольствия также стоят на уровне Европы. Но при этом неопровержимым является и такое обстоятельство: учитывая их относительно малые размеры, эти новые индустриальные страны не являются главной причиной экологической деградации, при этом они справились с демографической ситуацией. Подобный вывод становится очевидным на фоне пока ещё гипотетического предположения. Если бы каждый из 1 миллиарда 300 миллионов китайцев достиг бы уровня потребления, сопоставимого с тем, каким обладают японцы

или американцы, это бы нанесло окружающей среде колоссальный ущерб. Очевидно и другое: **нельзя признать успешный опыт ряда новых индустриальных стран по решению демографической проблемы магистральным для всего человечества.**

Проблема «**народонаселение и экономический рост**» стала причиной серьёзных разногласий и ареной ожесточённых споров между демографами и экономистами. В начале 80-х годов XX века Джулиан Саймон в своей книге «Конечные результаты»¹⁸ исходил из несомненного блага роста народонаселения. Он исходил из того, что в этом случае работающее население в возрасте от 15 до 64 лет будет более многочисленным. Кроме того, в этой книге он высказал формальное предположение: если из каждых 100 человек в среднем окажется две–три по-настоящему творческих личностей, то лучше иметь население в 100 млн, чем в один!? Можно ли что-нибудь возразить против этого логически правильного вывода? Можно и необходимо!

Кроме законов формальной логики в мире действуют социальные и иные законы общественной жизни. Утверждение Джулиана Саймона было бы, наверное, справедливо при **коэффициенте рождаемости 2,5**, но в современном нам мире реальные совершенно другие цифры: в Нигерии – 7,0, Сирии – 7,8, Руанде – 8,3.

Кроме того, с каждым прожитым планетой годом становится всё более ясно, что **рост народонаселения, воздействуя на природный мир, может повлиять (и влияет) на социальное устройство системы международных отношений в целом.** Демографический взрыв не столько усложняет жизнь ищущим работу и плохо питающимся молодым людям без нормального образования, сколько причиняет огромный ущерб во многих других областях. Оставим в стороне экологический ущерб и многие другие стороны общественной жизни. Совершенно очевидно, что прогнозируемый к 2025 и особенно к 2045 годам прирост населения не может быть обеспечен, с точки зрения средств дня сегодняшнего, необходимыми для жизни средствами, если сохранятся ны-

¹⁸ Simon J. The Ultimate Resource. Princeton. NJ, 1981, p. 6. См.: также более развёрнутый комментарий в кн. Johnson D.G., Lee R.D. Population Growth and Economic Development: Issues and Evidence. Madison, Wis., 1987, pp. 479–522.

нешние формы и уровни потребления, а также способы и стандарты получения образования, жилья и медицинской помощи.

В отличие от животных человек уничтожает леса, сжигает природное топливо, осушает болота, загрязняет реки и океаны, переворачивает землю в поисках и для добычи полезных ископаемых, что безвозвратно и отрицательно меняет её ландшафт. Поэтому совсем небезразлично живёт ли на планете, как это было в 1975 году, 4 миллиарда человек, вовлечённых в такого рода деятельность, или же почти 9 миллиардов, ожидаемых к 2025 году. **И совсем неважно будет, сколько среди этих людей будет «по-настоящему творческих личностей», если подавляющее большинство из них так никогда и не смогут реализовать свой потенциал.**

Как уже говорилось, 95% прироста населения, ожидаемого к 2025 году, придётся на развивающиеся страны, и глобальная проблематика здесь обострится и в виде глобального потепления, и в виде взрывоопасного роста населения. Однако жители развитых регионов тратят гораздо больше земных ресурсов, то есть уровень их потребления значительно выше.

Если взять, к примеру, такой важнейший невозобновляемый ресурс, как **нефть**, то получится следующая картина: население США составляет сейчас 4% от населения мира, но им потребляется четверть мирового производства нефти. Это в 10 раз больше потребления Великобритании и Канады, вместе взятых, и в сотни раз больше, чем страны развивающейся зоны мира. Тот же дисбаланс и в потреблении многого другого от бумаги до говядины. В итоге средний американец в течение своей жизни наносит в 2 раза больший удар природе, чем швед, в 3 раза больше, чем итальянец, в 13 раз больше, чем бразилец, в 35 раз больше, чем житель Индии (и это несмотря на более чем миллиардное и быстрорастущее население) и в 240 больше, чем житель Чада или Гаити.

Другими словами, очевидно, что **Земля испытывает давление человечества как бы с двух сторон: во-первых**, со стороны чрезмерного и расточительного потребления богатого населения развитых стран. **Во-вторых**, со стороны миллиардов новых людей, рождённых в развивающемся мире и желающих повысить уровень своего благосостояния.

Чрезвычайно важными представляются последствия изменения в росте народонаселения для **международной безопасности**.

В этом аспекте имеются в виду перспективы расширения масштабов социального недовольства, политической нестабильности, региональных войн. Многие известные исторические события – военные набеги викингов на ближние и дальние страны, экспансия елизаветинской Англии, революционной Франции, вильгельмовской Германии, кипящие страсти, которые раздирают сегодня Ближний и Средний Восток, Центральную Америку – инициировались и инициируются обществами, переживавшими или переживающими бум роста населения и зачастую направляющимися с задачей приложения сил растущего числа молодых людей. Известно, что несбывшиеся ожидания нового поколения приводят к взрывам насилия и к революциям. К сожалению, очень часто, эта не находящая выхода энергия направляется ловкими и беспринципными политиками в русло авантюры и внешних завоеваний.

При анализе тех регионов современного мира, которые переживают серьёзные потрясения: Центральная и Южная Африка, Афганистан, Ближний и Средний Восток, Северная Ирландия, нетрудно заметить, что все эти районы отягощены быстрорастущей молодой популяцией и характеризуются затаённой амбициозностью социальных и экономических ожиданий. Безусловно, нельзя считать случайным совпадением, что палестинская война – «интифада» – началась в секторе Газа, плотность населения которого составляет более чем 4206 человек на один квадратный километр, а в Израиле этот показатель равен 530. Огромное количество молодых людей, живущих на территории, представляющую территорию меньше чем район средних размеров российского, города не имеют никаких реальных перспектив получить нормальное образование и строить свою жизнь на его базе, они не имеют, и в подавляющем большинстве случаев никогда не будут иметь нормального, соответствующего элементарным санитарным нормам жилья. У огромной части из их числа остаётся один выход – стать шахидом – и, тем самым, обеспечить себя и своих родственников вечным блаженством в ином, загробном мире.

Итак, социальные последствия демографического взрыва, по видимому, и создают тот фон, который значительно ускоряет и обостряет жестокие конфликты. Каково же будущее Земли, если

масштабы социальных волнений будут увеличиваться с той же скоростью, что и численность населения мира?

Однако непреложным фактом является и то обстоятельство, что одновременно с тем, как демографический взрыв и истощение ресурсов являются самой большой проблемой развивающихся регионов, многие развитые страны сталкиваются с противоположной тенденцией – **вялого или даже отрицательного роста населения**. В этих странах, достигших высокого уровня жизни и качества медицинского обслуживания, уровень смертности очень низок. Чтобы численность населения хотя бы удерживалась на нынешнем уровне, **коэффициент фертильности** должен составлять 2,1. Данные ООН свидетельствуют, что, начиная с 60-х годов XX века, происходит резкое снижение численного значения этого показателя: в Италии, к примеру, с 2,5 в 60-е гг. до 1,5 на рубеже веков, а в Испании с 2,2 до 1,7 соответственно.

Городская, урбанизированная жизнь в развитых странах, а именно в них живёт подавляющая часть их населения, привлекает молодых, наиболее энергичных и честолюбивых, в планы которых не входит большое количество детей. Кроме того, социальное положение женщины в этих странах коренным образом изменилось, и перед ними открываются новые возможности, которые слабо связаны или даже вовсе не связаны с традиционными семейными ценностями. Во-вторых, женщины развитых стран получили широкий доступ к высшему образованию, которое формирует у них последующее стремление к профессиональной карьере. И, наконец, даже семейные пары откладывают деторождение на более поздний срок во имя получения образования и карьерного роста, что также приводит к уменьшению количества детей. **Именно эти причины накладываются на влияние урбанизации на воспроизводство населения в развитых странах.**

Бросается в глаза и различное влияние **возрастной структуры населения** в развитых и развивающихся странах. Доля детей в возрасте до 15 лет в большинстве развивающихся стран к рубежу веков в большинстве развивающихся стран достигла 40–50%. В результате в этом регионе мира сосредоточена наибольшая часть молодой трудоспособной рабочей силы. Обеспечение её занятости – одна из острейших проблем ближайших десятилетий. В это же время рост продолжительности жизни и доли престарелых людей в структуре населения в развитых странах на пенсионную, здраво-

охранительную и попечительскую системы. Другими словами, **если в развитых странах власть должна заботиться, прежде всего, о постоянно растущих миллионах людей старше 65 лет, то правительства стран «третьего мира» несут на себе нелёгкое бремя заботы о молодом поколении, которому не исполнилось и 15 лет.**

В демографической науке возрастную структуру быстро растущих обществ обычно для наглядности представляют в **виде пирамиды**. К примеру, демографическая пирамида структуры населения такой страны, как Мексика будет иметь очень широкое основание, так как молодёжь в возрасте до 20 лет составляет там 27–28%. Вершина же будет иметь вид очень острого пика, в силу крайне незначительного количества пожилых людей: группа населения в возрасте старше 80 лет составляет всего 0,02%. Если же в стране происходит резкое уменьшение коэффициента рождаемости, то основание **пирамиды** становится более узким, и относительно небольшому количеству молодых людей приходится брать на себя бремя общественной заботы об относительно большой группе пожилых.

Если в беднейших африканских странах насчитывается лишь 2–3% людей старше 65 лет, то в развитых и процветающих государствах их доля значительно выше: в Норвегии – 16,4%, а в Швеции 18,3%. Процесс старения населения экономически продвинутых и богатых стран неуклонно растёт, на что есть свои причины. **Во-первых**, происходит неуклонное падение общего коэффициента рождаемости. **Во-вторых**, сказываются результаты успехов в медицинском обслуживании людей в постиндустриальных странах. Общества этих государств к 2010 году в среднем на 15,3%, а в 2040 г. на 22% будут состоять из людей старше 65 лет.

Не перед всеми передовыми странами проблема старения населения стоит в равной степени остро. В США, например, уровень рождаемости пока ещё относительно высок, правда, в основном это относится с семьям этнических меньшинств, к тому же в эту страну направлен непрерывный поток иммигрантов. Это дало самый большой абсолютный прирост населения страны за последние десять лет XX века – 32,7 млн человек за период между переписями 1990 и 2000 годов. Всё это означает вполне реальную надежду не только на общий рост населения этой страны, но

также и на то, что нижней части основания **пирамиды** возрастных структур не грозит быстрое сужение.

В странах Скандинавии благодаря отлаженной системе поддержки материнства также удалось преодолеть наметившееся падение рождаемости. Однако с феноменом падения рождаемости и старения населения в очевидной форме среди экономически развитых стран столкнулись Великобритания, Германия, Италия, Франция и Япония. С макроэкономической точки зрения такое развитие весьма нежелательно. Население в возрасте от 15 до 64 лет, стремясь к благополучию и успеху, мало заботится о своём собственном здоровье и развитии инфраструктур социальных услуг. Старые же люди, равно как и малолетние, больше потребляют. И особенно дорогостоящими являются способы поддержания жизни тех, кому больше 75 лет.

Политика предотвращения снижения численности населения за счёт привлечения иммигрантов при всей её результативности в США несёт в себе и вполне определённые угрозы. Об этом, в частности, говорит опыт Европы. Основные страны этого континента, прежде всего Германия и Франция, в период с 50-х до 70-х годов активно привлекали иммигрантов за счёт крайне низкой оплаты труда, которым выигрывалась ценовая война с Америкой¹⁹. Приблизительно с 1970 года экономический фактор играет всё меньшую роль. За счёт более высокого уровня рождаемости удельный вес «небелого» европейского населения стремительно растёт. По прогнозам к 2050 году от 40 до 60% населения Европы окажется людьми не автохтонно европейского происхождения. В целом в мире к этому времени произойдёт не только относительное, но и абсолютное уменьшение численности народов «первого мира», и «белое» население Земли составит примерно 1/10 человечества.

Учёные Запада и США бьют тревогу по поводу этой ситуации, усматривая в ней преддверие катастрофы. В 2002 году в США вышла книга Патрика Бьюкенена «Смерть Запада», которую читающая публика сразу назвала «шокирующим бестселлером»²⁰. Подобный диагноз автора основан на следующих констатациях. Западные нации, начиная с 60-х годов, перестали воспроизводиться, их чис-

¹⁹ См.: Побеждают умные. Современный глобализм и демография // Дружба народов. 2004. № 5. С. 167.

²⁰ Бьюкенен Патрик Дж. Смерть Запада. – М., 2003.

ленность неуклонно уменьшается. В то же время в Азии (особенно в исламских странах, а также в Китае и Индии), Латинской Америке и Африке численность населения быстро растёт. Это незападное население, испытывающее голод и нищету в своих странах, хлынуло в богатую Европу и еще более богатую Америку в поисках лучшей жизни. Не отказываясь от своей культуры, веры, своих ценностей, эти иммигранты – инородцы (foreign born) не просто деформируют западную цивилизацию, а уничтожают её.

Может быть, подобный подход являет собой сгущение красок или явное преувеличение. Совершенно же ясным является вывод: **подобные масштабы вынужденного перемещения людей на планете предъявляют новые требования к мировому порядку, ко всей системе регулирования потоков миграции населения.**

Итак, очевидно, что новая мировая демографическая обстановка бросает вызов всем странам, что, собственно говоря, и делает эту проблему глобальной. Однако в какой степени она затрагивает **Россию**? Сразу следует сказать, что положение нашей страны типично для многих стран, хотя существует и мощная вполне определённая специфика.

Многие поколения россиян, в том числе и автор, выросшие в СССР, привыкли к тому, что их реальные или мнимые достижения сравнивались с 1913 годом. Этот последний мирный год Российской Империи перед катастрофами первой мировой войны и революции стал общепринятым эталоном, тем более, что сопоставление, как казалось, демонстрировало продвижение страны по пути прогресса. **Однако демографические итоги периода, охватывающего 1913 и 2013 годы, выглядят крайне противоречивыми.** Десятилетие, оставшееся до этой условно выбранной даты, обещает дальнейшее сокращение населения России, а сравнение с 1913 годом будет всё менее и менее выгодным.

XX столетие стало для России временем **демографической модернизации**, в результате которой в стране с некоторым опозданием утвердился новый тип воспроизводства населения, тот, что господствует сейчас во всех индустриально развитых, по преимуществу городских обществах. Он характеризуется тем, что возобновление поколений обеспечивается в условиях низкой смертности и низкой рождаемости, тогда как ещё в начале

XX века население России воспроизводилось, достигая средневеково высокого уровня того и другого.

Этот **фундаментальный сдвиг** сделал возможными многие изменения, которые всегда рассматриваются как **позитивные атрибуты модернизации**. К ним следует отнести полную ликвидацию детской смертности, увеличение продолжительности жизни, эмансипацию и самореализацию женщины, демократизацию семейных отношений, растущие удельные инвестиции в детей, в развитие образования т.д. Однако этот же сдвиг поставил нашу страну перед серьёзными **вызовами**, на которые ей придётся отвечать в наступившем столетии.

Высокая смертность. Один из наиболее очевидных и тревожных сегодняшних вызовов – высокая смертность, которая продолжает расти. Разумеется, в ходе демографической модернизации процесс смертности поколений в России, как и везде, изменился коренным образом. К середине 60-х годов XX века смертность резко снизилась по сравнению с 1913 годом, а продолжительность жизни выросла почти вдвое. Если в 1913 году она у мужчин и женщин составляла 33,6 и 36,2 года, то в 1964 году она составила 65,1 и 73,6 года соответственно²¹. Однако успехи оказались кратковременными. Наилучшие показатели продолжительности жизни были достигнуты в 1964 году, впоследствии смертность у нас не уменьшалась, как в других странах, а оставалась на одном уровне или росла. К началу XXI века ожидаемая продолжительность жизни, особенно у мужчин, заметно снизилась, приняв значения в 2001 году 59,0 и 72,3 года у мужчин и женщин. Соответствующий прирост с 1913 годом составил 25,4 и 36,1 года.

Однако сократившееся было в 60-е годы отставание СССР/России по этому важнейшему **агрегированному показателю** от развитых стран снова стало очень большим, иногда даже превышая соответствующий показатель 1913 года. Оставим историкам выяснять, что же происходило в СССР, а затем в России после столь благополучного 1964 года, но с точки зрения глобальной демографической проблемы ясно, что снижение смертности не относилось к числу первоочередных задач, которые решались советским, а затем российским обществом и руково-

²¹ См.: Вишневский А.Г. Великая малонаселенная держава // Россия в глобальной политике. 2003. № 3.

дством в последней трети XX столетия. Изменения структуры смертности резко замедлились и остались вовсе незавершёнными. Страна понесла огромные людские потери. Приостановка снижения смертности обошлась России примерно в 14 млн преждевременных смертей за 1966 – 2000 годы. Из них свыше 5 млн – преждевременные смерти в возрасте до 65 лет, более чем на 80% мужчин. Далеко не всякая война или репрессии, об огромных потерях, в результате которых так много говорят сегодня, способны причинить такое разорение²².

Отставание России по показателю ожидаемой продолжительности жизни от некоторых стран, лет

Страна	Мужчины			Женщины		
	1913 г.	1964 г.	2001 г.	1913 г.	1964 г.	2001 г.
США	18.1	1.7	15.2	19.2	0.2	7.6
Франция	15.8	2.6	16.5	17.3	1.3	10.7
Швеция	23.6	6.5	18.5	23.8	2.4	9.8
Япония	10.6	2.5	18.8	8.5	-0.8	36.1

Когда речь идёт о провале подобных масштабов, проблему нельзя свести к действию отдельных, даже весьма важных факторов. Нужны системные объяснения, требующие критического анализа главных целей общества, его приоритетов, в конечном счёте – их серьёзного пересмотра. Пока это не сделано, и положение продолжает ухудшаться. Сейчас многие склонны искать корни сегодняшнего неблагополучия со смертностью в событиях, имевших место в России в 90-е годы XX века. Однако в действительности нынешняя позорно низкая продолжительность жизни российских мужчин – менее 59 лет в 2001 г. – находится на линии тренда, который сложился в 1964–1983 годах и который пока не удалось изменить.

Вполне успешной можно было бы считать ситуацию, если бы к 2013 году удалось; наряду с удвоением ВВП – результат, кото-

²² См.: Вишневский А.Г. Демографические проблемы России // Россия между Западом и Востоком: мосты в будущее / Под ред. Н.П. Шмелёва. – М.: Международные отношения, 2003. С. 164–179.

рый никак нельзя превратить в самоцель, по меньшей мере, вдвое сократить наше нынешнее отставание по смертности от Запада, но пока нет никаких признаков движения в этом направлении. Нет даже частичного преодоления длящегося уже четыре десятилетия кризиса смертности. Перчатку смертельного вызова – в буквальном смысле слова – поднять в нашей стране пока никто не торопится.

Низкая рождаемость. Проблема высокой смертности – один из важнейших демографических вызовов для России, но она не является, собственно, вызовом модернизации. Скорее это следствие действия факторов, препятствующих её завершению. Другие же вызовы порождены именно глубокими модернизационными изменениями, укоренены не в прошлом, а в настоящем и будущем, а поэтому более опасны. В их числе, в частности, вызов низкой рождаемости. В 2000 году в России отмечена минимальная рождаемость за всю её историю – 1,21 на одну женщину. При имеющемся уровне смертности в стране это обеспечивало замещение поколений всего на 57%. Небольшое повышение рождаемости, отмеченное в первые три года XXI века, еще не повод для оптимизма, так как возможны колебания уровня рождаемости под влиянием конъюнктурных факторов – демографических и недемографических. Реальность же, к сожалению, состоит в том, что у российского общества пока нет оснований рассчитывать на повышение уровня рождаемости до уровня хотя бы простого воспроизводства, простого замещения поколений (2,1 – 2,2 рождения на женщину), ниже которого она находится у нас с середины 1960-х годов. В послевоенный период времени Россия опустилась ниже планки простого воспроизводства ещё в 1964 году – раньше большинства развитых стран мира. Однако, как уже было сказано, очень низкая рождаемость в последнее время характерна для подавляющего большинства урбанизированных и индустриально развитых государств. В последнем году XX столетия во всём развитом мире, кроме США и Новой Зеландии, рождалось менее двух детей на одну женщину, причём многие из них находились в одном с Россией ряду: Германия и Польша – 1,34; Италия – 1,25; Испания и Словения – 1,22; Чехия – 1,14. Ниже уровня простого замещения поколений рождаемость опустилась даже в Китае.

Сам факт повсеместной распространённости низкой рождаемости в индустриальных урбанизированных обществах свиде-

тельствует о том, что **специфически российского кризиса рождаемости нет**. Речь, по всей вероятности, идёт **об общем кризисе современной западной цивилизации**, причины которого нельзя устранить в одной отдельно взятой стране.

Да и кризис ли это? Сегодня, как было показано, главная демографическая проблема не недостаток людей, а их избыток. Поэтому, с точки зрения общепланетарных интересов, снижение рождаемости в глобальных масштабах ниже уровня простого воспроизводства – не зло, а благо. Лишь оно способно привести не только к прекращению мирового демографического взрыва, но и к последующему постепенному, без катастроф и войн, сокращению населения до размеров, более соответствующих предельным возможностям жизнеобеспечения, которыми располагает Земля. Соответственно снижение рождаемости в России, как и во всем промышленно развитом мире, можно рассматривать лишь как эпизод начинающегося глобального поворота от роста к сокращению численности населения планеты. Тогда в низкой рождаемости следует видеть не свидетельство упадка и кризиса современной цивилизации, как это представляется многим, а, напротив, доказательство её (цивилизации) огромных адаптивных способностей. Открыв возможности небывалого снижения смертности во всемирных масштабах, она прокладывает путь низкой рождаемости, без которой достижение низкой смертности превращается в серьёзную угрозу для человечества.

Всё это, тем не менее, не исключает того, что низкая рождаемость и следующие за ней замедление или прекращение роста, а то и убыль населения развитых стран на фоне стремительного роста населения развивающегося мира, могут быть крайне невыгодны, даже опасны для них. Да и для всего мира движение «в режиме двух разных скоростей» представляет собой немалую угрозу. Тем не менее, анализ демографической составляющей глобального развития приводит к очевидному выводу. В условиях, когда главной заботой стало замедление роста мирового населения, просто наивно думать, что адекватным ответом на новую ситуацию в мире могут стать повышение рождаемости и возврат к простому, а то и расширенному воспроизводству населения в развитых странах, в том числе и в России. Гораздо более вероятно, что **рождаемость в России останется низкой, а воспроизводство населения – суженным на долгое время**. Это означает,

по меньшей мере, ещё два серьёзных вызова, которые России придётся принять и с которыми стране придётся справиться, – демографическое старение и депопуляция.

Демографическое старение. Доля пожилых (60 лет и старше) людей в России выросла с 6,7% в 1939 году до 11,9% в 1970-м, 18,7% в 2001-м и продолжает расти. Уже сейчас во многих индустриальных и урбанизированных странах доля пожилых превышает 20%, в Европейском союзе она в целом составляет 21,5%, в Японии – 23,7%. Такое же будущее ожидает и Россию. Возрастная пирамида необратимо изменяется, а экономические и социальные последствия старения общества обсуждаются уже не одно десятилетие. Особую обеспокоенность вызывает увеличение экономической нагрузки на трудоспособное население из-за роста быстрого числа и доли пенсионеров, хотя достаточно часто называют и другие последствия (старение самого трудоспособного населения, замедление обновления знаний и идей, ослабление «напора поколений», геронтократия). Отрицательный вклад «одряхления» наций кажется очевидным и представляется фактором, обесценивающим многие выигрыши от демографической модернизации. Представляется, однако, что такая оценка излишне односторонняя и вызвана «шоком новизны», который сопровождает любые перемены и затрудняет понимание их позитивного смысла.

Разумеется, как и всякие перемены, переход к новой структуре времени жизни порождает проблемы адаптации социальных институтов к новым демографическим реальностям. Развитие пенсионных систем – один из главных ответов на рост доли пожилых людей в XX веке.

В России также распространено мнение о пагубном влиянии старения населения на положение пенсионеров и на общую экономическую ситуацию. Между тем никаких чрезвычайных, необычных для России изменений возрастной структуры населения до конца XX столетия не происходило. Население, конечно, старело, но не следует забывать, что это та его часть, которая находится в периоде производства, то есть является экономически активным, обеспечивает оба периода «социального иждивенчества» не только в старости, но и в детстве. А совокупная нагрузка на трудоспособное население изменялась совсем не так, как нагрузка одними пожилыми иждивенцами.

В послевоенное время совокупная нагрузка детьми и пожилыми менялась волнообразно. Это было связано с особенностями российской возрастной пирамиды, сформировавшейся под влиянием не только эволюционных процессов, но и потрясений первой половины XX века, произошедшими на территории нашей страны и с её народом. **Сама по себе тенденция старения не приводит к слишком большому изменению совокупной нагрузки, а проявляется главным образом в замене типа иждивенцев: пожилые вместо детей.**

В результате с точки зрения возрастного состава населения Россия к рубежу веков оказалась в условиях едва ли не лучших за весь послевоенный период. Нагрузка пожилыми, конечно, продолжала расти, но совокупная нагрузка иждивенцами младшей и старшей возрастных групп сокращалась и к рубежу столетий оказалась необычно низкой.

Нагрузка на 1000 лиц в трудоспособном возрасте (мужчины 16–59 лет, женщины 16–54 года)

Показатель	1950	1960	1970	1980	1990	2000
Нагрузка пожилыми	18.1	1.7	15.2	19.2	0.2	7.6
Общая нагрузка	23.6	6.5	18.5	23.8	2.4	9.8

Изменения возрастной структуры населения России будут продолжаться ещё очень долго, население будет продолжать стареть. Тем важнее предостеречь общественное мнение от панической драматизации последствий этого процесса. Скорее всего, истинные последствия старения населения, в том числе и экономические, не столь угрожающи, как представляет современная демографическая мифология. Увеличение доли пожилых людей идёт в ногу с другими демографическими и прочими изменениями, которые создают объективные возможности для нейтрализации отрицательных последствий старения.

Заканчивать рассмотрение **действия демографического вызова старения населения** на слишком умиротворяющей ноте было бы неосмотрительно, так как существуют ещё два важных обстоятельства.

Во-первых, развитые страны, увлечённые собственными проблемами, явно недооценивают опасность слишком молодой возрастной структуры развивающегося мира. Уже одно это создаёт огромные экономические трудности для развивающегося мира, намного более острые, чем проблема старения для развитых стран.

Во-вторых, вызов старения имеет не только экономический аспект. Сегодня на одного жителя в развитых странах приходится четыре представителя развивающегося мира. Но среди детей и молодёжи в возрасте до 20 лет это соотношение превышает семь: 2,1 млрд детей и подростков в странах Юга против, менее чем, 300 млн в странах Севера. В XXI веке зажиточному, усталому, стареющему Северу не раз придётся принимать вызовы бурлящего молодостью Юга, которому нечего терять, кроме своей нищеты. Готов ли к этому Север? Готова ли к этому Россия, его неотъемлемая часть?

Депопуляция. В 1913 году население России в её нынешних границах составляло 90 миллионов. В последующие десятилетия в стране разворачивались наиболее активные фазы демографического перехода которые, как правило, сопровождались ускоренным ростом населения. Но этот потенциальный демографический взрыв был сведён на нет огромными людскими потерями в катастрофах первой половины XX столетия, и шанс заметно увеличить население был необратимо упущен. Тем не менее, после всех катаклизмов население увеличивалось благодаря естественному приросту, который долгое время оставался высоким и помогал закрывать многие бреши. Благодаря ему, в частности, страна вышла из демографического кризиса, вызванного второй мировой войной. В 1955 году была достигнута довоенная численность населения, и ещё примерно в течение десяти лет – до второй половины 60-х годов – его естественный прирост позволял не только поддерживать общий прирост населения, но и «отдавать» его некоторую часть в другие республики СССР.

Затем, вследствие падения рождаемости, прекращения снижения смертности, а также по причине того, что стало давать о себе знать старение населения, естественный прирост стал быстро сокращаться. В 1964 году коэффициент естественного прироста населения впервые опустился ниже 10 на тысячу, а в 1967-м – ниже семи. С того времени он уже никогда не поднимался до та-

кого уровня, колебался в основном в пределах от 5,5 до 6,5 на тысячу, лишь иногда выходя за эти пределы. В конце 1980-х годов колебания сменились быстрым падением естественного прироста, а с 1992-го, когда население России достигло своего исторического пика – 148,7 млн человек, коэффициент стал отрицательным, что повлекло за собой общую убыль населения. К началу 2003 года убыль превысила 5,2 млн человек или 3,5%. По предварительным данным Всероссийской переписи населения, число жителей страны на 9 октября 2002 года составляло 145,3 млн.

Следует иметь в виду, что современная убыль населения вызвана не острейшими потрясениями, как это было ранее, а **устойчивыми изменениями в массовом демографическом поведении россиян**. Поэтому не приходится рассчитывать, что в недалёком будущем восстановится положительный естественный прирост населения, а вместе с тем и рост числа жителей страны. Все эксперты согласны в том, что убыль населения в России примет затяжной характер. По среднему, то есть свободному от крайностей, прогнозу ООН от 2002 года, к **2050 году численность населения нашей страны сократится по сравнению с 2000-м годом примерно на 30% и составит 101,5 млн человек**. К похожим результатам пришли и авторы российских прогнозов²³. Как вытекает из вышеизложенного, можно найти немало доводов в пользу того, что сокращение населения – не всегда беда, а его – не всегда благо. Однако, обращаясь к конкретным условиям России, нельзя не видеть, что убыль населения для неё крайне невыгодна.

Россия по-прежнему относится к крупнейшим по числу жителей странам мира, но очевидно несоответствие между её населением и размерами территории, протяжённостью границ, масштабами пространств, нуждающихся в освоении, неразвитостью поселенческой сети и др. Россия всегда была слабо освоенной многоземельной страной с очень низкой плотностью населения, однако особенно ощутимыми эти факторы стали после распада СССР, от которого Россия унаследовала три четверти территории, но только половину общего числа жителей.

Европейская часть России по плотности населения сопоставима с США (в Европейской России – 27, в США – 29 человек на

²³ Население России 2001. – М., 2002. С. 181.

квадратный километр), но по сравнению с промышленными странами Западной Европы не слишком населено даже её историческое ядро. Одна пятая часть населения страны сосредоточена в Центральном экономическом районе, занимающем менее 3% территории. Что же касается азиатской части России, то там, на территории, составляющей 75% страны, проживает всего 22% её населения при плотности 2,5 человека на квадратный километр. **Демографический потенциал Сибири и Дальнего Востока явно недостаточен** для освоения имеющихся здесь природных богатств и создания развитой, более или менее сплошной экономической и поселенческой структуры.

Более того, в последние годы XX века обозначилась ещё одна демографическая тенденция, которую никак нельзя признать способствующей улучшению ситуации в нашей стране. Обозначился **«западный дрейф» внутрироссийской миграции**. На протяжении нескольких столетий население России двигалось на север и восток. Аграрное перенаселение центра европейской части страны, необходимость освоения бескрайних сибирских просторов, индустриализация восточных районов, резко усилившаяся в годы Великой Отечественной войны в связи с эвакуацией тысяч заводов, послевоенное развитие экономики – вот основные причины, сопровождавшие это не всегда добровольное переселение.

Отток населения шёл из Центрально-Чернозёмного, Волго-Вятского и Уральского экономических районов (первые два теряли население с конца XIX века, Урал – с 1950-х), ряда регионов Центра и Поволжья. В то же время устойчиво притягивали население Москва, Ленинград и некоторые расположенные вблизи них области. Процесс движения населения нашей страны на восток не был равномерным, не все территории к востоку от Урала и не всегда притягивали мигрантов. Так, в 1960-е годы Западная Сибирь потеряла за счёт миграции 740 тыс. человек, отток населения был и из Восточной Сибири. Незначительный отрицательный миграционный баланс у этих районов сохранялся и в 1970-е годы. Стабильный миграционный прирост населения наблюдался на Дальнем Востоке, его регионы привлекали мигрантов не только из западных областей России, но и из других республик СССР.

Ситуация стала меняться во второй половине 1980-х годов, когда сократился выезд в восточном направлении из большинства регионов европейской части страны. Что послужило тому причи-

ной? Прежде всего, первые ростки рыночной системы хозяйства открыли для социально активных людей, которые составляли основную массу переселенческих потоков, возможность получения высоких заработков не за тысячи километров от дома, а в своём городе или посёлке. Стимулов ехать за «длинным рублём» стало гораздо меньше. К тому же дала трещину административно-распределительная система, и прежде хорошее снабжение северных и отдалённых городов и посёлков нарушилось. В такой ситуации многие не спешили менять место жительства, а население десятиллионного российского Севера застыло в тревожном ожидании.

При наступлении острого кризиса социалистической экономики накануне распада Советского Союза население стало спешно покидать северные и восточные районы страны, где льготы и надбавки к заработной плате в условиях галопирующей инфляции не только потеряли стимулирующую роль, но и не обеспечивали поддержание достойного уровня жизни. Во многих городах и посёлках происходил распад социальной сферы, появилась безработица. Многие выходцы из бывших союзных республик устремились назад, в свои «национальные квартиры», боясь потерять забронированное на родине жильё, наработанный пенсионный стаж.

Привлекательными в миграционном отношении стали центральные и юго-западные районы страны, куда к тому же шёл приток вынужденных мигрантов и репатриантов из бывших союзных республик, демобилизованных военных из расформированных воинских частей. **Картина территориального движения населения России изменилась коренным образом**, прервав надолго, а может и навсегда, продолжавшееся на протяжении столетий движение населения на север и восток страны. Эти потоки повернули вспять, возник мощный «**западный дрейф**». Теряют население север и юг, при этом все потоки сходятся в староосвоенной части страны.

Понять сдвиги в миграции населения по территории России можно путём рассмотрения ситуации по крупным частям страны. Для этой цели, казалось бы, корректно использовать недавно введённые федеральные округа. Однако при этом обнаруживается, что Северо-Западный федеральный округ составляют миграционно привлекательный Санкт-Петербург и Ленинградская об-

ласть и регионы интенсивного оттока населения – Мурманская область и Республика Коми. Очень неоднородны Южный и Сибирский округа. В результате миграционные балансы этих новых административных образований не могут дать адекватную картину происходящего. С точки зрения пространственного перераспределения населения на территории нашей страны предлагается выделить пять крупных регионов.

1. Европейская принимающая зона, которую составляют Центральный и Приволжский округа, часть Северо-Западного (Карелия, Калининградская и Вологодская области), часть Южного федерального округа (Краснодарский и Ставропольский края, Ростовская, Астраханская и Волгоградская области, Адыгея), Приволжский округ. Эта зона занимает всего 15,3% российской территории, но концентрирует 66,4% её жителей. Плотность населения здесь в 4,3 раза выше среднероссийской и почти в 11 раз выше, чем суммарно в остальных частях страны²⁴.

2. Европейский Север – Мурманская, Архангельская области, Республика Коми и Ненецкий автономный округ. Несмотря на небольшое число входящих в него регионов и малочисленность населения, занимает почти 7% территории страны.

3. Республики Южного федерального округа (все за исключением Адыгеи). Занимая всего один процент российской территории, они концентрируют 4,4% населения страны, при такой же средней плотности, как и в основной принимающей зоне.

4. Урал и Западная Сибирь – Уральский федеральный округ и часть Сибирского (Новосибирская, Омская, Томская, Кемеровские области, Алтайский край, республики Хакасия и Горный Алтай). По площади занимаемой территории превосходит основную принимающую зону, а по численности жителей уступает ей в четыре раза. Плотность населения здесь на уровне средней по стране.

5. Восточная отдающая зона, которую составляют остальные субъекты федерации Сибирского округа и Дальневосточный округ. Это 60% российской территории, на которой живёт не более 10% россиян. Средняя плотность населения – 1,4 человека на квадратный километр и она в последнее время сокращается вслед за убывающим населением.

²⁴ См.: Мкртычян Никита. «Западный дрейф» внутрироссийской миграции // Отечественные записки. 2004. № 4 (19).

Внутрироссийские миграционные потоки направлены в основную принимающую зону. За счёт миграции из других частей страны за 1991–2003 годы её регионы получили 1 миллион 879 тысяч человек. Эти потоки шли с трёх сторон: Европейский север и республики Северного Кавказа дали по 20% её миграционного прироста, восток страны обеспечил 60% его. Именно последний поток и формирует достаточно мощный **«западный дрейф»** населения из азиатской в европейскую Россию. Восточная отдающая зона за вышеуказанный период времени отдала на запад 1 миллион 86 тысяч человек, из которых 77% расселились в основной принимающей зоне, 22% – на Урале и в Западной Сибири. Между Европейским севером, республиками Кавказа и Восточной отдающей зоной миграция, конечно же, существует, но она не ведёт к существенному перераспределению населения между этими частями страны, так как имеет фактически нулевой результат.

Между Западной принимающей зоной и Восточной отдающей находится большая группа регионов с **«промывным миграционным режимом»** – это регионы Уральского федерального округа и юго-западной части Сибирского округа. Кумулятивные результаты внутрироссийской миграции в этой группе регионов близки к нулю (-14,4 тысячи за 1991–2003 годы). Но миграция и на запад, и с востока здесь довольно велика, что позволяет говорить о неустойчивом, «промывном» миграционном режиме, складывающемся в этом регионе.

Во внутрироссийском миграционном обмене регионы Урала и Западной Сибири отдавали население только Западной принимающей зоне – более 300 тысяч человек за 1991–2003 годы. Компенсация потерь на 80% обеспечивалась за счёт миграции из основной отдающей зоны. Несмотря на то, что «западный дрейф» оставляет на перекрестье восточной отдающей и западной принимающей зоны относительно небольшое количество мигрантов, он играет важную роль для регионов Урала и юга Сибири. Особенно это стало очевидно в последние годы, когда сократился миграционный приток населения из Казахстана и Средней Азии, которые питали приграничные районы России мигрантами.

Среди регионов этой группы нет ни одного, который бы демонстрировал устойчивый прирост или устойчивую убыль населения в ходе всероссийского миграционного обмена. В настоящее

время, пожалуй, на роль лидера по привлечению мигрантов не только регионального, но и всероссийского масштаба мог бы претендовать нефтяной, богатый Ханты-Мансийский автономный округ. Однако и в начале 1990-х, и в кризисные 1998–1999 годы он интенсивно терял население. Напротив, в первой половине 1990-х много внутрироссийских мигрантов принимала Хакасия. Во многом этот миграционный поток объяснялся организованными переселениями, связанными с переводом предприятий, передислокацией воинских частей и т.п. Однако сейчас Хакасия мало чем отличается от других регионов юга Сибири. Не выполняют роль региональных лидеров и такие крупные регионы, как Новосибирская, Омская и Свердловская области. Но, с другой стороны, здесь нет и территорий интенсивного оттока населения, сравнимых, например, с дальневосточными.

С ослаблением «западного дрейфа» в последние годы результаты миграции для регионов Урала и Западной Сибири ухудшились. В 2001 – 2003 годах эти уже не смогли компенсировать отток на запад за счёт подпитки с востока, и многие из них стали терять население во внутрироссийском обмене. Такое положение, к сожалению, следует признать долгосрочным фактором, потому что вряд ли восточные регионы смогут и в будущем отдавать на запад столько же мигрантов, как это было в 1990-е годы, а рассчитывать на приток населения с запада также не приходится. Скорее всего, миграционная убыль будет нарастать, так как основной принимающей зоне понадобится всё больше мигрантов, а в условиях ограниченной иммиграционной политики «взять» их можно будет только на Урале и юге Сибири.

В выделенной нами большой зоне миграционного оттока все без исключения регионы теряют население в миграционном обмене с территориями, расположенными к западу от них. Если же рассматривать миграцию между регионами только в пределах только этой зоны, видно, что на этом «полусе отторжения» есть свои лидеры и аутсайдеры. К лидерам, несомненно, относится Красноярский край – самый западный из данной группы, который собирает население со всех регионов к востоку от него. За ним следует Иркутская область, которая отдаёт население только Красноярскому краю, но собирает мигрантов со всех других регионов. Приморский, Хабаровский края (с Еврейской АО, ранее подчинённой ему административно), Амурская область также

имеют подпитку: юг Дальнего Востока немного уступает двум крупнейшим регионам Восточной Сибири, получая население с севера федерального округа, а также из Читинской области. За счёт регионов, расположенных в отдающей зоне, Иркутская область в 1991–2003 годах компенсировала почти половину оттока на запад, Красноярский и Хабаровский края – более 20%, Амурская область и Приморский край – 10–15%. Однако если Красноярский край рассматривать вместе с Республикой Хакасией, ранее ему административно подчинённой, то компенсация составит более 50% оттока на запад. Это означает, что ощутимую компенсацию в результате «западного дрейфа» населения начинают получать уже регионы, расположенные в центре Сибири. Здесь выходцы с российского Дальнего Востока и севера Сибири находят достаточное количество «благоприятных возможностей» для расселения. Для этих регионов «подпитка» с востока особенно важна, ведь миграционные потоки из стран СНГ сюда не доходят и никогда не доходили.

К сожалению, регионы юга Дальнего Востока подобной «подпитки» не имеют. Приток из малонаселенных регионов севера федерального округа так невелик, что компенсировать почти ничего не может. К тому же он существенно сокращается вместе с сокращением населения северных регионов. Настоящий отрицательный полюс миграционного тока образуют Якутия, Магаданская область, Чукотский автономный округ, Сахалинская область, Камчатская область с Корякским АО. Именно здесь зародился «западный дрейф» и все эти территории – абсолютные доноры. Все негативные социально-экономические процессы, характерные в последние 15 лет и для севера, и для востока страны, здесь приобрели наиболее резкие формы. Это – те самые «острова», для которых остальная Россия по праву называется «материком», здесь нет железнодорожных магистралей и автодорог, транспорт здесь – авиа, морской или речной, причём последние два – на период короткого северного лета. Практически нет и магистралей, связывающих регионы между собой, в том числе линий электропередач и газо- и нефтепроводов. В связи с этим особенностью миграции населения северных и восточных регионов страны является слабость двусторонних миграционных связей между ними. Например, доля мигрантов, прибывающих в Якутию из восьми соседних регионов, составляет 15%, тогда как в Липец-

кую область из шести соседних регионов прибывают 35% мигрантов.

Только 10–15% миграционной убыли крайних северо-восточных регионов страны пришлось на миграцию с регионами юга Дальнего Востока, а «потери» Якутии в этом направлении составили всего 3,5%. Для сравнения: за 1991–2003 годы Магаданская область уступила отдалённому Краснодарскому краю 16 тысяч человек, а трём регионам юга Дальнего Востока – 14,4 тысячи; Камчатская область – 9,4 тысячи и 10,4 тысячи соответственно, Якутии – 15 тысяч и 6 тысяч соответственно.

Приходится констатировать, что регионы юга Дальнего Востока – наш форпост в Азиатско-Тихоокеанском регионе – территория, граничащая с Китаем, не только не удержали своего населения, «дрейфующего» на запад, но и не смогли привлечь даже своих северян. Время от времени кто-нибудь из российских политиков начинает заговаривать о необходимости развернуть миграционные потоки в нужном направлении, чтобы предотвратить обезлюдение приграничных с Китаем восточных регионов страны. Совершенно понятно, что без систематической, продуманной политики федерального центра нельзя всерьёз надеяться на разворот миграционных потоков и ликвидацию «демографического дисбаланса» с Китаем.

Очевидно, что, **несмотря на наличие очень разных по силе и направлениям потоков внутрироссийской миграции, основной её вектор – с востока на запад.** И этот западный дрейф длится уже достаточно долго. Похоже, что у России нет демографических ресурсов, как в конце XIX века, а у власти – административных рычагов, каким она обладала в советскую эпоху, чтобы развернуть миграционные потоки вспять. Север Сибири и Дальнего Востока будет пустеть, их заселённость, скорее всего, будет такой же, как в аналогичных по природным условиям районах севера Канады. А вот обеспечивать дальнейшее заселение южных районов Дальнего Востока без участия иммигрантов из соседних стран, без дальнейшего развития экономического сотрудничества с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона будет невозможно. И никакие меры ограничительной иммиграционной политики не будут действенны. Надо готовиться к приёму и мирному сосуществованию с массовыми контингентами иноэтничных и

инокультурных иммигрантов, готовить и проводить меры по их интеграции в принимающий социум.

Общая ограниченность российского демографического потенциала сказывается не только на размещении населения по регионам, но и на развитии структуры населённых мест. Хотя по доле городского населения (73%) Россия находится на среднеевропейском уровне и не слишком отличается от таких стран, как США (75%) или Япония (77%), её городское население «размазано» по большому числу поселений, тогда как сеть крупных городов развита слабо. После распада СССР в России осталось 13 из 24 бывших советских городов-миллионеров, из них только два к востоку от Урала. Всего два российских города насчитывают свыше двух миллионов жителей (в США 14 городов имеют население свыше 2 млн человек, из них 8 – свыше 3 млн). Конечно, «недоразвитость» крупных городов – свидетельство недостатков регионального развития России, которая сумела породить совсем немного мощных региональных и межрегиональных столиц. Но есть и обратная связь: отток городского населения к нескольким крупным центрам не позволяет сложиться крупным региональным метрополиям, которые могли бы дать более мощный импульс развитию своих регионов.

Кроме этих внутренних трудностей, с депопуляцией у России связаны и **трудности внешнего характера**. Страна стремительно теряет место **в мировой демографической иерархии**. В 1913 году на долю Российской империи приходилось примерно 8% мирового населения, а на долю собственно России – 4,4%. Даже в 1950-м доля собственно России, еще не вполне восстановившей своё довоенное население, составляла более 4%, а доля СССР – 7,1% населения планеты.

Сейчас доля России не превышает 2,4% мирового населения и быстро сокращается. Согласно уже приведённому выше прогнозу ООН, к 2050 году она сократится до 1,1%. В 1913 году Россия по населению уступала только Китаю и Индии, в 1950-м Россия в её нынешних границах занимала четвёртое место в мире после Китая, Индии и США. Сейчас она на седьмом месте (её обогнали Индонезия, Бразилия и Пакистан), а к 2050 году может сместиться на 18-е, пропустив вперёд Египет и ряд других африканских стран, а также Бангладеш, Мексику, Филиппины, Вьетнам, Японию и Иран. При этом Россия занимает почти 13% ми-

ровой суши – это самая большая страна в мире, богатая природными ресурсами, но крайне слабо заселённая территория. Она соседствует с густонаселёнными государствами, некоторые из которых имеют претензии на российские земли.

Таким образом, ни по внутренним, экономическим, ни по внешним, геополитическим соображениям убыль населения не отвечает интересам России²⁵.

Возможно ли остановить этот процесс? Единственно возможный ответ: необходима **крупномасштабная иммиграция**, а это означает поиск стратегии исправления демографического положения за счёт миграции. Уклониться от «иммиграционного ресурса» невозможно: есть опасность, как это не раз бывало с Россией, сильно опоздать с принятием нужных решений.

* * *

Человечество переживает эпоху глобальной демографической революции, время, когда население мира внезапно ограничивает свой рост и меняет характер своего развития. Это величайшее по своей значимости событие в истории человечества с момента своего появления в первую очередь проявляется в динамике народонаселения. Однако оно затрагивает все стороны жизни миллиардов людей, и именно поэтому демографические процессы стали глобальной проблемой, от понимания которых зависит не только наше настоящее, но и предвидимое будущее.

До рубежа 2000 года население нашей планеты росло со всё увеличивающейся скоростью. Тогда многим казалось, что демографический взрыв, перенаселение и неминуемое исчерпание ресурсов и резервов природы приведут человечество к катастрофе. Однако именно в 2000 году, когда население мира достигло 6 миллиардов, скорость прироста населения достигла своего максимума в 87 миллионов в год, или 240 тыс. человек в сутки, скорость роста начала уменьшаться. Более того, и расчёты демографов, и общая теория роста населения Земли указывают, что в самом ближайшем будущем рост практически прекратится. Таким образом, население нашей планеты стабилизируется на уровне 10–12 миллиардов человек. Переход от взрывного роста к стабилизации происходит в исторически ничтожно короткий срок –

²⁵ См.: Медков В.М. «Бомба депопуляции»: опыт России – итоги и уроки // Вестник МГУ. Сер. 18, Социология и политология. 2000. № 4.

меньше 100 лет, и этим завершится глобальный демографический переход.

Контрольные вопросы

1. Динамика роста народонаселения. Решающий аспект всей демографической проблемы.
2. «Демографический взрыв»: нищета как его социально-экономическое и политическое последствие.
3. Народонаселение и экономический рост.
4. Демографические вызовы России.

Тема 3. ПРОБЛЕМА ВОЙНЫ И МИРА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Войны до сих пор являются, к сожалению, неизменным спутником развития человечества. На это качество войн обратил внимание ещё такой классик военно-теоретической мысли, каким был Карл фон Клаузевиц, который дал классическое определение этому явлению: «Война есть просто продолжение политики другими средствами»²⁶.

Для того чтобы вести военные действия, люди вооружались, стремясь при этом изобрести и изготовить такое оружие, которым не располагал противник. Процесс вооружения во все времена подчинялся принципу, который определяется мною как **«диалектика снаряда и брони»**: всегда появление более совершенных и мощных средств нападения (снаряд) вызывало появление более эффективных средств защиты (брони). И наоборот, изобретение, и принятие на вооружение новых и надёжных средств защиты (броня) всегда вызывало появление новых, способных преодолевать защиту, средств нападения (снаряд). В рамках этой парадигмы человечество существовало и воевало со времён теперь уже неизвестной нам первой войны до 1945 года, когда в качестве средства для достижения победы воюющие стороны стали использовать ядерное оружие, превосходящее по своим поражающим возможностям всё до тех пор известное человечеству на несколько порядков. До недавнего времени считалось, что первым, пусть и испытательным, ядерным взрывом стало испытание этого вида оружия 16 июля 1945 года в пустыне близ американского города Аламо-Гордо. Однако в начале 2005 года в Германии вышла книга Райнера Карльша «Бомба Гитлера. Тайная история испытаний ядерного оружия в Германии», в которой автор убедительно доказал, что в марте 1945 года в лесном массиве Тюрингии неподалёку от Дрездена в обстановке глубокой секретности дважды было проведено испытание атомной бомбы малой мощности, основанной на использовании урана-235. На расстоянии 500–600 метров от эпицентра взрыва лежали сваленные деревья. Возведённые для испытаний строения и укрепления были разрушены. Военнопленные, находившиеся в месте взрыва,

²⁶ Карл фон Клаузевиц. О войне. Т. I. – М., 2002. С. 47.

погибли, причём в ряде случаев от них не осталось и следов. Другие военнопленные, находившиеся на некотором расстоянии от эпицентра взрыва, получили сильные ожоги, степень которых зависела от расстояния нахождения от центра. Вес бомбы равнялся двум тоннам, её взрыв сопровождался сильной взрывной волной и образованием высоких температур. Кроме того, был зафиксирован сильный радиоактивный эффект. Бомба представляла собой шар диаметром 130 сантиметров. Руководству Советского Союза было известно об этом испытании, и на его месте сразу после окончания войны работала специальная группа во главе с выдающимся физиком-ядерщиком Георгием Флёровым²⁷. Страшно даже подумать, что могло произойти, если в распоряжении Гитлера оказалось ядерное оружие, а заключительное советское наступление на Берлин, судя по всему, было ускорено и этой информацией. В Москве знали, чем может обернуться промедление.

Ядерное оружие в своей разрушительной силе так быстро совершенствовалось – в 1961 году, например, Советский Союз на высоте 4 км над полигоном, расположенном на острове Новая Земля произвёл испытание водородной бомбы мощностью в 50 мегатонн, взрывная волна после которого два с половиной раза обошла земной шар – и становилось настолько разрушительно-мощным, что две главных страны, обладающие им (США и СССР/Россия) пришли к осознанию **двух важных обстоятельств**.

Во-первых, ядерное оружие в силу своей колоссальной эффективности гарантирует не победу в войне, но уничтожение всей земной цивилизации и всего живого на планете. Другими словами, начиная с 1960-х годов XX века в условиях биполярного противостояния и «холодной войны», в мире создалась ситуация **«гарантированного взаимного уничтожения»** (ГВУ), то есть возникло положение, когда любая из сторон понимала не только свои возможности по уничтожению другой, но и неизбежность собственной полной гибели после ответно-встречного удара. Таким образом, **ГВУ** стало главной причиной, заставившей стороны воздерживаться от крайних мер и обеспечившей мир и всё живое на Земле от гибели в огне глобального термоядерного столкновения. **Ядерная война представляла бы собой окончание всякой политики.**

²⁷ См.: «Бомба Гитлера» и взгляд из Москвы // Россия в глобальной политике. 2005. № 3, май–июнь.

Во-вторых, страны-обладатели ядерным оружием, а к названным выше странам быстро присоединились Великобритания, Китай и Франция, пришли к осознанию крайней опасности распространения этого оружия по миру.

Констатация этих двух обстоятельств привела к возникновению вполне определённых политических процессов: к ограничению и сокращению стратегических наступательных вооружений и к международным усилиям по нераспространению ядерного оружия в мире.

Ограничение и сокращение ядерных наступательных вооружений. Весь период существования и развития ядерных вооружений неизменно имелись процессом их ограничения и сокращения, в котором сопровождалась некоторыми особенностями. Прежде всего, основными акторами в нём были две ведущие ядерные державы – СССР/Россия и США. В течение шестидесяти лет стержнем всех российско-американских отношений был и остаётся именно ядерный фактор.

Далее, российско-американский разоруженческий процесс охватывал в первую очередь и главным образом **стратегические ядерные вооружения**, то есть совокупность определённых носителей, оснащённых ядерным оружием. К ним относятся баллистические ракеты, дальность которых определяется в привязке к характерным географическим точкам США и России: она должна быть не меньше кратчайшего расстояния между северо-западной границей континентальной части бывшего СССР и северо-восточной границей континентальной части территории США, то есть не менее 5500 км. К ним также относились баллистические ракеты на подводных лодках и тяжёлые бомбардировщики, способные применять ядерное оружие по территории друг друга.

Но время от времени процесс выходил за рамки двусторонних отношений, и тогда в этой области появлялись важные широкомасштабные многосторонние переговоры. Для лучшего понимания хода разоруженческого процесса выделим следующие характерные этапы в развитии ядерных вооружение СССР/России и США в XX веке:

- 1945–1949 гг. – монополия США на ядерное оружие
- 1949 – начало 1960-х годов – превосходство США в ядерных вооружениях (по количеству носителей и ядерных боезарядов)

- 1960-е годы – постепенное выравнивание соотношения ядерных сил
- 1970-е годы – достижение стратегического ядерного паритета
- 1980-е годы – поддержание стратегического ядерного паритета
- 1990-е годы – начало XX века - снижение уровня ядерного паритета до более низких уровней.

Поначалу отношения в области ядерных вооружений строились в форме политических заявлений и предложений, которые или принимались сторонами, или отвергались. Всё зависело от степени политического реализма и дальновидности руководства обеих стран. Известны предложения СССР, датированные июнем 1946-го года, принять конвенцию о запрещении производства и применения ядерного оружия и ряд других последующих предложений – вплоть до всеобщего и полного разоружения (1959 г.). Следует назвать и предложенный США в 1946-м году «План Баруха» – план мероприятий, препятствующих использованию ядерной энергии в военных целях. Все эти предложения не находили поддержки оппонентов и оставались лишь благими пожеланиями.

Вместе с тем на этом этапе удалось выработать и важные международные договоры. В самый разгар «холодной войны» США и Советский Союз признали всю опасность дальнейшего продолжения испытаний всё более совершенного и мощного ядерного оружия в земных условиях. Не исключено, что на позицию обеих сторон повлияли испытания 50-ти мегатонной водородной бомбы Советским Союзом на высоте 4-х километров над полигоном на острове Новая Земля. В 1963 году в Москве США и Советский Союз, а также примкнувшая к ним Великобритания, **подписали Договор о запрещении ядерных испытаний в трёх средах:** на земле, в воздухе и под водой. Много позже к этому Договору присоединились Китай и Франция.

1-го июля 1968 года в Москве Советский Союз, США и Великобритания подписали один из важнейших международно-правовых документов второй половины XX века – **Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО)**, в соответствии с которым эти страны взяли на себя обязательство не передавать ядерное оружие или его компоненты, а также технологии его

производства другим государствам. В Москве и в Вашингтоне, как в столицах стран-депозитариев этого договора, он был открыт к подписанию другим странам, которые в этом случае добровольно брали на себя обязательство не создавать ядерное оружие. Только в 1968-м году это сделали ещё 55 государств²⁸. На основании действия этого договора в мире сложился **режим нераспространения ядерного оружия**, который, несмотря на все трудности и кризисы, действует и поныне.

Первый практический импульс в процессе двусторонних отношений СССР/России и США по ядерной тематике наметился сразу после «Карибского кризиса» 1962 года, когда СССР предпринял попытку разместить на Кубе ракеты средней дальности Р-12 (СС-4), а также бомбардировщики среднего радиуса действия (Ил-28), несших атомные бомбы. И хотя это было сделано в ответ на более раннее размещение американских ракет подобного класса («Тор» и «Юпитер») в Европе и Турции, предпринятый СССР шаг привёл к тому, что обе державы оказались на грани ядерной войны. В итоге весьма напряженных контактов в течение 13 дней октября 1962-го года Советский Союз вывел свои ракеты и бомбардировщики с территории Кубы. США в ответ дали обещание не вторгаться в эту страну и вывели свои ракеты средней дальности «Юпитер» из Турции и Италии.

Безусловно, на решение о выводе советских ядерных средств с Кубы в определённой мере повлиял тот факт, что на стороне США в то время было более чем десятикратное превосходство в ядерных силах. Но даже, несмотря на это, обе стороны в равной мере осознали недопустимость ядерной войны между ними. После этих событий стало ясно, что в кризисных ситуациях руководители ядерных держав должны иметь возможность быстрого установления контакта с тем, чтобы исключить ошибки в оценке действий и намерений друг друга и найти компромиссные решения. В этих условиях уже 20 июня 1963 года представители СССР и США подписали **Меморандум об установлении линии прямой связи**. 31 августа того же года она начала действовать, получив название «линии горячей связи». В развитие этого процесса 22 июня 1973 года руководители обеих стран подписали специальный **протокол**, в котором подтвердили, что целью их полити-

²⁸ Арбатов А.Г. Военно-политический паритет и политика США. – М., 1984. С. 26–27.

ки является устранение опасностей ядерной войны и применения ядерного оружия. Стороны обязались действовать так, чтобы предотвратить возникновение ситуаций, способных вызвать опасное обострение их отношений и исключить возникновение ядерной войны между ними. Если всё же эти отношения примут характер, влекущий риск ядерной войны, они прибегнут к срочным консультациям и примут все меры для устранения этого риска.

Все эти действия получили название **«решение проблемы уменьшения опасности возникновения случайной ядерной войны»**. И хотя эти соглашения не часто вспоминаются, они являются бессрочными и продолжают играть свою роль в контексте российско-американских отношений.

Первый реальный шаг на стезе взаимного ограничения ядерных вооружений арсеналов двух ведущих ядерных держав был предпринят в ноябре 1969-го года, когда были начаты первые в истории советско-американские переговоры об ограничении стратегических вооружений. Переговоры проходили в столице Финляндии Хельсинки, в обстановке строгой конфиденциальности. Делегации были немногочисленными и формировались из специалистов высокого государственного уровня. Началу переговоров предшествовали секретные переговоры главы правительства СССР **А.Н. Косыгина** с высокопоставленными лицами администрации президента **Л. Джонсона**, в частности, с министром обороны **Р. Макнамарой**, в ходе которых были обсуждены принципы предстоящих договорённостей и была затронута проблема создания систем **противоракетной обороны (ПРО)**.

В это же время проблема ПРО бурно обсуждалась в американских военно-технических журналах, а Советский Союз, в то время, лидируя в разработке средств противоракетной обороны, – вокруг Москвы уже создавалась система ПРО – считал неверным запрещение «никому не угрожающих оборонительных систем». Большинство же американских специалистов, их энергично поддерживал Роберт Макнамара, выступали за то, чтобы СССР и США не создавали систему противоракетной обороны, считая, вполне обоснованно, – что создание такой системы обеими странами приведет лишь к ещё большей гонке стратегических наступательных вооружений и не позволит ни одной из них добиться стратегического превосходства над вероятным противником.

В ходе начатых переговоров позиции сторон постепенно сблизились, в результате чего **26 мая 1972 года в Москве** тогдашними руководителями обеих стран **Л.И. Брежневым и Р. Никсоном** были подписаны первые советско-американские договорённости в области стратегических вооружений: «**Временное соглашение об ограничении стратегических вооружений**» (ОСВ-1) и «**Договор об ограничении систем ПРО**».

Последний документ запрещал СССР и США развертывать системы противоракетной обороны страны или создавать основу для такой обороны, допуская создание лишь двух районов ПРО: вокруг столицы и одной из баз межконтинентальных баллистических ракет (МБР), радиусом не более 150 километров. В их пределах разрешалось иметь не более ста пусковых установок противоракет и не более ста противоракет на стартовых позициях. Другим важным договорным условием стало запрещение создания, испытаний, развёртывания систем или компонентов ПРО морского, воздушного, космического или наземно-мобильного базирования. В 1974 году в этот документ была внесена существенная поправка: число разрешённых районов ограниченной ПРО для каждой из сторон было уменьшено с двух до одного. СССР выбрал район Москвы, а США – район базы МБР Гранд Форкс (штат Южная Дакота). Последующий перенос разрешенного района противоракетной обороны не разрешался.

Заключение договора о запрещении ПРО стало возможным в результате осознания обеими сторонами того факта, что при наличии у них значительных арсеналов стратегических наступательных вооружений дополнительное приобретение ими стратегических оборонительных вооружений, или систем ПРО, не гарантирует им достаточной обороны от ответного ядерного удара другой стороны. Отказом от территориальных систем ПРО стороны создавали условия, при которых любая из них лишалась возможности нанесения первого ядерного удара без опасения получить ответный ядерный удар возмездия. Тем самым создавалась **ситуация равной уязвимости сторон, взаимного ядерного сдерживания или взаимного гарантированного уничтожения**. Именно она стала основой, краеугольным камнем современных понятий и ситуации **стратегической стабильности**. Тем самым стороны не только избегали разорительной гонки вооружений в области систем противоракетной обороны, но и вводили в более

спокойное русло соревнования в области стратегических наступательных вооружений, создавая предпосылки для их взаимного ограничения и сокращения.

Именно это обстоятельство способствовало успешной выработке и появлению большинства последующих советско- (и российско-) американских договоренностей по стратегическим наступательным вооружениям.

Временное соглашение об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-1) не содержало положений о сокращении этих вооружений, им предусматривались лишь некоторые ограничительные меры. Они касались не всех элементов стратегических ядерных сил (СЯС) – тяжёлые бомбардировщики стороны договорились не рассматривать. Основным в соглашении было обязательство сторон не начинать с 1 июля 1972 года строительства новых стационарных пусковых установок для межконтинентальных баллистических ракет, а также не увеличивать количества атомных подводных лодок с баллистическими ракетами на борту (ПЛАРБ), а также не увеличивать количества пусковых установок на них. При этом разрешалось завершить уже начатое строительство, как атомных подводных крейсеров стратегического назначения, так и шахтных пусковых установок (ШПУ) для баллистических ракет наземного базирования.

Не входя во все детали этого договора, отметим, что они были такими, что не запрещали СССР некоторого увеличения ПЛАРБ и ракет размещённых на них, а также ШПУ по сравнению с существовавшим на момент подписания документа уровнем. Таким образом, советской стороне не закрывалась возможность продвижения к установлению паритета на тех направлениях, где таковой ещё не был достигнут. СССР по Договору ОСВ-1 мог иметь несколько более 2300 пусковых установок МБР и БРПЛ и 62 ракетных подводных крейсера стратегического назначения, США – останавливались на 1750 ПУ МБР и БРПЛ и 44 ПЛАРБ²⁹.

Вместе с тем, Договор ОСВ-1 не затрагивал проблемы ядерных боезарядов, оставляя это направление совершенствования стратегических наступательных вооружений и соревнование сторон в этой области совершенно неограниченным. Этот документ

²⁹ См.: Медведев В.И. Российско-американские соглашения в области контроля над ядерными вооружениями // Доступно on line [http:// armscontrol. ru / course / lectures03b /](http://armscontrol.ru/course/lectures03b/) Дата обращения 1 августа 2004 г.

носил временный характер и был рассчитан на пять лет. Впоследствии стороны, не успев разработать новое соглашение к 1977 году, продлили его действие до июня 1979 года, когда руководителем СССР Л.И. Брежневым и Президентом США Д. Картером в австрийской столице Вене был подписан новый Договор, получивший название **ОСВ-2**.

Это уже был **Договор** иного типа, так как процесс его подготовки к подписанию проходил в условиях качественного развития ядерных наступательных вооружений и, прежде всего, разделяющихся головных частей боевых блоков ракет (РГЧ), каждая из которых имела возможность индивидуального наведения на свою цель. Поэтому от простого «замораживания» этот документ устанавливал потолки для стратегических наступательных вооружений, затрагивая и ракеты с разделяющимися боеголовками. Наряду с количественными, **Договор ОСВ-2** предусматривал ряд качественных ограничений СНВ, направленных на сдерживание модернизации стратегических вооружений, в соответствии с ними были установлены следующие параметры стратегических наступательных потенциалов сторон:

- стороны брали обязательство ограничить суммарное количество стратегических носителей ядерного оружия 2400 единицами, а с 1 января 1981 года – 2250 единиц;

- число пусковых установок межконтинентальных баллистических ракет с РГЧ индивидуального наведения и аналогичных ракет, запускаемых с подводных лодок, не должно было превышать 1320 единиц;

- стороны согласились запретить проведение лётных испытаний и развёртывание новых типов межконтинентальных баллистических ракет, кроме одного типа лёгкой МБР;

- запрещалось создание более тяжёлых МБР (по стартовому и забрасываемому весу), чем уже существующие ракеты;

- запрещалось увеличивать количество боеголовок на наземных межконтинентальных баллистических ракетах и оснащать БРПЛ более чем 14-ю боеголовками индивидуального наведения;

- на тяжёлых бомбардировщиках дальнего действия разрешалось иметь не более 28-и крылатых ракет воздушного базирования.

Специальным **протоколом** к Договору ОСВ-2, имеющим трёхлетний срок действия, сторонам запрещалось испытывать и

развёртывать мобильные пусковые установки для межконтинентальных баллистических ракет, а также крылатые ракеты наземного и морского базирования большой дальности.

При подготовке Договора ОСВ-2 к подписанию основные усилия США направлялись на то, чтобы ограничить рост количества РГЧ индивидуального наведения на советских ракетах. Широко и трудно обсуждалась проблема тяжелых ракет, имевшихся и имеющихся на вооружении СССР/России и не имеющих аналогов в арсеналах США. Много дискуссий на переговорах было о советском бомбардировщике среднего радиуса действия Ту-22М, получившим по классификации НАТО название «Backfire». Американская сторона стремилась включить его в состав советских стратегических наступательных вооружений, несмотря на то, что радиус его действия не превышал 5000 километров. Дебаты развернулись и вокруг способа зачёта тяжёлых бомбардировщиков с крылатыми ракетами воздушного базирования на борту (КРВБ). Советская сторона настаивала на зачёте каждой КРВБ как отдельного носителя. Компромисс был достигнут в виде зачёта тяжёлого бомбардировщика с КРВБ как одного носителя с разделяющейся головкой индивидуального наведения. Бомбардировщик среднего радиуса действия Ту-22М был исключён из состава советских стратегических наступательных вооружений.

В целом, **Договор ОСВ-2** вводил развитие стратегических наступательных потенциалов СССР и США в определённые предсказуемые рамки. Он должен был действовать до 1985 года. Однако ему не суждено было вступить в силу. **Осенью 1979 года США отказались ратифицировать Договор.** А ввод советских войск в Афганистан в декабре того же года был использован в качестве формального повода для его снятия с обсуждения в Конгрессе вообще. Часто приходится сталкиваться с точкой зрения, что именно афганские события стали основной причиной отказа США от ратификации Договора ОСВ-2. Оставляя сейчас в стороне оценку этого решения советского руководства, берусь утверждать, что реальное понимание причин, которые побудили администрацию США к таким действиям, лежит гораздо глубже.

Договор ОСВ-2 подвергся жёсткой обструкции в США, в том числе в Конгрессе, сразу же после его подписания в июне 1979 года. Его многочисленные противники пытались убедить общественность в «стратегическом отставании США» в наличии так

называемых «окон уязвимости». Бурное обсуждение договора велось всё второе полугодие 1979 года, пока в самом его конце не появился реальный повод для США «громко хлопнуть дверью». Реальность состоит в том, что правящие круги страны не захотели связывать себе руки твёрдыми обязательствами об ограничении стратегических наступательных вооружений, стремясь оставить для себя возможность для манёвра. Прежде всего, это касалось планов создания и развёртывания крылатых ракет различных видов базирования. Признание паритета в стратегическом потенциале сторон, а документ по существу его закреплял, выбивало почву из-под утверждений «о стратегическом превосходстве СССР», и из-под планов дальнейшего развития американских стратегических наступательных вооружений.

Тем не менее, вплоть до 1986 года стороны, по взаимному молчаливому согласию, придерживались основных ограничений Договора ОСВ-2. Однако этому пришел конец в мае 1986 года. Тогда по решению американского руководства началось широкомасштабное вооружение американских тяжёлых бомбардировщиков крылатыми ракетами, которые, напомним, должны были учитываться в числе носителей с РГЧ индивидуального наведения. Реализуя эту программу, США вплотную подошли к разрешённому пределу на носители с разделяющимися головными частями, и им следовало уже начать снятие с боевого дежурства определённого количества наземных ракет с такими боевыми блоками. Таким образом, **программа развития американских стратегических наступательных вооружений вступила в противоречие с договорными обязательствами, и правительство США, не колеблясь, предпочло пойти на полный отказ от обязательств по Договору ОСВ-2.** В июле 1986 года советская сторона оповестила американское руководство о том, что она «примет необходимые практические меры по недопущению подрыва военно-стратегического паритета»³⁰.

Однако существовал ещё один **важный фактор**, который потенциально и с точки зрения практической политики **серьёзно осложнял обстановку, понижая порог возможного ядерного столкновения.** Советская сторона всегда, может быть даже излиш-

³⁰ См.: Медведев В.И. Российско-американские соглашения в области контроля над ядерными вооружениями // Доступно on line [http:// armscontrol. ru / course / lectures03b /](http://armscontrol.ru/course/lectures03b/) Дата обращения 1 августа 2004 г.

не формально, руководствовалась принципом равенства и одинаковой безопасности. Именно поэтому советская сторона неизменно выдвигала требование учёта в стратегическом балансе американских ядерных средств передового базирования, прежде всего, размещённых в Европе. По своему радиусу действия (менее 5500 км) они стратегическим оружием не являются, но до территории СССР/России с баз в Европе они совершенно свободно достигали и достигают. Предлагалось принимать во внимание также и наращиваемые в то время ядерные средства союзников США – Великобритании и Франции, цели для которых также были размещены на территории нашей страны. Это требование американской стороной неизменно отводилось. Не было оно принято и при подготовке Договора ОСВ-2.

Такое развитие событий привело к тому, что в конце 70-х годов Советский Союз начал развёртывание на территории своей европейской части новых ракет средней дальности (радиус действия менее 5500 км) «Пионер» – по классификации НАТО «СС-20». Причём их постановка на боевое дежурство сопровождалось снятием с него первого поколения таких ракет – «СС-5» из расчёта «одна за одну». Руководство СССР мотивировало своё решение необходимостью укрепления своей безопасности в Европе, так как новые ракетные комплексы обладали повышенным классом точности: радиус их вероятного отклонения от цели не превышал 500 метров.

Западная сторона ответно сочла, что развёртывание ракет «Пионер» дестабилизирует соотношение сил в Европе, и руководство НАТО в 1979 году принимает план «**Довооружения Европы**». Оформлен он был в виде так называемого «**двойного решения**», которое предусматривало в ответ на действие СССР дополнительное развёртывание 572-х американских ядерных баллистических и крылатых ракет средней дальности («Першинг – II» и «Томагавк») и одновременное параллельное ведение переговоров с советской стороной об ограничении ядерных вооружений в Европе.

В итоге на рубеже 70-х и 80-х годов XX века развернулась острая политическая полемика сторон, в ходе которой каждая из них оправдывала свои действия. Она привела к тому, что в октябре 1980 года в Женеве делегации СССР и США начали переговоры об ограничении ядерных вооружений в Европе. При этом аме-

риканская сторона, вступив в переговоры, формально выполняла двойное решение НАТО, советская же сторона рассчитывала путём переговоров добиться отмены или пересмотра этого двойного решения. Переговоры реального результата не дали. И в ноябре 1983 года США приступили к размещению своих новых ракет в Европе, продемонстрировав тем самым, что в решении НАТО его довооруженческая сторона имела явный приоритет над переговорной. С началом развёртывания американских ракет переговоры были немедленно прерваны.

Следующий этап переговоров, который уже назывался **переговорами по ядерным и космическим вооружениям**, начался в марте 1985 года после прихода к руководству Советским Союзом М.С. Горбачёва. Предметом переговоров стали сразу три проблемы: стратегические наступательные вооружения, ядерные вооружения средней дальности и так называемые космические вооружения, включая противоракетную оборону. Советская сторона связывала все эти три проблемы в тугий узел, но постепенно он был «развязан» на три самостоятельных направления. Такое направление изменения политической позиции руководства СССР имело свои объяснения.

В январе 1986 года М.С. Горбачёв провозгласил программу поэтапной ликвидации ядерного оружия в мире, которая была встречена Западом как пропагандистская. Несмотря на всю свою нереалистичность, она была продиктована верой её авторов и сторонников в идеалы ядерного разоружения. Очевидно, под влиянием этой веры в подходах к проблемам разоружения и недопущения термоядерной войны у нового советского руководства произошли существенные сдвиги. Ранее незыблемый принцип переговоров – **принцип равенства и одинаковой безопасности** – был потеснён новой концепцией – **положением о приоритете политических средств обеспечения международной безопасности перед военно-техническими средствами**. Возобладала точка зрения, в соответствии с которой решения оборонного порядка не могут компенсировать дефицит политической воли в стремлении человечества выйти из замкнутого круга эскалации военных усилий и глобальной проблемы опасности III мировой войны.

Новые концептуальные установки оказали существенное воздействие на практические шаги советской стороны на перего-

ворах и, прежде всего, на проблему ядерного оружия средней дальности. Они вылились в уступки СССР своим партнёрам, заключавшиеся в следующем:

- согласие на включение в повестку дня переговоров наряду с ядерными наземными ракетными средствами средней дальности (1000–5500 км) ядерных наземных ракетных средств меньшей дальности (500–1000 км);

- снятие требования об учёте на переговорах ядерных вооружений союзников США – Великобритании и Франции;

- принятие решения на отделение на переговорах вопроса о ракетах средней и меньшей дальности РСМД от проблем стратегических наступательных вооружений и космического оружия.

Итак, 8 декабря 1987 года **Договор о ракетах средней и меньшей дальности** был подписан и 1 июня 1988 года вступил в силу. По Договору стороны обязались ликвидировать все свои развёрнутые и неразвёрнутые ракеты средней и меньшей дальности (в диапазоне радиусов действия от 500 до 5500 км) и не иметь таких ракет в будущем. Кроме самих ракет ликвидации подлежали их пусковые установки и вспомогательные сооружения. **Договор носит бессрочный характер.** На ликвидацию ракет средней дальности отводилось три года, меньшей – полтора года. Стороны полностью и в установленные сроки выполнили свои обязательства. СССР ликвидировал 1846 ракетных комплексов, США – 846. На территории нашей страны ракеты размещались на территории 117 объектов, а американцы в Европе таковых имели 31.

Одной из главных особенностей описываемого Договора является асимметрия в количестве ликвидированных ракет. Здесь следует иметь в виду, этот документ впервые в истории уделял основное внимание не количественной, а качественной стороне вопроса – **полностью ликвидировались целые категории баллистических ракет с ядерными боеголовками.** Ко всему прочему неравные количества ликвидируемых средств отражали реальное положение дел с их состоянием к моменту вступления Договора в силу. Следует добавить, что **развёрнутых ракет** всех категорий СССР и США уничтожили примерно поровну, а развёрнутых ракет средней дальности в Европе – США даже в полтора раза больше. Что же касается **неразвёрнутых ракет**, то СССР уничтожил их примерно 60% от общего количества, в то время как американская сторона – 47%. Это говорит, однако, о

недостаточной согласованности планов производства ракет в тогдашнем СССР с их реальными военными потребностями. В целом же **симметричен конечный результат Договора**: две категории ракет оказались ликвидированы на нулевой и глобальной основе. Более того, **согласно этому документу в мире впервые произошло реальное сокращение ядерных наступательных вооружений**. Следует иметь в виду также и то, что США ликвидировали ракетные комплексы с чрезвычайно малым подлётным временем до целей на территории нашей страны – 7–10 минут. Уничтоженные же советские ракеты вообще не могли достичь территории США.

Следует упомянуть также и о жесте «доброй воли» со стороны СССР, который сопровождал ход переговоров и подписание рассматриваемого Договора. В апреле 1989 года советское высшее руководство приняло решение о включении в предмет переговоров оперативно-тактических ядерных ракетных комплексов ОТР-23 («Ока»), имевших радиус действия 400 километров и по этому показателю не подпадавших под действие Договора. Это был чисто политический шаг, призванный, по-видимому, сохранить и поддерживать темпы подготовки документа. Безусловно, такое решение быстро развязало определённые переговорные узлы, но является совершенно непродуманным особенно в свете современных событий и, прежде всего, процессе расширения НАТО на восток.

Отмеченные недостатки Договора никак не сказались на его ратификации и успешном выполнении сторонами, и в целом он занимает ведущее место во всём разоруженческом процессе. Этот документ одобрительно был встречен мировой общественностью, правительствами и парламентами многих стран. И это отношение к Договору о ракетах среднего и меньшего радиуса действий не изменилось со временем. Кроме того, он создал хорошие предпосылки для более быстрого продвижения по другим направлениям ядерного разоружения.

После подписания **Договора РСМД** усилия специалистов сторон на переговорах по ядерным и космическим вооружениям сосредоточились на выработке **Договора по стратегическим наступательным вооружениям (СНВ)**, который был подписан 31 июля 1991 года. Основным содержанием **Договора СНВ-1** стало сокращение суммарного количества стратегических носителей каждой из сторон до 1600 единиц и количества ядерных

боезарядов на этих носителях (боезаряды подвергались сокращению впервые) до 6000 единиц. В дополнение к этому ограничивалось количество боезарядов, размещённых на наземных межконтинентальных баллистических ракетах и на БР подводных лодок до 4900 единиц. Кроме того, также впервые были введены ещё два важнейших ограничения:

- на мобильных МБР наземного базирования нельзя было размещать более 1100 единиц боезарядов;
- суммарный забрасываемый вес межконтинентальных баллистических ракет не должен был превышать 3600 тонн;
- стороны договорились, что количество крылатых ракет морского базирования не будет превышать 880 единиц.

Договор СНВ-1 весьма сложен, детален и объёмен. Он состоит почти из десятка отдельных брошюр общим объёмом в несколько сотен страниц. По этим показателям он является единственным в своём роде документом за всю историю составления подобных договоров.

Одной из особенностей этого документа является положение о сокращении вдвое количества тяжелых межконтинентальных баллистических ракет, фактически принятое советской/российской стороной в одностороннем порядке, поскольку США просто не располагало такой категорией ракет. В результате количество российских тяжелых ракет – по классификации НАТО «СС-20» или «Сатана» – оказалось сокращённым с 308 до 154. Под жёсткий контроль этот Договор поставил наземные мобильные МБР, которые после прекращения реализации американской программы «МХ» у США тоже отсутствуют. Ко всему прочему американская сторона получила возможность в одностороннем порядке осуществлять постоянную инспекцию Воткинского машиностроительного завода.

Выполнение **Договора СНВ-1** было рассчитано на семь лет после его вступления в силу, а продолжительность его действия была определена в 15 лет. Однако реальное вступление документа в силу было задержано до 5 декабря 1994 года из-за распада СССР. Потребовался вывод ядерных боеприпасов с территории Украины, Белоруссии и Казахстана, удаление стратегических носителей из Белоруссии и Казахстана, так как Украина взяла на себя обязательство сама демонтировать и ликвидировать их. Необходимо было оформить преемственность обязательств этих

трёх бывших советских республик по Договору СНВ-1 с международно-правовой точки зрения.

После вступления Договора в законную силу началось его выполнение, которое шло в целом успешно, хотя и с некоторыми претензиями сторон друг к другу. К 5 декабря 2001 года, то есть ровно через условленные семь лет, стороны выполнили свои обязательства по сокращению стратегических наступательных вооружений. По официальным уведомлениям, Россия на эту дату имела 1136 носителей и 5518 ядерных зарядов, размещённых на них. США соответственно – 1238 носителей и 5949 боезарядов. По обмену данными на 1 сентября 2003 года эти величины составляют: для России – 1112 и 5440 единиц, для США – 1234 и 5975 единиц соответственно. Договор будет действовать до декабря 2009 года³¹.

Вслед за СНВ-1, уже в условиях распавшегося Советского Союза, **президенты России и США Б.Н. Ельцин и Дж. Буш-старший 3 января 1993 года (!) подписали Договор СНВ-2**, который основывался на своём предшественнике, но принципиально отличался от него тем, что вторгался в структуру стратегических ядерных сил. США ратифицировали **СНВ-2** 26 января 1996 года, Россия – лишь 14 апреля 2000-го. Все годы до и после ратификации в России не прекращались бурные дискуссии по существу этого документа, общий смысл которых сводился к его осуждению. Этот **Договор** вынуждал российскую сторону перестраивать структуру своих стратегических сил, уничтожая при этом их существующую основу – межконтинентальные баллистические ракеты с разделяющимися головными частями индивидуального наведения. Уничтожая боеспособные МБР с РГЧ, Россия одновременно была бы вынуждена, для поддержания договорного уровня боезарядов (3500 единиц), дополнительно развёртывать значительное число моноблочных межконтинентальных баллистических ракет. Это было просто невозможно в силу экономической ситуации в стране. Предусмотренный **Договором СНВ-2** порядок сокращения позволяли американской стороне сохранять существенный **«возвратный потенциал»** боезарядов, поскольку последние не должны были уничтожаться, а просто

³¹ См.: Медведев В.И. Российско-американские соглашения в области контроля над ядерными вооружениями // Доступно on line [http:// armscontrol. ru / course / lectures03b /](http://armscontrol.ru/course/lectures03b/) Дата обращения 1 августа 2004 г.

складироваться. В этом случае Россия при переходе от 6000 к 3500 единиц боеголовок была бы вынуждена производить безвозвратную ликвидацию своих МБР с РГЧ, что лишало складированные боевые блоки носителей. В то же время США, благодаря заложенным в Договор положениям, проводили **обратимые снятия** боезарядов с неуничтожаемых носителей³².

Уже к концу прошлого столетия сроки выполнения условий Договора СНВ-2 стали нереальными. В 1997 году в Хельсинки и Нью-Йорке была предпринята попытка отнести второй этап выполнения статей этого документа с 2003 на 2007 год, но это не спасло дело. В целом **Договор СНВ-2 оказался мертворождённым**.

С приходом в 2001 году в США к власти новой администрации президента Дж. Буша-младшего отношение американской стороны к переговорному процессу по ядерным наступательным вооружениям существенно изменилось. Его администрация сформулировала свою позицию следующим образом: детальные юридические договорённости о сокращении стратегических вооружений должны быть заменены упрощёнными односторонними обязательствами сторон.

Первым шагом, подтверждающим эти теоретические установки американской администрации, стало решение президента о выходе США из Договора по противоракетной обороне, о чём Дж. Буш-младший официально заявил 13 декабря 2001 года. Через шесть месяцев после этого – 13 июня 2002 года – этот краеугольный камень международной стабильности в последние 30 лет прекратил своё существование. В этот же день **МИД Российской Федерации сделал заявление, в котором наша страна объявила миру, что более не считает себя связанной какими-либо обязательствами по Договору СНВ-2**.

Истории еще предстоит дать ответ на вопрос о том, что стало главным побудительным мотивом подобного решения США. С позиций же сегодняшнего дня причину следует искать в мировой ситуации, в которой США, став на какое-то время самой мощной державой мира, **утратили в лице нашей страны партнёра в стратегическом паритете** и теперь пытаются найти новые формы взаимоотношений с Россией.

³² См. подробно: Червов Н. Ядерный круговорот: что было, что будет. – М., 2001. С. 189–198.

Тем не менее, даже в этих условиях сторонам всё же удалось выработать новый договор о сокращении стратегических наступательных вооружений – теперь он называется **Договор о стратегических наступательных потенциалах (СНП)**. Он был подписан **24 мая 2002 года в Москве президентами В.В. Путиным и Дж. Бушем-младшим**, ратифицирован законодательными органами обоих государств и вступил в силу 1 июня 2003 года. Существом этого документа предусмотрено сокращение имеющихся у обеих сторон стратегических ядерных боезарядов таким образом, чтобы к 31 декабря 2012 года суммарное их количество не превышало бы у каждой количества 1700 – 2200 единиц. При этом состав и структуру своих стратегических наступательных вооружений договаривающиеся страны имеют право определять по своему усмотрению. Стороны признали силу Договора СНВ-1, который отныне называется **Договор о СНВ**. Больше ничего в этом **Договоре о стратегических наступательных потенциалах** нет, за исключением необходимых дипломатических формул о порядке его вхождения в силу и регистрации в ООН. Он существенно отличается от своих предшественников краткостью, занимая всего две–три, в зависимости от размера шрифта, страницы.

Анализ текста этого документа показывает, что, несмотря на предусматриваемое сокращение боевых стратегических боеголовок, этот процесс может быть прекращён сразу же по истечению срока действия соглашения в декабре 2012 года. Более того, не предусматривается уничтожения боеголовок, снимаемых с развёрнутых МБР, или утилизации средств доставки, выводящихся из состояния боевого дежурства.

Тем не менее, есть объективные причины считать этот **Договор о СНП** положительным явлением в переговорной разоруженческой практике России и США, а также существенным вкладом этих стран в решение глобальной проблемы избежания все уничтожающей ядерной войны:

- Необходимо ясно представлять, что российские стратегические ядерные силы переживают в настоящее время сложный период не только в связи с экономическими проблемами страны, но и в силу естественного старения ракетных комплексов в предстоящие годы, то есть именно то время, на которое рассчитано действие Договора о СНП;

- В этих условиях США было бы проще вообще не идти ни на какие переговоры с Россией, сохраняя свои стратегические силы на уровне 6000 развёрнутых боезарядов, как и предусматривалось Договором о СНВ;

- США сократят свои развёрнутые ядерные силы примерно в три раза от существующего уровня по Договору о СНВ (1991 г.), давая обязательство иметь к 31 декабря 2012 года в боевом составе своих стратегических наступательных сил примерно столько же боезарядов, сколько их фактически сможет иметь российская сторона. Это означает, что **российская сторона, вынужденно снижая количество своих стратегических вооружений, связывает такими же обязательствами по сокращению и американскую сторону!**

- Существенное значение имеет тот факт, что Договор о СНВ имеет **юридический характер**, а не является результатом простого выражения двух президентов, как первоначально мыслила новую договорённость американская сторона;

- Договор о СНВ позитивен и тем, что не накладывает ограничений на состав и структуру стратегических ядерных сил сторон и, в частности, на возможность наличия в их составе и наземных межконтинентальных баллистических ракет с разделяющимися боевыми частями индивидуального наведения;

- В качестве базовых правил механизма контроля за исполнением условий Договора о СНВ будут применяться инспекции на местах, при этом стороны договорились о дальнейшем обсуждении повышения путей «уровня прозрачности».

В целом можно утверждать, что российско-американский **Договор о стратегических наступательных потенциалах представляет собой положительное явление**. Он способствует сохранению предсказуемости и стратегической стабильности в мире.

Конечно, это отнюдь не означает, что проблема глобального ядерного столкновения окончательно исчезла. Проблем ещё очень много и следует назвать хотя бы основные из них.

Сосредоточение на рубеже XX–XXI веков в США уникальной военной, экономической и финансовой мощи рождает у определенной части правящей элиты соблазн сделать это превосходство постоянным и подавляющим. В новый век США вошли с новой военной доктриной, в которой подчёркивается, что вооружённые силы страны должны готовиться к ведению войны и дос-

тижению победы в любых войнах, где и когда бы они ни возникли. При этом имеется в виду, что цели в ядерной войне могут быть достигнуты в результате многократных и разнесённых во времени ядерных ударов по объектам военного и экономического потенциала, административного и политического управления. По времени это могут быть как упреждающие, так и ответно-встречные действия³³.

Разумеется, указанные положения военной доктрины требуют совершенствования военной структуры. Администрация президента Дж. Буша-младшего приступила к её реорганизации, программа которой была обнародована в начале 2002 года. Одно из центральных мест в ней занимает план создания систем противоракетной обороны США и их основных союзников.

В Старом свете продолжают совершенствоваться стратегические ядерные силы Великобритании и Франции. Более того, процесс строительства объединённой Европы с неизбежностью поставил в повестку дня вопрос о создании объединённых ядерных сил «сдерживания»³⁴.

Достаточно тревожную форму, скорее всего, примет процесс развития ядерных стратегических вооружений в **Китайской Народной Республике**. В документах последнего съезда правящей политической силы этой страны – КПК – в 2003 году была поставлена задача: **к 2050 г. страна должна иметь такие вооруженные силы, которые будут способны выиграть войну у любого противника!**

Несмотря на эти обстоятельства, следует иметь в виду, что **наибольшую угрозу современному миру, с точки зрения возможного военного применения ядерного оружия, несёт в себе процесс медленного, но последовательного расширения ядерного клуба «de facto».**

Итак, подписав в 1968 году **Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО)**, США и Советский Союз, а также Великобритания как страны депозитарии выставили его на подпи-

³³ См.: Колтунов В.С. Стратегические силы США и России – состав, ядерные доктрины и программы развития // Доступно on line [http:// armscontrol. ru / course / lectures03b /](http://armscontrol.ru/course/lectures03b/) Дата обращения 5 августа 2004 г.

³⁴ Андреева Т. Безопасность Западной Европы и независимые ядерные силы Великобритании и Франции // Мировая экономика и международные отношения. 2004. № 1. С. 51–61.

сание другими государствами. Для вступления **Договора** в законную силу было согласовано следующее условие: он должен быть ратифицирован депозитариями и ещё сорока государствами, что и состоялось в апреле 1970 года, когда он вступил в международно-правовое действие. В дальнейшем к нему начали присоединяться другие государства. В 1995 году в рамках переговорного процесса, проведённого под эгидой ООН, Договор был продлён на неопределённый срок. На сегодняшний день **ДНЯО** имеет наибольшее количество участников по сравнению с другими международными соглашениями. После подписания Договора в 2003 году Кубой и Восточным Тимором число его участников достигло 189³⁵.

Необходимо подчеркнуть одну **важную особенность ДНЯО**: документ, разработанный в основном двумя сверхдержавами, утверждал, что мир будет более безопасным, если ядерное оружие не выйдет за пределы тех государств, которые им на момент его подписания обладали. Таковыми были – США, СССР, Великобритания, Франция и Китай. Договор отражал широко распространённое мнение, что чем больше стран располагают ядерным оружием, тем больше риск его случайного либо намеренного применения.

Однако подавляющее большинство государств и в момент подписания **ДНЯО**, и сейчас придерживаются убеждения в том, что абсолютной гарантией неприменения ядерного оружия станет его полная **ликвидация**, что нашло отражение в **статье VI** текста документа, сделав его весьма привлекательным для неядерных государств. Она провозглашает в качестве основной цели всеобщее полное ядерное разоружение под строгим международным контролем. Тем самым, уменьшалось дискриминационное начало, безусловно, содержащееся в Договоре и заключающееся в принципе – «нам (ядерным державам) можно, а вам (неядерным государствам) нельзя».

Тем не менее, за всё время действия **ДНЯО** ни одна из ядерных держав не только не рассталась с этим оружием, но, наоборот, постоянно совершенствовала его и средства его доставки.

³⁵ Рыбаченков В.И. Режим нераспространения ядерного оружия // Доступно on line <http://armscontrol.ru/course/lectures03b/>. Дата обращения 5 августа 2004 года; Малов А.Ю. Договор о нераспространении ядерного оружия // Доступно on line <http://armscontrol.ru/course/lectures03b/>. Дата обращения 5 августа 2004 года.

Пять стран приобрели ядерный статут – Израиль, Индия, Пакистан, ЮАР и, возможно, КНДР³⁶. Первые три не присоединились к Договору, вследствие чего с моральной, политической и стратегической (но не юридической) точки зрения они практически ничем не отличаются от первых пяти ядерных государств³⁷. Южная Африка устами своего президента Нельсона Манделы впоследствии отказалась от своего арсенала и подписала документ как страна, не обладающая ядерным оружием. Корейская Народно-Демократическая Республика, вошедшая в Договор в 1985 году, была дважды обвинена в несоблюдении его положений, а в 2003 году заявила о своём выходе из него³⁸.

Аргентина, Бразилия, Республика Корея и Тайвань приостановили разработку ядерных программ, которую они вели на протяжении ряда лет. Белоруссия, Казахстан и Украина получили ядерные ракеты в «наследство» после распада Советского Союза, но предпочли отказаться от них и стали членами ДНЯО. Какое-то время Ирак тайно осуществлял запрещённую программу по разработке ядерного оружия, но его планы были раскрыты, а осуществление самой программы было существенным образом подорвано в ходе войны в Персидском заливе в 1991 году. Поэтому на сегодняшний день Иран остаётся единственным государством, о котором известно, что он активно стремится к овладению ядерным оружием – в нарушение если не буквы, то духа своих обязательств по нераспространению ядерного оружия³⁹.

Итак, в настоящее время ядерное оружие в подавляющем большинстве стран мира находится под запретом, в пяти государствах оно временно легализовано, ещё в трёх официально не запрещено, а в двух ситуация с ним совершенно не ясна,

³⁶ См.: Перкович Джордж. Переворот в системе нераспространения ядерных вооружений // Россия в глобальной политике. 2003. № 2.

³⁷ См.: Шилин А.А. Ядерные потенциалы Индии и Пакистана: современное состояние и перспективы развития // Доступно on line [http:// armscontrol. ru / course / lectures03b /](http://armscontrol.ru/course/lectures03b/) Дата обращения 5 августа 2004 года.

³⁸ См.: Рожков О.В. Ядерная программа КНДР // Доступно on line [http:// armscontrol. ru / course/lectures03b/](http://armscontrol.ru/course/lectures03b/). Дата обращения 5 августа 2004 года;

Ядерная программа КНДР: перспективы развития. Материалы ситуационного анализа под руководством Е.М. Примакова // Россия в глобальной политике. 2004. № 1.

³⁹ См.: Зобов А.И. Ядерная программа Ирана – миф или реальность? // Доступно on line <http://armscontrol.ru/course/lectures03b/>. Дата обращения 5 августа 2004 года.

по крайней мере пока. Таким образом, сложилась довольно запутанная и противоречивая ситуация, порождающая целую серию проблем, систематическое и детальное рассмотрение которых можно дополнительно найти в специальной литературе⁴⁰.

* * *

Для того чтобы действительно избавить мир от угрозы глобальной войны с применением оружия массового уничтожения и, прежде всего, ядерного, все, от кого это зависит – как правительства, так и отдельные лица, – должны неукоснительно придерживаться законов, договорённостей, правил и процедур, которые ведут к ограничению, а в перспективе к уничтожению такого оружия. Кое-кто утверждает, что это опасная иллюзия и заблуждение, так как это оружие уже изобретено, и время не повернуть вспять. Да это так – время не обратимо. Но в данном случае в его обратимости нет и никакой необходимости. Для этого нужна политическая воля. Такая, о какой мы вели речь, когда описывали договорённость СССР и США, которые просто-напросто исключили ракеты средней дальности из своих арсеналов. Точно так же поступило руководство ЮАР, сняв с вооружения свои ядерные боеголовки и утилизовав их. Значит, к такому результату можно прийти и к нему следует стремиться.

Контрольные вопросы

1. Угроза мировой ядерной войны в современных условиях: роль и значение в её снижении советско-американских и российско-американских договоров об ограничении и снижении количества стратегических наступательных вооружений.
2. Угроза расползания оружия массового уничтожения. Проблемы «ядерных карликов».

⁴⁰ Темирбаев Р.М. Россия и ядерное нераспространение. – М.: Наука, 1999.

Тема 4. ТЕРРОРИЗМ КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ МАЛОЙ СТЕПЕНИ ИНТЕНСИВНОСТИ. ПОИСК ПУТЕЙ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ

Со времён Олимпийских игр в Мюнхене в 1972 году и захвата членами подпольной организацией «Чёрный сентябрь» спортсменов национальной команды Израиля тема терроризма не сходит со страниц газет, журналов, научных изданий. Борьбу с ним в качестве одной из главных своих целей провозглашают самые мощные политики из самых разных стран мира. И, несмотря на это, нет даже однозначного определения, что же такое «**терроризм**» вообще, как нет в международном сообществе и согласия относительно того, какие действия или инциденты следует относить к террористическим актам. Обычно его определяют как любые насильственные действия против гражданского населения, направленные на провоцирование паники и нагнетание чувства страха и незащищённости в обществе, дестабилизацию социальных институтов. По мнению экспертов Государственного департамента США, **терроризм – это «предумышленное, политически мотивированное насилие, осуществляемое группировками субгосударственного уровня или нелегальными агентами против невоенных целей, чтобы воздействовать на соответствующую аудиторию»**⁴¹. Между тем, даже такое, весьма неполное, определение крайне редко применяется при оценке происходящих событий; намного чаще за терроризм выдаются преступные действия, которые, строго говоря, не могут и не должны рассматриваться в качестве проявлений террористической активности.

Так, практически ежедневно в репортажах из Ирака или с Северного Кавказа сообщается о таких «терактах», как подрыв автомобиля у ворот военной базы или расстрел из засады автомашины с военнослужащими. Подобные действия, однако, нельзя считать террористическими в прямом смысле слова, как, скажем, никогда не считались терроризмом вылазки партизан против оккупационных войск. Почему, например, убийство президента Чеченской республики Ахмада Кадырова 9 мая 2004 года считается

⁴¹ См.: Иноземцев В.Л. Очень своевременный противник // Россия в глобальной политике. 2005. № 3, май и июнь.

террористическим актом, а убийство германского протектора Богемии и Моравии Рейнхарда Гейдриха 27 июня 1942 – успешной операцией сил Сопротивления? И если стало привычным говорить об убийстве народовольцами российского императора Александра II (1 марта 1881) как об успехе террористов, то почему никто не рассматривает таким же образом убийство президента США Авраама Линкольна в 1865?

Всё дело в том, что оценка очень часто зависит от политических ориентаций, религиозной принадлежности, национальности, а иногда и личных симпатий. Поэтому, стоит ли удивляться ситуации, когда одно и то же событие и его участники для какой-либо страны или части общества – террористы и опаснейшие преступники, а для других – «борцы за свободу»? Именно так обстоит дело в реальной политической практике: то, что является очевидным преступлением для одних, другим может видеться подвигом и целью всей жизни человека. Подобная ситуация сложилась, например, в государстве Израиль по отношению к действиям активистов палестинских организаций: для подавляющей части еврейского населения эти действия есть ничто иное, как преступление, для палестинцев же такая трактовка – не более чем неверная метафора, применённая для определения их главного жизненного долга.

Тем не менее, поиск общих подходов к проблеме терроризма продолжается все эти годы. Бурные события конца XX века и, особенно, происшедшее 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке, ещё раз напомнили всем: времени на академические дискуссии нет. **Борьба с терроризмом стала одной из актуальнейших проблем, которую необходимо решить и учёным, и политическим деятелям – на Западе и Востоке, на Севере и Юге.**

По поводу содержательного наполнения слова «терроризм» нет консенсуса даже в сфере правоповедения. Так, согласно Уголовному кодексу Российской Федерации терроризмом является «совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба, либо наступления иных общественно опасных последствий, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказа-

ние воздействия на принятие решений органами власти, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях»⁴².

В свою очередь, Государственный департамент по иностранным делам США характеризует его как «предумышленное, политически мотивированное насилие против гражданских объектов, совершаемое обычно с намерением повлиять на публику субгосударственными группами или подпольными организациями»⁴³. В поисках ответа на вопрос о том, что же такое терроризм, можно встретиться с многочисленными и различными точками зрения⁴⁴. Однако все они, в сущности, располагаются между двумя крайними:

- исходя из того, что террористы совершают убийства, похищения, угоны самолётов, т.е. действия, которые внутренним и международным правом признаются как преступления, предлагается считать их обычными уголовниками;

- учитывая размах террористических действий и оснащение совершающих их группировок, предлагается рассматривать терроризм как военные действия, как разновидность войны.

Рассмотрим подробно каждую из этих точек зрения.

Первое. Безусловно, в процессе террористической акции может быть совершено и чаще всего совершается уголовное преступление. Более того, уголовные элементы могут использовать тактику террора. Однако цель уголовного преступления практически всегда эгоцентрична: удовлетворение корыстных интересов, чаще всего – обогащение. Террор, который при этом может быть использован, представляет собой явление второго порядка и служит достижению основной цели – незаконному получению материальных благ.

Террористы же прибегают к **насилию как к основному средству достижения** своих главных, прежде всего, политических целей: оказать давление на власти с целью изменения позиции, освободить арестованных и т.д. Даже при совершении чисто уголовной акции – ограбление банка – получение денег будет целью второго порядка по отношению к основной задаче: продол-

⁴² См.: Уголовный кодекс Российской Федерации. – М., 2002. Ч. 1. Ст. 205.

⁴³ Доступно on line <http://ftp.eura-sia.org.ru> Дата обращения 10 августа 2004 года.

⁴⁴ См.: Петров К.Е. Виртуальная мастерская: методология политической науки. Структура концепта «терроризм» // Полис. 2003. № 8. С. 130–141.

жение политической борьбы, на организацию которой и пойдут преступно полученные средства. Кроме того, в отличие от уголовников, террористы не пытаются скрыть своё преступление.

Всё это означает, что **попытка поставить знак равенства между терроризмом и уголовным преступлением представляет собой серьёзное упрощение ситуации.**

Второе. Примерно то же самое можно сказать и о стремлении отождествить терроризм с военными действиями. Конечно, нельзя не видеть, что оба этих социально-политических феномена представляют собой различные формы политического насилия. Однако на этом их сходство практически заканчивается. В любом военном конфликте, будь то внутри- (гражданская война) или межгосударственный, действия сторон направлены, прежде всего, против военных формирований, друг друга, а не против гражданского населения. Уничтожение мирного населения, к сожалению, конечно, имеет место, но лишь как сопутствующий элемент основных действий на фронтах сражений. К этому следует добавить и такое обстоятельство: те, кто ведёт военные действия, как правило, открыто носят оружие и военную форму, свидетельствующую о принадлежности к одной из воюющих сторон. Террористы, основным объектом нападения которых являются мирное население и гражданские объекты, скрывают наличие оружия и свою принадлежность к террористической организации.

Следует обратить внимание также и на то, что такой вид военных действий, как партизанская война или гверилья, обычно характеризуется более или менее широкой поддержкой со стороны населения, участием в той или иной степени населения в войне. **Террористы же оторваны от масс.**

Безусловно, как в ходе полномасштабной войны, так и в ходе гверильи могут совершаться террористические акции, которые носят подчинённый и второстепенный характер. Другими словами, «война», в том числе и партизанская, понятие в данном случае более широкое, чем терроризм. Последнее ходит в первое понятие на правах составной части.

Итак, очевидно, что **терроризм в чём-то аналогичен уголовному преступлению, имеет он определённое сходство и с военными действиями, и в то же время он как явление имеет и свои специфические характеристики**, к рассмотрению и описанию которых и следует перейти.

Во-первых, практически все авторы согласны с тем, что **терроризм** – это, прежде всего, **одна из форм организованного насилия**⁴⁵. Причём понятие «насилие» в данном контексте толкуется достаточно ограниченно: как угроза или использование силы для причинения физического ущерба отдельному лицу или группе лиц в отличие от применения этого термина в широком смысле слова как лишение свободы и нарушение прав человека.

Во-вторых, очевидно, что **терроризм** – это использование силы в политических целях, то есть он является **специфической формой политического насилия**. Терроризм – это мотивированное насилие с политическими целями. Учёт этого обстоятельства весьма важен, так как позволяет отделить терроризм от чисто уголовного преступления. При этом, однако, следует отметить, что сравнительно недавно появился такой термин, как **«уголовный терроризм»**, под которым понимается совершение террористических акций уголовными элементами, например, организованными преступными группами с целью добиться определённых уступок от властей посредством запугивания их и населения. Именно так, к примеру, действует Медельинский наркопроизводящий картель в Колумбии.

В-третьих, терроризм сочетает высокий уровень социальной, политической и, в последнее время, религиозной мотивированности с крайне низким уровнем участия в его акциях масс. Именно это отличает его от национально-освободительных процессов, революций и других массовых политических движений. Действительно, люди, садившиеся в пассажирские самолёты в США 11 сентября 2001 года, прекрасно знали, что больше они из них не выйдут никогда, но шли на это во имя своей страшной идеи. Примерно то же самое можно сказать о тех, кто собирался на захват концертного комплекса «Дубровка» в Москве осенью 2002 года или средней школы в Беслане 1 сентября 2004 года.

При этом необходимо подчеркнуть, что для терроризма характерно **полное отрицание понятия «невиновность»**. Другими словами, концепция террористической борьбы **подразумевает**

⁴⁵ См.: Коэн Ариэль. Борьба с терроризмом и опыт идеологического противостояния // Россия в глобальной политике. 2003. № 4; Современный терроризм: состояние и перспективы. – М.: Эдиториал УРСС. 2000; Терроризм угроза человечеству в XXI веке. – М., 2003; Contemporary Research of Terrorism. Ed. by Wilkinson and Stewaars. Aberdeen, 1987.

тотальную виновность всех уже в силу принадлежности к иному сообществу, национальности, религии и т.д.

В-четвёртых, следует иметь в виду, что террористическая акция, помимо причинения определённого ущерба жертве или жертвам, рассчитана на определённый эффект: посеять страх, создать угрозу широкому кругу лиц – именно терроризировать. Причём, как это ни парадоксально может показаться на первый взгляд, именно провоцирование определённой реакции как можно более широкого круга лиц, а не причинение физического ущерба конкретной жертве или жертвам акции, составляет основу террористического акта.

Отсюда с неопровержимостью вытекает важный вывод: **терроризм представляет собой форму политической коммуникации**. Он, таким образом, подчёркивает, что этот социально-политический феномен является средством для оказания **целевого воздействия** на определённые социальные группы.

В-пятых, очень частый разрыв, и это, пожалуй, самое важное в определении терроризма, между непосредственной жертвой политического насилия и группой, «**являющейся объектом воздействия, целью насилия**». Именно поэтому, говоря о террористических актах, употребляют слова «невинная жертва» – чаще всего истинными целями террористического акта являются давление на власти и запугивание широких слоёв населения.

Таким образом, во всех случаях терроризма как такового налицо **три участника конфликта**: тот или те, кто совершает данную акцию, её непосредственная жертва или жертвы и те, кого хотят запугать и заставить вести себя определённым образом, то есть объект воздействия. Именно наличие трёх сторон в конфликте отличает террористическую акцию не только от уголовного преступления или военных действий, но и от политического убийства – явления столь же давно известного миру, сколько, к сожалению, широко распространённого в наши дни.

Ещё в 1980 году Б. Дженкинс – директор исследовательских программ «Rand Corporation» области субнационального конфликта и политического насилия – дал следующее определение рассматриваемому социально-политическому феномену: «Терроризм определяется в зависимости от характера акции, а не от личности исполнителя или сути дела, за которое он берётся. Все террористические акции сопряжены с применением насилия или

его угрозой, часто сопровождаются выдвижением конкретных требований. Насилие направлено в основном против гражданских объектов, а мотивы имеют политический характер. Акции совершаются так, чтобы привлечь максимум общественного внимания. Исполнители, как правило, являются членами организованных групп и в отличие от других преступников берут на себя ответственность за совершаемые акции. И, наконец, сама акция призвана оказать воздействие, выходящее за рамки причинения непосредственного физического ущерба»⁴⁶. В данном определении достаточно много допущений: «как правило», «часто», «обычно» и др. Уже одно это позволяет судить о том, насколько неоднозначно само явление. С другой стороны, очевидно, что за почти 30 истекших лет мировое сообщество мало продвинулось в направлении выработки общего понимания сути, природы и форм этого страшного социально-политического феномена.

Более того, достаточно часто, к сожалению, задача глобальной борьбы с терроризмом приносится в жертву политическим целям и интересам. Яркий пример тому события сентября 2004 года, связанные с захватом заложников в средней школе Северо-Осетинского города Беслан в Российской Федерации. Осудив на словах эту акцию, ведущие державы Запада на страницах своих СМИ развернули пропаганду идеи необходимости ухода русских с Северного Кавказа. Применение подобного **«двойного стандарта»** может быть прекращено лишь принятием мировым сообществом, возможно в рамках ООН, общего определения понятия «терроризм» с обязательными для каждого государства, с точки зрения международного и внутреннего права, последующими действиями. Основой для такого международно-правового и политического документа может стать **Женевская конвенция о защите жертв войны от 12 августа 1949 года**, участниками которой являются на сегодняшний день почти 180 государств мира.

То, что это нужно сделать как можно скорее, убеждает и использование такой метафоры⁴⁷: как театр держится на сочувствии

⁴⁶ Jenkins B. The Study of Terrorism: Definitional Problem. Santa Monika (Cal.), 1987, pp. 2 – 3.

⁴⁷ Очень хорошо об этом писал К.Е. Петров: см.: Петров К.Е. Виртуальная мастерская: методология политической науки. Структура концепта «терроризм» // Полис. 2003. № 8. С. 140.

и эмоциональной реакции зрителей, так и... террор. Не будь в мире зрителей, в том числе и сочувствующих, спектакль террора не мог бы иметь место. Мы не можем представить себе театр без зрителей, но способны анализировать театральные постановки. Воспринимая терроризм как глобальный конфликт, не следует забывать, что без зрителей (то есть мира, на который он, собственно, и рассчитан), наблюдающих за этим ужасным действием благодаря развитию средств массовой информации, оно было бы невозможно. Без общества терроризм невозможен, поэтому именно мировое сообщество может и обязано его искоренить, имея в виду при этом, что это смертельно опасное явление имеет в обществе вполне определённых социальных носителей.

Как правило, к террору прибегают три типа политических сил, каждый из которых преследует свои цели.

Во-первых, это социальные движения, не имеющие широкой поддержки; они применяют террористические действия, чтобы вызвать своими действиями большой общественный резонанс. Примерами могут служить «Народная воля» в России конца XIX века, а в XX столетии – итальянские «Красные бригады» в 1970-е годы, «Тупак Амару» в Перу в 1990-е и т.д. В большинстве случаев террористические вылазки не прибавляли этим группировкам симпатий граждан, и правительства успешно их подавляли.

Во-вторых, это движения меньшинств или угнетённых народов, стремящихся к независимости или самоопределению. Посредством террористических актов они пытаются заставить колонизаторов уйти с земли, которую они считают своей. Так действовали алжирские террористы во Франции в 50-е годы прошлого века, палестинские террористы в международном масштабе в 1960–1990-е, чеченские боевики в российских городах на протяжении последнего десятилетия. История показывает, что правительства чаще всего вынуждены идти на удовлетворение требований таких группировок.

В-третьих, это религиозные или квазиидеологические движения, целью которых является добиться либо невмешательства в дела тех или иных государств, регионов или религий, либо доминирования своих верований и идеологий над другими религиозными и общественными принципами. От первого, тоже идеологизированного типа, они отличаются масштабом деятельности и

социальной поддержки, а также глубиной идеологических корней. К подобным движениям относятся исламские террористы, объединённые в организованные группы, такие как «Аль-Каида», «Хамас», «Хезболла», «Ансар-аль-Ислам». В первую очередь «война с терроризмом» объявлена именно этим группам и организациям.

Таким образом, очевидным представляется, что терроризм обыкновенно имеет внутреннюю почву, внутренние причины возникновения и чаще всего внутренние цели. Однако на практике почти всегда террористические акты затрагивают граждан и территорию более чем одной страны, являясь в современных условиях явлением транснациональным и глобальным⁴⁸. Поэтому закончить типологию терроризма лишь выше перечисленными дифференциациями означает существенное упрощение проблемы.

Типология терроризма

I. Социально-революционный или идеологический терроризм. Члены организованных террористических групп, относящихся к этому виду, ставят своей задачей достижение социальных, политических или экономических изменений внутри одного государства, нескольких или даже мира в целом. Следует иметь в виду, что он может быть как левого, так и ультраправого толка.

Современный **левый социально-революционный терроризм** зародился в 1960-е годы в Латинской Америке, где под знаменем «городской гверильи» развернули свою деятельность многочисленные террористические группировки. Первыми по времени появления среди них стали «**Тупамарос**» в Уругвае, **МИР** и **ФАЛН** в Венесуэле, обратившимися к террору в 1963 году. В этой связи необходимо подчеркнуть, что 1960-е годы и особенно 1968 год, вошедшие в историю своими знаменитыми студенческими бунтами, стали «датой рождения» многих экстремистских и террористических группировок по всему миру. Радикально настроенная часть студенчества взяла вместо учебников транспаранты и флаги и пошла отстаивать свои интересы на улицах. Именно в этой среде сформировалось подавляющее большинство

⁴⁸ См. подробнее: Международный терроризм: внутренняя структура понятия и его роль в политическом дискурсе / Под ред. Л.Е. Бляхера. – Хабаровск, 2005.

левых террористов. Ими стали те из бывших студентов, которые считали, что против власти надо бороться с оружием в руках – иначе власть их просто не услышит.

Кроме того, в это время в Латинской Америке сыграл свою роль и другой фактор: пример кубинской революции вместе с активными попытками специальных служб этой страны экспортировать её в страны американского континента, лежащие южнее Мексики.

Затухание массовых политических движений трудящихся на Латиноамериканском континенте, связанное с приходом в большинстве стран национал-реформистских правительств, ориентированных на рыночную экономику и сотрудничество с мировым сообществом, послужило поводом для развёртывания городской террористической деятельности. Лидеры этих движений исходили из того, что в странах с преобладанием городского населения и прогрессирующей урбанизацией говорить об окружении города деревней явно несерьёзно. Поэтому идею «сельского очага» революционной борьбы, выдвинутую Эрнесто Че Геварой, они заменили идеей «очага городского». Из этой искры, по их мнению, должно было разгореться пламя революции по всей стране.

Кроме того, очень скоро стало понятно, что крупные отряды в условиях сельской местности не имеют возможности уклоняться от столкновений с регулярными войсками, поэтому несут большие потери. Осознав, что у них нет перспектив для ведения широкомасштабной партизанской борьбы в джунглях, они постепенно перешли к тактике систематических ударов в городах, совершаемых малыми группами, координирующими свои действия между собой.

Ещё один фактор оказал влияние на становление городского терроризма. Партизанская война в сельской местности, как уже говорилось выше, требует обязательной поддержки местного населения. Подавляющее же большинство жителей маленьких деревень, разбросанных в горах и джунглях, были безграмотными и деполитизированными.

Очень важным аргументом в пользу перенесения террористической деятельности из деревни в город стала идея об использовании в своих интересах средств массовой информации. В городе даже самый маленький террористический акт мгновенно попадал на первые полосы газет и выпуски телевизионных ново-

стей, а вот в сельской местности целое сражение могло остаться незамеченным.

Вскоре среди латиноамериканских террористов появился человек, превративший революционный терроризм левого толка в стройную систему. Им стал **Хуан Карлос Маригелла** – руководитель подпольной организации боевиков в бразильском городе Сан-Паулу. Именно он разработал стратегию и тактику террористической борьбы, которые превратили левый терроризм в грозную силу, с которой правительства стран Латинской Америки, Западной Европы и некоторых других регионов не могли справиться больше двух десятков лет.

Суть разработанной **Маригеллой** концепции сводилась к следующему: необходимо путём насильственных действий превратить политический кризис в вооружённый конфликт. Это вынудит власти трансформировать политическую ситуацию в военную, что заставит массы взбунтоваться против армии и полиции. Другими словами, путём терактов создать в стране революционную ситуацию.

Маригелла сформулировал две главных цели террористических действий:

- физическая ликвидация верхушки армии и полиции, экспроприация у правительства и крупных собственников средств на борьбу;
- провокация репрессий со стороны правительства, чтобы сделать жизнь масс невыносимой, что должно заставить их возмутиться и выступить против режима.

Важную роль сыграл тезис, выдвинутый **Маригеллой**: «Террористическая организация должна складываться из автономных групп, связанных друг с другом не организационно, но идеологически. То есть террористическую организацию нельзя слишком централизовать или иерархировать. Потомки вняли его рекомендациям, практически все последующие террористические организации – от ИРА до ХАМАС – устроены по этому образцу: отдельные ячейки не связаны между собой. В случае провала такой ячейки ущерб для организации в целом минимален.

Маригелла разработал основы тактики терроризма, определил условия для того, чтобы операции проходили успешно. Главное – неожиданность. Необходимо захватить противника врасплох, лучше его знать поле боя, иметь достоверную информацию,

быть более быстрым и маневренным, а также обладать высокой решимостью. Тактика должна быть наступательной, так как для обороны сил у террористов недостаточно. Действовать нужно по принципу внезапной атаки и быстрого отступления, не ввязываясь в открытое столкновение. Важную роль он отводил освещению операций в печати.

Современные террористы многим обязаны **Маригелла** не только в тактической и организационной областях. Он разработал систему политического обоснования и нравственного оправдания терроризма, которой воспользовались его последователи, далеко обогнав его в этом.

Революционный левый терроризм Латинской Америки представлен и двумя перуанскими организациями. Прежде всего, следует назвать группу «**Сендеро Луминосо**» («**Светлый путь**»), организацию маоистского типа, возникшую в этой стране ещё в 1960-е годы. Систематические террористические действия она начала в 1978 году, поставив своей целью разрушение существующего государства и создание вместо него «народной республики новой демократии», ориентированной на интересы индейцев. После разгрома «Сендеро Луминосо» в 1992 году правительством президента А. Фухимори уцелевшие остатки организации выродились в обыкновенных бандитов, находящихся на службе у наркомафии.

В 1983 году в Перу возникла террористическая группировка имени **Тупак Амару (РДТА)**. Её идеология представляет собой эклектическую смесь из некоторых идей марксизма-ленинизма и теории Че Гевары об «экспорте революции». Своей целью **РДТА** считает «утверждение марксистского режима» путём «вооружённой пропаганды», то есть террора, а также изгнание из Перу «империалистов», то есть американских и японских корпораций. Наиболее известным эпизодом в деятельности этой террористической организации является захват японского посольства в Лиме 17 декабря 1996 года. В руки боевиков попало 370 человек, собравшихся на приём по случаю дня рождения императора Японии Акихито. Среди заложников оказались послы 9 стран, министры, сенаторы, иностранные бизнесмены. Командиром напавших на посольство боевиков был ветеран террористического движения 48-летний Нестор Серпа. Через 4 месяца осады в результате штурма заложники были освобождены, все террористы

уничтожены, погиб один пленник и два члена специальной штурмовой группы. Тем не менее, говорить о полном уничтожении **Тупак Амару (РДТА)** рано: в условиях глубокого подполья действует ещё примерно 150 боевиков, которые имеют в своём распоряжении несколько тайных баз, упрятанных в непроходимых джунглях.

Левый социально-революционный терроризм в Европе. С началом 1970-х годов городской терроризм, постепенно сходя к минимуму на периферии мира – в Латинской Америке, – начал перемещаться в его главные европейские центры. Если в 1970 году на территории южнее Мексики, которую в Советском Союзе называли «пылающим континентом», было осуществлено вдвое больше террористических актов, чем в Европе, то уже в 1978 году соотношение стало обратным⁴⁹. Тот год в Европе запомнился страшным «террористическим фестивалем» **«Красных бригад»** в Италии и резким усилением активности левых экстремистов в ФРГ.

Возникновение терроризма в Европе интересно тем, что западноевропейские страны не один десяток лет являлись эталоном стабильности общественно-политических отношений и социальной защищённости подавляющего большинства населения. Тем не менее, Европа оказалась столь же уязвимой для терроризма, как и менее благополучные страны.

Существенную роль в становлении левотеррористических группировок сыграли молодёжные волнения, прокатившиеся по развитым странам в 1968 году. В их недрах сформировались почти все видные представители первого поколения террористов, для которых акции протеста стали переходом от легальной деятельности к нелегальной. Первыми на этот путь вступили группы в ФРГ **«Баадер – Майнхоф»**, принявшая впоследствии наименование **«Фракция Красной Армии»** (**«Роте Армее Фракционе»**, или **РАФ**), и **«Движение 2 июня»** (Д – 2). В качестве цели была выдвинута идея развязывания в стране пролетарской коммунистической революции, основным средством подготовки которой является городская гверилья.

1 июня 1972 года полиции удалось во Франкфурте арестовать А. Баадера, Г. Энслин, У. Майнхофф. Прокуратура предъявила

⁴⁹ Современный терроризм. Анализ основных направлений. – Минск: «Харвест», 2000. С. 57.

им абсолютно доказанные обвинения в 5 убийствах и 55 покушениях на них, а также в серии поджогов и ограблений. Террористическая организация **РАФ** была обезглавлена. Несмотря на то, что её боевики еще продолжали похищения и угоны (13 октября 1972 года был захвачен самолёт компании «Люфтганза»), деятельность организации пошла на убыль, после самоубийства в тюрьме А. Баадера и Г. Энслин 18 октября 1972 года и У. Майнхофф 9 мая 1976 года, казалось, и вовсе сошла на нет. Тем не менее, в 1980 – 1992 годах террористы **РАФ** осуществили ряд убийств и покушений на убийство представителей военного командования, диверсий на военных объектах НАТО в ФРГ. В мае 1992 года **РАФ** опубликовала документ об отказе от террористических методов борьбы, однако в апреле 1993 года её боевики взорвали новую тюрьму в городе Дармштадт. Таким образом, вполне вероятно, что **РАФ** существует и сегодня, пусть и в количестве 10–20 боевиков. Впрочем, она начала свой преступный путь с четырех человек...

После «**Фракции Красной Армии**» «эталонном» левом революционном терроризме стали «**Красные бригады**» («**Бригате росси**», **БР**) в Италии. Особую роль в создании данной организации сыграл социологический факультет университета города Тренто, находившийся под влиянием «новых» левых. На этом факультете в конце 1960-х годов учились некоторые лидеры «**Красных бригад**». Они сильно отличались от других представителей бунтующей молодёжи. Скромно и официально одетые, аккуратно подстриженные, они проводили свободное от учёбы время в дискуссиях и чтении. Набор любимых авторов был весьма специфическим: Карл Маркс, Карл Клаузевиц, Лев Троцкий, Че Гевара, Герберт Маркузе, Антонио Грамши, Мао Цзэдун, Режи Дебре.

1 ноября 1969 года **Ренато Курчо** (1942 года рождения), выпускник факультета социологии Трентского университета, выступил с докладом на встрече представителей левых экстремистских движений. Тема выступления «Социальная борьба и ее организация в метрополиях». В ходе доклада он призвал всех присутствующих «перейти к вооруженной борьбе», чтобы «освободиться от власти капитала». Вскоре к нему присоединился адвокат **Альберто Франческини** (1947 года рождения). Третьим создателем **БР** стала **Маргарита Кагол**, жена Ренато Курчо, также

выпускница Трентского университета. В октябре 1970 года было опубликовано сообщение о создании организации «Красные бригады», а 28 ноября 1970 года состоялась первая боевая операция – серия взрывов на заводе фирмы «Пирелли». Затем последовали убийства прокуроров Генуи, похищение и убийство Альдо Моро. В 1974 году к руководству организацией пришли другие люди, а Р. Курчо с 1976 года отбывает 30-летний срок тюремного наказания. Подобно другим левым революционным террористам, **БР** объявила арену сражений города, а своими главными противниками – «деятелей режима». По данным МВД Италии, за 1979–1982 годы боевики организации совершили 8789 терактов, в качестве выкупа за 430 похищенных ими людей было получено в 1977–1982 годах 200 миллионов долларов⁵⁰.

1988 год оказался последним, когда «**Красные бригады**» представляли собой реальную опасность. Их последний руководитель А. Фосса был арестован вместе с 21 террористом. В 1990-е годы остатки **БР** (по данным МВД, их на свободе не более 50 человек) провели несколько малозначительных терактов, не повлекших за собой человеческих жертв. Кровавая эпоха «красных убийц» завершилась.

Сильной стороной итальянских левых революционных террористов являлся профессиональный подход к подготовке и совершению терактов. Они обладали хорошо продуманной структурой, тщательно разрабатывали свою стратегию и тактику. Подолгу готовились к проведению каждой акции: собирали подробную информацию, проводили тренировки, заботились о тыловом обеспечении, использовали новейшее вооружение и спецтехнику. **БР** имели свою разведку и контрразведку.

Левый революционный терроризм в других странах Европы. В 70–80-е годы XX века террористические акты совершались во многих странах мира. Но отнюдь не везде были свои левые революционные группировки. Это можно утверждать в отношении скандинавских стран, хотя там существовали мелкие группировки и имели место акции заезжих террористов. Аналогично обстояли дела в Австрии и Швейцарии. Незначительной оказалась деятельность левой «революционной» группы «**Сердитые бригады**» на Британских островах.

⁵⁰ Современный терроризм. Анализ основных направлений. – Минск: «Харвест», 2000. С. 97.

В то же время Испания ощутила серьёзную угрозу от двух группировок левого толка: **ФРАП** (Революционный патриотический и антифашистский фронт) и **ГРАПО** (Группа патриотического сопротивления 1 октября). Последняя, как и многие другие террористические группы в Европе, имела определённое влияние на студентов, особенно в тех провинциях, которые характеризовались низким уровнем экономического развития. **ГРАПО** тесно сотрудничала с террористической националистической группировкой басков **ЭТА**, несмотря на то, что выступала против отделения Страны басков от Испании. Мотивировка такой оригинальной позиции состояла в том, что объединяющих моментов в борьбе с общим врагом больше, чем разъединяющих. В 1979–1981 годах **ГРАПО** понесла значительные потери и свернула свою деятельность.

Во Франции широкую и печальную известность получила левая революционная организация «**Аксъон директ**» («**Прямое действие**»), которую в 1979 году основали Ж-М. Руйон, Н. Меньен, А. Оливер, Р. Шлейцер. Группировка осуществляла взрывы аэропортов, ограбление банков и ювелирных магазинов, похищения людей, на её счету более 80 убийств. К 1990 году «**Аксъон директ**» была разгромлена французскими властями, а её основные руководители попали в руки правосудия.

17 ноября 1975 года резидент ЦРУ в столице Греции Афинах Ричард Уэлч возвращался домой в превосходном настроении с правительственного приёма. Подошедший к нему незнакомец тремя выстрелами в упор застрелил американца. Убийство стало «дебютом» греческой террористической группировки «**17 ноября**». Эта организация не так известна в сравнении с кровавыми бесчинствами остальных. За почти 30 лет своего существования на её счету немногим более 20 убийств, около сорока взрывов и ракетных атак, направленных главным образом против греческих налоговых служб и транснациональных корпораций. Но одна особенность выделяет эту террористическую организацию: ни один член этой организации не был арестован за тридцать лет её существования. И не только не арестован, но даже и не установлен. Члены группы «**17 ноября**» по сей день остаются неизвестными греческой полиции, Интерполу, специальным службам США и НАТО. Численность организации большинство экспертов оценивают в 10–15 человек. Именно малочисленность в сочета-

нии с высоким профессионализмом и позволяет группе сохранять и себя, и свою секретность.

Левый революционный терроризм никогда не скрывал своих целей и своих методов, которые они использовали для достижения своих целей. Их исходный пункт был таков: «парламентская демократия» является не более чем благопристойным прикрытием фашизма, его мирным обличьем. Поэтому задача «истинных революционеров» состоит в обострении социальных конфликтов путём террористической борьбы, что вынуждает власти обращаться к открытым репрессиям.

С середины 1980-х годов левый терроризм резко пошёл на спад. Одна за другой объявляли о своём роспуске террористические организации в Европе. Ренато Курчо, бывший лидер «Красных бригад», выпустил в начале 1983 года манифест, в котором признал стратегический кризис левого терроризма и объявил о том, что «цикл революционной борьбы закончен». Многие группировки если не сошли со сцены официально, то не проявляют никакой активности.

Современный **ультраправый терроризм** известен по всему миру. Он проникнут духом шовинизма, расизма и национализма, базируется на культе сильной личности и убеждении в превосходстве над остальной массой. Ультраправый терроризм стремится к утверждению тоталитарных принципов организации общества, его главные очаги находятся в Италии, Испании и Германии, хотя родоначальником этого вида террористической деятельности следует считать американский **Ку-Клукс-Клан (ККК)**. Это самая известная праворадикальная расистская организация в США, выступающая против негров и евреев. Она была создана в 1865 году, официально расформирована через три года, но воссоздана в начале 1920-х годов. С тех пор на её счету немало расовых погромов.

Современные ультраправые используют террористические действия для захвата власти. Но массовых фашистских и им подобных партий сейчас нигде нет. В Италии действует **МСИ**, но она не имеет большой популярности. Неонацистская партия **НДП** в ФРГ никогда не получала на выборах более 0,6% голосов. Крайне правый **Национальный фронт** во Франции во главе с Ж.М. Лепэном имеет своих представителей в парламенте, но шансов прийти к власти легальным путём у него нет.

2. Националистический терроризм

Националистический терроризм очень широко распространён в мире. Его существо раскрывается в террористических действиях группировок, которые стремятся либо добиться независимости от какой-либо страны, либо обеспечить превосходство одной нации над другой или другими внутри одной страны. В нём можно выделить два основных направления.

Во-первых, это борьба политических группировок национальных меньшинств, зачастую с религиозным идейным оттенком, за создание своего собственного государства, за предоставление автономии или хотя бы за предоставление равных прав по сравнению с господствующей нацией. В зависимости от особенности идейной основы конкретной группировки главным объектом её террористической деятельности становятся либо представители правительственных структур (чиновники, военнослужащие, полицейские, судьи, политики и т.д.), либо вообще все попадающие в зону досягаемости представители враждебной нации.

Одной из старейших террористических организаций, относящихся к этому направлению, является **Ирландская республиканская армия (ИРА)**. В 1920 году парламент Великобритании, а в декабре 1921 года её политические лидеры (Д. Ллойд Джордж, У. Черчилль и Н. Чемберлен) и высшие представители националистической партии ирландцев-католиков заключили соглашение между Англией и Ирландией. В соответствии с этим договором остров был поделён на две неравные части: примерно 1/5 часть острова, но с населением 1/3 официально был назван Северной Ирландией (Ольстер) в составе Великобритании, а остальная его территория стала новым государством, которое с 1949 года является полностью независимой Ирландской республикой. На протяжении многих десятилетий католическое меньшинство Ольстера ощущает себя морально униженным, подвергается экономической и политической дискриминации. Главная причина кризиса в Северной Ирландии в том, что католические экстремисты, из среды которых вербует своих боевиков **ИРА**, пытаются силой заставить протестантов, а также правительство Великобритании ликвидировать особый статус Ольстера и объединить его с Ирландской республикой.

Это тупиковая ситуация, потому что никакой альтернативы разделу нет. Если, предположим, **террористы Ирландской республиканской армии** добьются своей цели, то протестанты немедленно превратятся в меньшинство населения, так как их будет в общем составе населения Ирландии не более 1/3. Ситуация зеркально поменяется, и уже руководству Ирландской республики придётся столкнуться с такой же волной насилия, с какой сталкивается сейчас Великобритания. Кроме того, разрушение тесных экономических связей Ольстера с Англией неизбежно приведёт к ухудшению экономической ситуации. Раздел территории острова был и остаётся единственно верным решением.

ИРА существует с 1905 года и никогда не признавала раздела Ирландии. В этом её отличие от партии **Шин Фейн** как легальной организации ирландских католических националистов, исключивших террор из числа методов своей деятельности. Отрядным является тот факт, что в сентябре 2005 года руководство ИРА широко распространило информацию о своём полном отказе от методов террористической и вооружённой борьбы. Свои террористические организации есть и у протестантов. Загнанный в подполье **«Корпус ольстерских добровольцев»** также осуществляет террористические акции против католиков и тех членов **ИРА**, которых им удаётся выследить. Фактически протестантские «ультра» ничем не отличаются от террористов из **Ирландской национальной армии**, так как и те, и другие несут ответственность за насилие в Ольстере.

Еще одной всемирно известной террористической группировкой националистов является испанская **«Эускади та Аската-суна»**, что буквально означает «Страна басков и свобода», или **ЭТА**. Традиционный басконский сепаратизм уходит своими корнями в средние века. Со второй половины XX века к таким факторам, питающим активность боевиков, как историческая память о прошлой независимости, своеобразии языка и культуры, добавился и стал играть всё возрастающую роль более высокий, по сравнению с остальной Испанией, уровень экономического развития региона. Налицо явная аналогия с Ольстером.

В 1962 году **ЭТА** самоопределилась как «революционное движение за национальное освобождение, созданное на основе патриотического сопротивления и независимое от любой партии,

организации, учреждения»⁵¹. Своей целью она провозгласила создание независимого басконского государства – Эскуади, которое должно возникнуть из трёх провинций Испании и южной части Франции – Наварры. По началу, когда деятельность этой организации происходила в условиях господства в стране фашистской диктатуры генералиссимуса Франко, её вооружённая борьба за национальную, социальную и религиозную справедливость означала в то же время борьбу с франкизмом. Во многом поэтому она пользовалась не только поддержкой басков, но и сочувствием со стороны многих испанцев. Тактика же «революционной борьбы» организации ЭТА представляла собой терроризм «чистой воды»: взрывы бомб в полицейских участках, армейских казармах, на железных дорогах, покушения на жандармов, представителей органов франкистской юстиции.

Постепенно ЭТА вырождалась в преступную банду, прикрывающуюся националистической и революционной фразеологией. Участились грабежи банков, широкое распространение получила тактика взимания «революционного налога», ежегодно приносившего группировке доход в миллиард песет. Одновременно она начала похищать людей без политических мотивов, лишь для получения выкупа, участвовать в контрабанде наркотиков, «отмывать» деньги с помощью банков и игорных домов. В 1997 году после похищения и убийства молодого экономиста Мигеля Бланко ЭТА утратила остатки прежнего сочувствия и доверия со стороны народа. Правительство заявило, что отныне не будет вести никаких переговоров с этой преступной и бандитской организацией ни по какому вопросу, пока она не сложит оружия и не заявит о полном прекращении своей деятельности.

К сожалению, описанными организациями националистический терроризм не ограничивается. В мире существует много подпольных группировок этно-сепаратистского толка, например, **Армия освобождения Квебека** в Канаде, **Курдская рабочая партия** в Турции, **Фронт национального освобождения Корсики** во Франции, **ТОТИ** – организация за создание независимого от Шри Ланки тамильского государства, **Сикхское террористическое движение** за воссоздание независимого государства **Халистан** и его отделение от Индии. Сюда же следует отнести ар-

⁵¹ Современный терроризм. Анализ основных направлений. – Минск: «Харвест», 2000. С. 193.

мянские террористические организации **Дашнакцутюн** и **АСАЛА**. Боевики именно этих организаций произвели взрывы в московском метрополитене и универсальном магазине столицы 8 января 1977 года. С 1993 в КНР года от политических методов борьбы перешёл к партизанской войне и **терроризму Национальный революционный фронт Восточного Туркестана (НРФВТ)**. Своей целью члены этой организации и её лидер Юсуфбек Мухлиси поставили создание независимого от Китая уйгурского государства. Примерно аналогичные процессы в настоящее время активно действуют и на территории Российской Федерации, особенно в регионе Северного Кавказа.

Во-вторых, политической реальностью являются действия привилегированных национальных групп с целью подавления выступлений национальных и религиозных меньшинств или с целью создания этнически однородного государства. В любом случае объектом массового террора являются все представители таких меньшинств, а индивидуального – их политические и религиозные лидеры. Ярким примером такой разновидности террористической деятельности являются действия **палестинских боевых организаций**, ставящих своей целью создание независимого арабского государства на территории Палестины. Справедливости ради следует заметить, что не все эти организации были постоянными сторонниками террористических форм деятельности. Некоторые от них отказались, некоторые пришли к ним в ходе своего развития. Именно поэтому их следует назвать все: «**Аль – Фатх**» (Движение национального освобождения Палестины), «**Чёрный сентябрь**», «**Фатх – РС**» (Революционный совет, или организация Абу Нидаля), **ФНБ** (Фронт народной борьбы), **НФОП** (Народный фронт освобождения Палестины).

Террористические организации националистов относятся к числу наиболее долговечных. Некоторые из них существуют уже более 100 лет, другие – десятки лет. Вообще национализм стал одной из главных сил социально-политических изменений в мировом сообществе во второй половине XX – начале XXI века. К числу наиболее опасных устремлений националистического терроризма относятся попытки нарушения территориального единства стран, выхода тех или иных территориальных единиц из состава государств. Реализация этих целей часто сопряжена с объявлением властей «своего государства» оккупантами, проводни-

ками национального (этнического) геноцида, нарушителями права на национальное самоопределение, национал-сепаратистский терроризм сопровождается совершением наиболее острых террористических акций⁵² и нередко осуществляется в комплексе с другими незаконными формами политического насилия – повстанческой деятельностью, попытками вооружённого захвата власти, организация мятежей и иных опасных экстремистских проявлений.

3. Религиозный терроризм

Обычно возникает там и тогда, когда группировки, исповедующие ту или иную религию, пытаются, если не свергнуть, то, во всяком случае, вести борьбу против государства, где наиболее распространённой является иная религия или где господствует неортодоксальная разновидность той же религии.

В рамках религиозного, точнее религиозно-политического экстремизма, особую опасность приобретают экстремистские структуры, действующие на основе исламского фундаментализма. Характеризуя исламский терроризм как одну из разновидностей терроризма религиозного, уместно использовать определения «самый» и «больше всех». Действительно, за последние 30 лет эти террористы являются самыми фанатичными и самыми активными. Более того, в настоящее время террористические организации именно этого направления являются численно, безусловно, преобладающими в системе террористических структур, действующих в различных регионах мира: более 150 организаций⁵³.

В системе религиозно-политических экстремистских организаций наиболее активны в настоящее время **«Братья – мусульмане»**, широко поддерживаемые Саудовской Аравией, **«Хезболлах»** **«Аль-Джихад аль-ислами»** (проиранские), ряд недавно возникших палестинских организаций, например **«Бригада мучеников Аллаха»** и **«Исламское движение сопротивления» (ХАМАС)**, а также иракские организации, спровоцированные

⁵² См.: Авдеев Ю.И. Типология терроризма // Современный терроризм: состояние и перспективы. – М.: «Эдиториал УРСС», 2000. С. 54–61.

⁵³ См.: Марков К.В. Противостояние ислама и западной либеральной цивилизации. Сбудется ли прогноз Самуэля Хантингтона? // Терроризм: угроза человечеству. – М., 2003. С. 62–75.

своим появлением американским вторжением в эту страну весной 2003 года. На особом месте – группировка «**Основа**» («**Аль-Каида**»).

Исламские террористические группировки очень широко контактируют между собой, это обусловлено тем, что кроме прочих целей у всех у них имеются две общие: западный образ жизни и Израиль как государство неверных, оккупировавшее священные земли ислама. Они обладают также весьма мощной финансовой базой за счёт средств радикальных исламских организаций во многих мусульманских странах. Для того чтобы понять сущность исламского терроризма, надо сперва уяснить, что такое исламский фундаментализм. Под ним скрывается форма радикального ислама, связанная с верой в то, что для возвращения исламским странам их «былого величия» правоверные мусульмане должны отказаться от всего того, что связано с «западными духовными ценностями и западным образом жизни». Надо вернуться к истокам, к «фундаменту ислама» точно в таком виде, каким его проповедовал пророк Мухамед.

Более того, радикальные исламисты убеждены, что сам ислам как религия оказался перед лицом смертельной опасности. Он может исчезнуть, причём не в результате вторжения каких-нибудь крестоносцев, как это бывало в прошлом, а вследствие «западной отравы», то есть обольщения современными светскими, материалистическими идеями и соответствующим им образом жизни. Их распространяют неверные среди подражающих им наивных мусульман. Государство же эффективно умерщвляет религию через светское законодательство, парламентаризм, научно-материалистическое образование, репрессивный аппарат, средства массовой информации.

Чтобы спасти ислам и свои души, правоверные мусульмане должны объединиться и захватить власть. Конечной целью исламских фундаменталистов в любой стране является создание религиозного государства, управляемого духовенством и руководящегося законами шариата. На сегодняшний день подобных результатов фундаменталисты добились в Иране и Судане, а до недавнего времени и в Афганистане. Во всех других мусульманских странах они находятся в оппозиции, причём довольно часто им приходится действовать в условиях подполья: Сирии, Алжире, Тунисе, в Ираке (до американского вторжения в апреле

2003 года). Но даже в такой неявной форме радикальные исламисты способны влиять на общественно-политическую ситуацию.

Основная мысль лидеров исламского терроризма очень проста: «против тех, кто не соблюдает законы ислама, необходимо сражаться». Идеологи исламского терроризма возводят джихад, то есть священную войну, в ранг шестого столпа ислама, считая при этом, что «разрушение силой и насилием, полное уничтожение, не оставляющее большого и малого», представляют собой главную форму и метод джихада. Стратегическая задача этого вида экстремизма состоит в создании современного халифата – панисламского государства, обладающего ядерным оружием. Однако уже сейчас воинствующие мусульманские фундаменталисты выдали себе карт-бланш на притеснение и физическое уничтожение тех, кто осмеливается оспаривать их политизированное толкование Корана, и потому приверженцы светских, умеренных взглядов даже внутри ислама и, конечно, вне этой религии постоянно находятся под угрозой.

Тревожной является возможная тенденция к росту как числа организаций, базирующихся на идеях исламского фундаменталистского терроризма, количества боевиков, в них состоящих, так и террористических актов, ими совершаемых. Указанный тренд базируется на очевидном основании: во всем мире происходит рост количества приверженцев мусульманской религии – к 2010 году их количество достигнет почти полутора миллиардной отметки, – стало быть и количество непримиримых фундаменталистов также возрастёт. Ни одна страна не свободна от этой тенденции. Согласно опросу компании «Гэллап», проведённому в 2003 году, большинство представителей мусульманского мира от Марокко до Индонезии настроены резко отрицательно по отношению к США. Результаты опроса свидетельствуют о существовании большого разрыва между реальными фактами и тем, как их воспринимают в исламском мире и на Западе⁵⁴.

Исламизация США началась с 1960-х годов, когда в Америку хлынул поток из мусульманских стран, в основном из Египта, Саудовской Аравии, Сирии и Пакистана. По данным последних статистических исследований, численность мусульман США превышает 7 млн человек. К ним относятся 3 млн так называемых

⁵⁴ См.: Коэн Ариэль. Борьба с терроризмом и опыт идеологического противостояния // Россия в глобальной политике. 2003. № 4.

«белых» мусульман – арабов и выходцев из Центральной и Юго-Восточной Азии. Больше всего их живёт в штате Калифорния. Община «чёрных мусульман» насчитывает более 4 млн человек. Таким образом, среди белого населения США мусульмане составляют около 2%, а в негритянской общине в Аллаха верует каждый пятый⁵⁵. Можно сказать, что мусульмане, пользуясь крайне либеральными иммиграционными законами, принятыми Конгрессом США в 1966 году, закрепились в американском обществе. С самого начала исламская диаспора оставалась замкнутым обществом и является таковой в настоящее время. В отличие от многих этнических общин, систематически оседавших в США, арабы и другие мусульмане отнюдь не стремятся в пресловутый «плавильный котёл». Они не только блюдают родной язык и обычаи своей родины, но, прежде всего, религию. С самого начала исламская диаспора становилась замкнутым обществом, члены которого самоизолировались от внешнего мира настолько, насколько позволяла им забота о хлебе насущном. Они стремятся не допускать в свой круг чужаков, к которым относят «неверных» – немусульман; избегают контактов с правоохранительными органами, в первую очередь судебными, применяя по возможности нормы шариатских установлений. Именно поэтому почти невозможно увидеть в Америке смешанные пары или мусульманок в традиционной одежде. В этой среде крайне быстро обозначилось движение крайних мусульманских радикалов-фундаменталистов. Они рьяно пропагандируют преимущества ислама перед любой религией, а мусульманского менталитета перед современным образом жизни. В этой пропаганде очень быстро и отчётливо зазвучал призыв к свержению чуждых верований, к силовому изменению американской цивилизации.

Вскоре у этих экстремистов появилась и первая боевая группа – «**Джаамат уль Фукра**» (**ДФ**) – одна из наиболее опасных террористических организаций, базирующихся в США в настоящее время. Она была создана в 1980 году в Бруклине и в настоящее время существует две близкие ветви **ДФ**: американская и пакистанская. Идеологически обе ориентированы на установление власти «истинного» ислама во всём мире. Одним из методов укрепления и расширения организации **ДФ** является создание ис-

⁵⁵ Штейнберг Марк. Намаз в Калифорнийской мечети // Независимая газета. 2003. 31 октября.

ламских поселений в глубинке США. Таких поселений и городских ячеек у неё сейчас более всего в Аризоне, Колорадо, Пенсильвании, Нью-Джерси, Джорджии. По данным ФБР, в стране к 2001 году находилось более 3000 активистов ДФ, в числе которых – около 300 наиболее подготовленных террористов.

Обращает на себя внимание тот факт, что в последнее десятилетие XX века и в наше время не отмечено создание других боевых террористических организаций непосредственно из членов исламской диаспоры в США. Руководители мусульманских экстремистов выработали другую тактику подрывных действий в Америке. Исполнители терактов – обязательно крупномасштабных – готовятся к ним и засылаются в страну заблаговременно. Как правило, это уроженцы стран Ближнего и Среднего Востока, преимущественно Саудовской Аравии, которая является родиной и цитаделью вахабизма. Мусульманской же диаспоре определена роль идеальной среды, многомиллионный состав которой позволяет «раствориться» немалому числу подготовленных шахидов. Боевики могут длительное время находиться на положении «спящих агентов», беспрепятственно и незаметно готовя свои губительные акты, будучи надёжно прикрытыми и обеспеченными всем необходимым местными единоверцами.

Эта система уже доказывает свою «эффективность». 26 декабря 1993 года группа пакистанца Рамзи Юсуфа подорвала автофугас в гараже одного из зданий Всемирного торгового центра в Нью-Йорке. Погибли 6 человек, более тысячи получили ранения, небоскрёб тогда устоял. Хотя основная часть террористической группы была арестована и осуждена, но правительство США не сделало должных выводов и не предприняло никаких мер для агентурной разработки исламской диаспоры. Что и было использовано в «чёрный вторник» 11 сентября 2001 года, когда вполне цинично повторилась атака на небоскрёбы ВТЦ. Стратеги исламских экстремистов в отличие от американских спецслужб учли свои просчёты и напали на башни Всемирного торгового центра не снизу, а сверху.

Чёрные мусульмане. Так называют себя американские негры, принявшие ислам. Это движение началось в конце 1940-х годов. Его основателем и идеологом стал афроамериканец из Детройта **Элия Пул**, объявивший себя мусульманским пророком и принявшим имя **Мухамед**. В общем виде его идеи своди-

лась к тому, что всё доброе – дело чёрных последователей Аллаха, которые некогда и были властелинами всего сущего на Земле. Но белые христиане – раса дьявола – украли у них власть, поработили, ввергли в нищету, рабство, бесправие. Пришла пора положить конец господству белых. Для этого негры должны стать мусульманами, принять арабские имена, выучить Коран, отгородиться от белых, объединиться, создавая собственный бизнес, школы и боевые отряды.

Эти постулаты были положены в основу созданной **Элия Мухамедом** организации «**Нация ислама**». Он превратил её в самую крупную и экономически сильную негритянскую организацию в США. Со временем во главу угла своей программы «пророк» поставил создание негритянско-исламского государства на американской территории. В «**Нации ислама**» появились группы боевиков-телохранителей, обеспечивавших проводимые «пророком» акции. В конце 1960-х годов их пополнили до 40 боевых ячеек – экстремистской организации афроамериканцев немусульманского толка – уцелевших после разгрома этой организации.

Таким образом, «**Нация ислама**» уже в те времена располагала боевыми группами, способными к проведению террористических акций. Однако международный экстремизм пока не ориентируется на свой американский филиал как на ударную силу террора. Перед ним поставлена задача по наращиванию влияния в стране, укреплению идеологического и экономического потенциала. Планируется использовать организацию и как мощную электоральную общность. Именно такая линия просматривается в политике нынешнего лидера «**Нации ислама**» **Луиса Фаррахана. Фаррахан** – прирождённый лидер и талантливый оратор. Он мастерски готовит и обставляет свои выступления, держа в напряжении аудиторию и, заставляя слушать себя, часами. Основная тема его речей – ничтожество «белого общества», его слабость и порочность, божественное предназначение американских негров – создать здесь «исламскую страну», которая поведёт за собой всех единоверцев, станет ядром всемирного исламского государства. Лидер «чёрных мусульман» не ограничивается ораторскими упражнениями. Он создал своеобразные «штурмовые отряды» наподобие нацистских, в которые набираются исключительно сильные физически афроамериканские мусульмане рос-

том не менее двух метров. Именно они окружают **Фаррахана** во время его выступлений, демонстрируя мощь «**Нации ислама**», они эскортировали своего лидера в ходе известного «Марша миллиона чёрных мужчин», который состоялся в 1995 году и завершился грандиозным митингом перед зданием Конгресса США.

Сегодня вполне очевидно, что в США утвердилось и развивается сообщество людей, которые проявляют категорически неприятие американского государственного устройства, общественного строя, образа жизни, системы моральных ценностей. Оно не скрывает своих намерений бороться с ними и изменить социально-политическое и идеологическое устройство США в удобном для себя направлении. Эту общину – американскую исламскую диаспору – правомерно сравнивать с миной замедленного действия, способную взорваться по сигналу извне.

Круг религиозно-политических и иных экстремистских организаций в настоящее время всё более пополняется структурами иной религиозной направленности: особого внимания заслуживает возникновение и интенсивное наращивание активности тоталитарных сект типа «**Аум Синрикё**» в Японии. Данный факт говорит о живучести религиозного терроризма и его многоликости.

4. Терроризм по борьбе с явлением

В последнее время, особенно в Европе, появились борющиеся против загрязнения окружающей среды, убийства животных, строительства ядерных объектов. О том, что активисты этих групп находятся в преддверии приёма в арсенал своей борьбы методов вполне террористических, говорит и история, и настоящее движения антиглобализма.

5. Государственный терроризм

К специфическим особенностям государственного терроризма следует отнести использование властями для целей внутренней и внешней политики негосударственных экстремистских организаций различной идейно-политической направленности, что нередко практикуется в целях сокрытия причастности определённых стоящих у власти политических кругов к террористиче-

ской деятельности, а также для расширения собственного потенциала этой деятельности как инструмента внутренней и внешней политики. С указанными процессами связано такое достаточно распространённое в настоящее время явление, как спонсорство терроризма, выражающееся в поддержке отдельными государствами в различных формах тех или иных террористических организаций в собственных политических интересах. Сюда можно отнести предоставление для тех или иных террористических структур своей территории для размещения лагерей и баз террористических организаций, передача им оружия и снаряжения, обеспечение им возможностей для укрытия от преследования и восстановления сил, оказание им финансовой и иной помощи.

В современных условиях практика государственного терроризма характерна в большей или меньшей степени для государств с военными режимами, диктаторскими формами правления, то есть, в основном, в ряде стран Азии, Африки и Латинской Америки. По степени своего разрушительного воздействия государственный терроризм можно отнести к числу особо опасных разновидностей терроризма. Это объясняется тем, что он нередко распространяется на весьма широкие круги населения, располагает наибольшим потенциалом средств насильственного и устрашающего воздействия, способен спровоцировать тяжелейшие международные катаклизмы.

Терроризм сегодня. К сожалению, следует отметить, что количество террористических актов за последние 35 лет имеет только увеличивающуюся динамику. Более того, социально-политический экстремизм имеет зловещую качественную динамику: если в 1970-е годы 80% всех терактов было направлено против собственности и всего лишь 20% против людей, в 1986 году в этом зловещем соотношении установился поровну распределённый баланс (50% против собственности и 50% против людей), то в настоящее время уничтожение материальных ценностей в виде зданий, поездов и самолётов всего лишь сопровождает гибель людей как основного объекта политического насилия. Террористические акты тщательно готовятся, возросла дисциплина внутри организаций, их совершающих, налицо сотрудничество и координация деятельности этих группировок в разных странах. В результате – до 90% этих акций в той или иной степени достигают своих целей.

Огромную роль в распространении терроризма сыграл технологический прогресс. Сегодня важнейшим компонентом экстремистской акции являются самые современные средства радио- и телекоммуникации, спутниковая связь, каналы массовой информации и система «Интернет». Сюда же следует добавить новейшие виды взрывчатых веществ и оружия, их доступность, а также распространение современных видов транспорта, которые способствуют мобильности террористов и, в силу своей уязвимости, представляют собой весьма удобный объект для нападения. Уход в прошлое левого революционного терроризма с его вполне определёнными объектами для воздействия включил в их число вокзалы, поезда, концертные залы, больницы, школы, что приводит к огромному росту числа невинных жертв.

Страшно подумать, но на очереди в качестве объекта террористической акции нападение на атомные электростанции и использование в ходе её совершения так называемых «грязных ядерных бомб». Последнее представляет собой простое устройство и может быть изготовлено кустарным способом. Иначе говоря, это контейнер с расщепляющимися материалами, обложенный обычным взрывчатым веществом. Различных видов радиоактивных материалов в природе много, и они широко применяются в промышленности. В России приобрести такие материалы практически невозможно, чего нельзя сказать о некоторых других странах, а всего государств, способных производить расщепляющиеся материалы, сегодня более сотни. При взрыве контейнера радиоактивные материалы не вступают в цепную реакцию, а распыляются⁵⁶. Людей поражает не ядерный взрыв, которого просто не происходит, а радиация. К тому же большие территории могут быть загрязнены излучающими веществами. Не исключено, что среди экстремистов могут появиться самоубийцы, снабжённые подобными «грязными бомбами».

Тем не менее, в последнее время в мире стали раздаваться голоса, предупреждающие о том, что международный терроризм уже в ближайшее время сможет достичь ситуации обладания реальным ядерным оружием, что сулит драматическую перспективу для человечества. Так, в 2004 году американская элита оказалась в состоянии интеллектуального шока после выхода книги

⁵⁶ См. подробно об этом интервью с генерал-полковником, профессором В.И. Есиным // Независимая газета. 2004. 30 июля.

Грэма Эллисона «Ядерный терроризм: последняя катастрофа, которую можно предотвратить»⁵⁷. Автор этой работы, которая моментально стала бестселлером, известный эксперт по военно-политическим вопросам, основатель и первый декан Школы государственного управления им. Джона Кеннеди, разворачивает перед своими читателями весьма устрашающую картину. Первая часть работы Г. Эллисона посвящена, главным образом, утверждению о высокой вероятности проникновения на территорию США террористов, в обоснование чего он приводит ряд аргументов. Во-первых, в мире есть восемь официально признанных ядерных держав и ещё несколько вплотную приблизились к обладанию этим оружием. При этом отнюдь не все ядерные державы надлежащим образом контролируют свои ядерные арсеналы, причём он описывает документированные случаи утраты контроля над ядерными материалами, относящиеся к первой половине 1990-х годов на территории постсоветского пространства. Профессор Г. Эллисон не склонен недооценивать и опасности, исходящей из Пакистана, Северной Кореи, ряда стран, эксплуатирующих промышленные ядерные реакторы, и даже от самих американских военных, неоднократно терявших ядерные заряды в ходе тренировочных операций.

Во-вторых, в наши дни можно изготовить и применить миниатюрные атомные бомбы; автор цитирует покойного генерала Александра Лебеда, а также американских гражданских и военных специалистов, неоднократно заявлявших о наличии такого оружия в арсеналах обеих стран. Весьма впечатляет и описанный им эксперимент, осуществлённый в условиях строгой секретности сенатором-демократом Дж. Байденом, который попытался проверить, могут ли американские учёные, оставшись незамеченными, создать в «домашних условиях» ядерный заряд. В результате через три месяца, летом 2004 года, сенатору было продемонстрировано соответствующее устройство(!).

В-третьих, Г. Эллисон утверждает, что сегодня крайне легко ввезти опасный груз на территорию Соединённых Штатов; и в таком случае опасность исходит не от ракет потенциального про-

⁵⁷ См.: Graham Allison. Nuclear Terrorism: The Ultimate Preventable Catastrophe. N.Y., Times Books, 2004; 263 pp. Интересный анализ этой работы сделал А.А. Кокошин – см.: Кокошин А.А. Заметки о проблеме ядерного терроризма в современной мировой политике. – М., УРСС, 2004.

тивника (такого, например, как Северная Корея), а от многочисленных брешей в системе пограничного и таможенного контроля. По данным, приводимым в книге, ежедневно в США прибывает 500 тыс. грузовых контейнеров, но лишь немногим более 10%(!) из них надлежащим образом инспектируется таможенными службами. Страна тратит на контроль грузов 18,8 млрд долларов в год, но это не мешает ежегодному поступлению на американский рынок 260 тонн кокаина; 9,1 млрд долларов расходуются на содержание пограничных и иммиграционных служб, но не менее 500 тысяч человек ежегодно нелегально проникают на территорию США.

Вывод, который делает Г. Эллисон своей категоричностью, не оставляет никаких сомнений: трагедии не миновать (?!), если немедленно не преодолеть нарастание этой опасности с помощью стратегии трёх «нет» и семи «да». Среди трёх «нет»: нет – плохому контролю над ядерными материалами; нет – распространению ядерных технологий в неядерных странах; нет – появлению новых государств, обладающих ядерным оружием. При чтении этих рекомендаций сразу становится ясной основная идея автора, которая очевидна и которую последний и не скрывает: Россия должна немедленно предоставить США (на «обоюдной», конечно, основе) доступ экспертам к хранилищам ядерного оружия и расщепляющимся материалам. Второе «нет» относится исключительно к Ирану, третье – к Северной Корее.

С нашей точки зрения, несмотря на верную формулировку угрозы возможности ядерного терроризма, предложения Г. Эллисона заведомо неверны и неприемлемы. Неужели российское руководство, озаботившееся в последнее время проблемой враждебного окружения, начнёт открывать перед ним ворота ядерных объектов? Или, что Иран, ближайшая мишень американских атак, остановит свою программу? И так ли уж актуальна привычная критика России за «плохое» хранение ядерных материалов, когда, например, на виду у верного союзника Америки президента Пакистана П. Мушаррафа его «придворный» учёный-ядерщик А. Хан открыл, говоря словами главы МАГАТЭ М. Аль-Барадеи, целый «Уол-Март, частным образом торгующий ядерными технологиями»? Да и кто будет контролировать этот процесс? Ведь автор шокирующего бестселлера даже не упоминает ни ООН, ни МАГАТЭ. Может ли мир отдать свои ядерные технологии под

контроль США, когда в этой стране один за другим выходят фильмы о пропаже атомных бомб (только в самой этой книге упомянуто 14 таких «киношедевров»), а ЦРУ позволено со всей серьёзностью докладывать президенту страны об обнаружении в Нью-Йорке 11 октября 2001 года 10-килотонного ядерного заряда?

Не лучше, судя по тексту, обстоят дела и с семьёю «да», главные из которых – это «стратегически выверенная война с террором»; «построение глобального альянса, борющегося с ядерным терроризмом», создание разведывательных подразделений, адекватных потребностям борьбы с ним», а также «включение задачи предотвратить ядерный терроризм в шкалу абсолютных национальных приоритетов».

Г. Эллисон не приводит решительно никаких оснований в подкрепление того, что предложенная им умозрительная концепция окажется действенной. Ведь США не смогли создать «глобального альянса», борющегося даже с обычным терроризмом; и они не только не одержали серьёзных побед в этой борьбе, но, более того, в ходе её способствовали расширению масштабов самого терроризма. Совершенно ясно, что до появления подразделений, «адекватных потребностям борьбы с ядерным терроризмом», пройдёт много времени, возможно, даже, что более десяти лет, о чём свидетельствуют провалы американских специальных служб в Ираке. «Стратегическая же выверенность» курса, которая требовалась от президента Дж. Буша-младшего, стала заложницей его наследственных антисаддамовских фобий.

В итоге: постановка вопроса своевременная, а вот реальной, практической политики не предложено.

После получения несколькими десятками адресатов в США почтовых конвертов, которые содержали в себе белый порошок, содержащий возбудителя сибирской язвы, являющейся опаснейшим инфекционным заболеванием, политики, учёные и специалисты заговорили об опасности **биологического терроризма**.

Чёткого определения, что такое «**биотерроризм**», на сегодняшний день не существует⁵⁸. Но, несомненно, использование этого термина предполагает применение биологического оружия в террористических целях на своей или чужой территории. В свою очередь это предполагает наличие биологического оружия,

⁵⁸ См.: Калинина Н.И. Биотерроризм: мифы и реальность // Доступно on line <http://armscontrol.ru/course/lectures05> Дата обращения 18 апреля 2005 г.

которое может быть применено в террористических целях. Однако после вступления в законную силу **Конвенции** о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении **ни одно государство не объявило о наличии у него биологического оружия**. Следовательно, опасаться биотерроризма или ведения «скрытой биологической войны» можно только по разведывательным данным и/или косвенным признакам, свидетельствующим о разработках в каком-либо государстве оружия массового уничтожения (**ОМУ**) биологического действия. Классификация таких признаков достаточно хорошо известна – это признаки политического, экономического, научно-технического и военно-технического характера. В соответствии с ними биологическое оружие занимает особое место среди остальных видов оружия массового уничтожения. Если для создания ядерного, ракетного и даже химического оружия практически всегда необходима государственная поддержка, позволяющая концентрировать финансовые, материально-производственные и кадровые ресурсы для достижения поставленной цели, то в случае с биологическим оружием дело обстоит совсем по-другому. К примеру, по данным японских экспертов, для создания ядерного оружия стране необходимо иметь не менее 1300 инженеров и 500 учёных, при этом доля специалистов-атомщиков среди них должна составлять не менее 6,5% – 8%. В случае же с химическим и особенно биологическим оружием необходимый результат может быть достигнут существенно меньшим числом учёных и с гораздо меньшей квалификацией. Справедливость подобного утверждения становится очевидной, если вспомнить деятельность секты Аум Синрикё и её попытки применения ботулинического токсина и возбудителя сибирской язвы, а также использование зарина в Токийском метро с большим числом поражённых.

Окончание холодной войны и прекращение существования двухполюсного мира, сопровождаемое распадом ряда государств, изменило не только конфигурацию военного противостояния, но и обусловило появление новых видов угроз для национальной безопасности. Ранжируя их сегодня, многие эксперты ставят опасность распространения биологического оружия, особенно его новых форм, не подлежащих контролю по Конвенции о запреще-

нии биологического оружия. И лишь за ним следуют химическое и ядерное оружие.

Будучи небесспорным, данный принцип ранжирования наиболее адекватно отражает сегодняшнюю действительность. Договор о нераспространении ядерного оружия и политический режим, базирующийся на нем, выдерживает проверку временем. В отношении химического оружия существуют международные меры проверки в рамках многосторонней Конвенции о запрещении химического оружия 1993 года, которую уже ратифицировали более 170 стран. В области же контроля над биологическим оружием ситуация является наиболее неопределённой. Конвенция о запрещении биологического оружия не имеет механизма контроля, а многосторонние усилия по разработке соответствующего верификационного Протокола по инициативе США были полностью провалены в 2001 году в ходе Пятой обзорной конференции по оценке эффективности Конвенции.

К факторам, способствующим возрастанию угрозы биологического терроризма, можно отнести и разрушение моральных устоев у некоторых обиженных или материально бедствующих учёных и других категорий работников, ранее занятых в разработках биологического оружия или имеющих доступ к нему. Особую опасность с точки зрения развития биотерроризма представляет собой «утечка мозгов» в страны с нестабильными режимами или в страны, где уже имеются крупные, хорошо финансируемые террористические организации. Сюда же следует добавить и то обстоятельство, что биологическое оружие может не только открыто использоваться в террористических целях, но и имеет возможность ведения **«скрытой или тайной биологической войны»**.

Сегодня политологи многих стран прогнозируют смещение акцентов в сторону **«бесконтактных»** действий противодействующих сторон с переходом к избирательному поражению главных функциональных структур противника. Цель войны, состоявшая ранее в разгроме армии государства-противника и захвате его территории, сегодня меняется на дезорганизацию его усилий в политических, экономических и военных сферах (без существенных военных потерь со своей стороны) с последующим диктатом своих условий. Выбор биологического оружия для достижения этой цели является наиболее вероятным. Использование

биологического оружия даже в незначительных количествах и устрашающих целях может привести к панике населения, дезорганизации государственных структур и в итоге – к необратимым экономическим и социальным последствиям.

Биологическое оружие, вернее его компоненты в виде особо опасных патогенов, в силу уникального сочетания своих свойств, вполне применимо для террористических целей и ведения «скрытой биологической войны». Его опасность определяется самой природой биологических агентов (биопатогенов) и возможностями его применения не только против человека, но и животных, и растений, составляющих основу питательного баланса человека. Число биопатогенов, которые могут вызвать заболевания людей, животных и поражать сельскохозяйственные продовольственные культуры, сегодня превышает цифру в 3,5 тысячи. Из них несколько сотен потенциально может быть отнесено к компонентам биологического оружия. По оценкам экспертов, экономический ущерб в случае использования биологического оружия будет составлять не менее 27–30 млрд долларов на 100 тысяч поражённых. Попутно заметим, что из 50 млн ежегодно умирающих людей во всём мире – 16 млн умирают от инфекционных болезней, из них доля трудоспособного и репродуктивного возраста составляет более 50 %.

Потенциальную опасность с точки зрения отнесения того или иного биологического агента к биологическому оружию оценивают по совокупности признаков, к основным из которых относятся:

- незначительные количества биологического агента, способного к самовоспроизведению, для заражения большого количества людей или других объектов воздействия;
- наличие латентного периода от момента применения до момента появления признаков заражения, составляющего от нескольких часов до суток и недель, что обуславливает возможность его скрытого применения и уход от ответственности;
- возможность его производства с использованием оборудования двойного назначения, широко используемого в фармацевтической, пищевой, сельскохозяйственной и других видах промышленности;
- способность к диспергированию (распылению) или заражению воды и пищи без потери основных контагиозных свойств;

- возможность выбора мишени (прямое воздействие на человека, животных, растения или опосредованное через воду, почву, продукты питания и т.д.);
- средний уровень профессиональной подготовки, достаточный для производства и применения биологического оружия;
- широкое поле «выбора» потенциальных изготовителей (вся микробиологическая, биомедицинская, фармакологическая и другие виды промышленности);
- возможность и доступность получения генетически модифицированных микроорганизмов с заданными свойствами (например, устойчивых к антибиотикам или к каким-либо заданным параметрам внешней среды);
- доступная стоимость и относительная лёгкость добывания исходного количества биоагента и питательных сред для последующего его воспроизводства в необходимых для заданных целей количествах.

К примеру, стоимость ферментационной установки для производства биологических агентов в количествах, достаточных для крупномасштабного террористического акта, оценивается экспертами примерно в 10 млн долларов, а завода по производству зашитых вакцин – более чем в 50 млн долларов. Интенсивное развитие биотехнологии, геной инженерии, методов клонирования на протяжении последних 25 лет существенно изменило взгляды на возможность получения новых видов биологического оружия, не подлежащих контролю по Конвенции о запрещении биологического оружия (КБТО), что и обуславливает особую угрозу мировой стабильности, а может – и существованию человечества.

В целом «выбор» биоагентов для скрытого ведения биологической войны или публичного использования в террористических целях в любых масштабах и по любым направлениям (геноцид, лишение источников питания и, как следствие, голод, устрашение, провокация внутренних беспорядков, дестабилизация государственного управления, экономический, социально-психологический и экологический кризисы, физическое и безнаказанное устранение «неудобных» политиков, государственных деятелей и т.д.) столь огромен, что «недооценка» опасности скрытой биоло-

гической войны или локального, регионального и глобального биотерроризма сегодня недопустима⁵⁹.

Опасность биотерроризма на сегодняшний день настолько велика, что впервые в итоговых документах Встречи глав государств и правительств «Группы восьми» на острове Си-Айленд в американском штате Джорджия 8–10 июня 2004 года появился раздел «Защита от биотерроризма». В итоговом документе саммита «План действий «Группы восьми» в области нераспространения» говорится: «Биотерроризм представляет собой исключительно серьёзную угрозу безопасности всех стран и может оказать пагубное воздействие на здоровье людей и подорвать функционирование экономики. Мы берём обязательство предпринять конкретные шаги на национальном и международном уровнях:

- расширить и, при необходимости, создать новые возможности по биомониторингу в целях обнаружения биотеррористических атак против людей, животных и сельскохозяйственных культур;

- совершенствовать возможности по предотвращению и реагированию; усилить защиту глобальной системы продовольственного обеспечения;

- реагировать, расследовать и ликвидировать последствия в случае предполагаемого применения биологического оружия или подозрительных вспышек заболеваний.

Такова возможная перспектива, которую человечество не должно допустить. Если же говорить о реальной ситуации, рождённой в современных условиях мировым терроризмом, то она такова: потрясающие воображение удары по Нью-Йорку и Вашингтону 11 сентября 2001 года, последовавшие за эти антитеррористические удары США по Афганистану и Ираку, очередной длительный подъём палестинского терроризма в Израиле; война в Чечне и террористические акты в российских городах, нестабильность в Алжире, Индонезии, Синьцзяне, на Филиппинах и в Центральной Азии; албанская экспансия на Балканах, множющиеся разоблачения террористических групп в Европе. К этому следует добавить постоянно появляющиеся свидетельства попыток экстремистских организаций обрести оружие массового уничто-

⁵⁹ См.: Щербаков Г. Биологический терроризм // Ядерное распространение. 2003. Вып. № 47.

жения. Действительно, все эти события выглядят как предвестники новой волны войн XXI века⁶⁰. Это, к сожалению, фрагменты одной картины – **глобального конфликта малой степени интенсивности**, каковым и является современный мировой терроризм. «Глобальная гверилья» из области политической футурологии перемещается в сферу военно-политической реальности. Полями ее сражений будут не только ущелья, плоскогорья и джунгли стран Юга, но и городские кварталы крупнейших мегаполисов стран Севера, в том числе и российских.

* * *

Подъём международного терроризма по сути дела лишил Россию, да и остальные страны возможности политического выбора. С этим глобальным злом можно покончить только совместными усилиями всего цивилизованного человечества. Президент В.В. Путин проявил большое политическое мужество, сделав однозначный выбор в пользу сотрудничества с западными демократиями во имя, как укрепления международной безопасности, так и обеспечения национальной безопасности самой России. Уже само географическое положение между Европой и Азией превращает нашу страну в объект экспансии экстремистских и террористических сил. Всё более актуальным становится объединение усилий государств, таких как США, Израиль, Россия, Испания, Индонезия, Индия и Пакистан, оказавшихся, хотя и в силу разных исторических и политических причин, в первых рядах антитеррористической войны. Россия свой выбор сделала однозначно, слово за международным сообществом.

Контрольные вопросы

1. Специфические и характерные черты феномена терроризма: дискуссия о дефинициях.
2. Виды терроризма и террористической деятельности, проблема классификации.
3. Политическое определение терроризма: пути и способы решения проблемы.

⁶⁰ См.: Фёдоров Ю. Глобальная паутина террора // Международная жизнь. 2003. № 3. С. 50–59.

Тема 5. МИРОВАЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПРОБЛЕМА И МИРОВОЕ СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ БИОТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

К концу XX века совершенно явно обозначилось противоречие, практически сразу получившее глобальный характер: глобализированный бизнес, базирующийся на новейших научных и технологических открытиях, возникший и развивающийся в постиндустриальных странах «золотого миллиарда», а численность населения быстрее всего растёт в бедных, экономически слабо-развитых странах. Возник теоретический и реальный политический вопрос: способно ли человечество со всей своей изобретательностью уравновесить это угрожающее несоответствие? Можно ли, по крайней мере, благодаря новым открытиям и изобретениям, решить проблему голода в XXI веке?

В начале XIX века Т. Мальтус применительно к тогдашней Англии уже делал мрачные прогнозы о невозможности взаимного баланса роста населения и роста производства продуктов питания. На этом основании он сделал вывод о том, что голод, наряду с войнами, станет главным сдерживающим фактором, который спасёт страну от перенаселения. Однако английская «зелёная революция» середины XIX века опровергла мрачные прогнозы этого учёного монаха.

Сейчас, в начале XXI века, перед человечеством стоит вопрос: возможно ли повторение сельскохозяйственной революции на этот раз для обеспечения потребностей в продовольствии необычайно возросшего населения развивающегося мира? К примеру, только за 1980-е годы население Земли увеличилось на 842 млн человек, тогда как эрозия и деградация почв сделали непригодными для производства продуктов питания миллионы гектаров сельскохозяйственных земель. Более того, пахотные угодья уничтожались, уступая место дорогам и зданиям, а широкая ирригация привела к широкому засолению почвы⁶¹. Всё более настоятельной проблемой становится увеличение продуктивности

⁶¹ Brown L.R. State of the World. N.-Y., 1990. P. 5.

оставшихся сельскохозяйственных площадей для снижения остроты проблемы голода и плохого питания.

Ещё недавно казалось, что общая продуктивность сельского хозяйства возрастала достаточно быстро. С 1950 по 1984 годы производство продовольствия росло быстрее, чем когда-либо в истории человечества. Мировые урожаи зерновых выросли за это время в 2,6 раза, и этот показатель был выше роста численности населения планеты. Производство корнеплодов, мяса, молока, рыбы и овощей также увеличивалось соответственно общемировой потребности в продовольствии⁶², возраставшей вместе с ростом населения и повышением уровня жизни. Были дополнительно обработаны, то есть введены в сельскохозяйственный оборот, миллионы гектаров земли, в аграрном производстве нашли применения новые машины, удобрения, более совершенная ирригация и севообороты.

Лучшим примером этих изменений была **«зелёная революция»** в Азии, в ходе которой, помимо применения более совершенных машин и удобрений, были достигнуты огромные успехи в выведении новых сортов растений. Новые гибридные сорта риса оказались более жизнестойкими, способными сопротивляться заболеваниям и вредителям и давали более высокие урожаи. Урожайность новых сортов в два раза превысила соответствующий показатель у традиционных. А быстрым районированием новых сортов в развивающихся странах благодаря усилиям международных сельскохозяйственных исследовательских центров был показан великолепный пример международной кооперации и применения достижений науки. В результате мировое производство риса выросло с 257 млн тонн в 1965 году до 468 млн тонн в 1985-м. Высказывались мнения, что этот «чудесный рис» предотвратил голод, избавил бедные страны от необходимости покупать продовольствие и обеспечил им политическую стабильность. Получив импульс к развитию и широко распространяясь, **«зелёная революция»** имела огромные экономические и социально-политические последствия куда как большие, нежели подобная английская сельскохозяйственная революция в XVIII веке.

Однако, начиная с 1984 года, темп роста мирового сельскохозяйственного производства значительно снизился. Отчасти од-

⁶² Кеннеди Пол. Вступая в XXI век. – М.: Весь мир, 1997. С. 85.

ной из причин стала всемирная засуха 1988 года, имевшая серьёзные последствия даже в таких странах, как США. Вместо ежегодного прироста урожаев зерновых в 3%, имевшего место в 1950–1984 годах, его годовой прирост до конца XX века уже не превышал 1%, что является существенно более низким показателем, чем ежегодный прирост населения. Мировое производство корнеплодов своего пика достигло в 1984 году и с тех пор уменьшается из-за чрезмерного использования минеральных удобрений, которые и ускоряют, и увеличивают рост культур лишь до определённого предела, появления новых болезней растений, ухудшения качества почвы и сокращения земель, пригодных для посевов. Кроме того, данные последних лет говорят о том, что урожаи некоторых других продовольственных культур, особенно риса, также выровнялись, оставив в прошлом время обильных урожаев⁶³.

В целом мировое производство продовольствия продолжает увеличиваться, но медленнее, чем прежде. И если производство зерновых растёт примерно на 1%, а население мира за тот же год вырастает на 1,7%, то вполне очевидные результаты не заставили себя ждать. По подсчётам Всемирной продовольственной организации при ООН **ФАО**, чтобы не отстать от роста населения, необходимо каждый год производить на 28 млн тонн зерна больше, чем в предыдущем. Между тем в последние годы «чистый» годовой прирост зерновых составлял не более 15 млн тонн. Это означает, что сейчас, в начале XXI века, главной формой голодания в ряде стран и регионов стало количественное недопотребление продовольствия, его невысокое качество, низкое содержание основных питательных веществ, в первую очередь, витаминов и основных микроэлементов. Более 800 млн человек в современном мире, главным образом в развивающихся странах, не получают питания, достаточного для нормальной жизни и работы⁶⁴.

Проиллюстрируем это рядом примеров. В последнюю четверть XX века производство продовольствия в Африке росло существенными темпами и в итоге выросло на 25%, однако население росло ещё быстрее и в итоге, к началу XXI века, объём про-

⁶³ Johnstone B. Fading of the Miracle // *Far East Economic Review*, 1988, 1-st December, pp. 72–75.

⁶⁴ См.: Ковалев Е. Мировая продовольственная проблема: новые аспекты // *Мировая экономика и международные отношения*. 2003. № 9. С. 53–59.

дуктов, приходящихся на «чёрном континенте» на душу населения, сократился на 8%.

На Среднем Востоке и в Латинской Америке соревнование между производством продовольствия и ростом населения вызывает постоянное ухудшение положения последнего. В Восточной и Центральной Европе политические пертурбации ещё более усугубили общую отсталость аграрного сектора экономики. Через четыре года после первой, в 1988 году, в США опять произошла чрезвычайно жестокая засуха, что резко сократило запасы продовольствия в этой чрезвычайно богатой продуктами питания стране, от которой зависят более сотни стран, экспортирующих американское продовольствие.

Согласно прогнозам ФАО, уменьшить число недоедающих в мире хотя бы вдвое удастся не раньше 2030 года⁶⁵. По своему характеру продовольственная проблема является, прежде всего, проблемой социально-политического характера. В промышленно развитых государствах, где солидные протекционистские субсидии правительств позволили создать «горы масла», «озёра вин», до краёв наполнить излишками зерна силосные башни и даже неиспользуемые по своему прямому назначению авиационные ангары, трудно представить возможность надвигающейся нехватки зерна или другого продовольствия, тем более, что фермеры сознательно не обрабатывают миллионы гектаров пахотных угодий. Однако, несмотря на то, что возможности существенного увеличения производства продуктов питания за счёт усилий аграрного сектора экономик развитых государств существуют, полное использование их возможностей может и не решить главной трудности, что у бедных государств просто не хватает средств, чтобы оплатить импорт продовольствия. И пока существует бедность и малообеспеченность, едва ли можно одержать полную победу над голодом, сколько бы ни провозглашалось в декларациях и иных документах международного сообщества право на нормальное, достойное человека существование. Аналитики Всемирного банка считают, что в настоящее время в мире около 1,2 млрд человек имеют доход в 1 доллар в день или даже меньше. По их оценкам, в ближайшие десять лет число их не уменьшится, а даже возрастёт. Поэтому **необходим отлаженный международный механизм**

⁶⁵ The Unfinished Agenda / Ed. by Pinstmp P. and Andersen P. Wash. 2001. P. 7.

передачи бедным государствам продовольствия. Только в том случае, если международное сообщество примет политику социальной интеграции, предполагающую более равномерное распределение доходов, число бедных и недоедающих людей в мире существенно сократится. Однако перспективы такого решения политически весьма туманны.

Ещё один способ помощи бедным народам связан с увеличением площади пахотных земель. Сегодня на каждого живущего на Земле человека приходится в среднем 2800 кв. метров обрабатываемой почвы, но рост мирового населения к 2025 году сократит эту цифру до 1700, а в Азии – даже до 900 кв. метров, если не будут включены в хозяйственный оборот новые земли. Где же можно найти эти земли? Причём сделать это нужно достаточно быстро, чтобы прокормить три или четыре миллиарда новых «ртом» в следующие несколько новых десятилетий. В Азии уже используется 82% потенциальной пашни. Большие её запасы имеются в Латинской Америке, однако в основном это малоплодородная почва, непригодная для основных культур, или же земля, занятая тропическими лесами в бассейне Амазонки, которые следует защищать, а не уничтожать. В других регионах дополнительные земельные площади для сельскохозяйственного производства также можно отвоевать только у лесов, что быстро усугубит глобальное потепление и, в конечном счёте, плохо отразится на нём. В Африке, где ощущается огромная потребность в продовольствии, широкое выбивание пастбищ и ухудшение почвы приводят к полной утрате землёй плодородия, и лишь немногие районы получают достаточно влаги, чтобы выращивать на них зерновые культуры.

Таким образом, дополнительные сельскохозяйственные возможности имеются, главным образом, в развитом мире, особенно Северной Америке и Европе, а не в странах, которые наиболее остро нуждаются в продовольствии. Однако здесь следует иметь в виду, что если прогнозы о деградации земли и понижении уровня вод правильны, то Великие равнины американского Среднего Запада не смогут в течение долгого времени производить излишки зерна, достаточные для обеспечения продовольствием 8–10 млрд жителей нашей планеты.

Возможным выходом из трудного положения является также увеличение производительности сельскохозяйственного труда в

развивающихся странах. На некоторых рисовых полях в Восточной Азии до 40% удобрений пропадает впустую из-за неумения их использовать и до 20% выращенного риса теряется вследствие нераспорядительности администрации, плохого хранения и транспортировки. Африканский земледелец производит в среднем 600 кг зерновых культур в год, что в 1300 раз ниже, чем показатель одного занятого в сельскохозяйственном производстве США, выращивающего 80 тысяч килограммов зерна. Существует, безусловно, множество способов аграрного сектора экономики в бедных регионах мира. При этом не следует забывать, что для постепенного достижения хотя бы небольшого сдвига в повышении продуктивности, необходимо преодолеть препятствия географического, экономического и социально-политического характера. Американский фермер в сравнении со своим африканским коллегой владеет большим участком земли, пользуется преимуществами более благоприятного климата и лучшей инфраструктуры, располагает значительными денежными средствами, использует современные машины, оборудование, качественные удобрения и семена, имеет доступ к обширной информации. Если бы условия труда африканского земледельца были примерно такими же, Африка не называлась бы «развивающимся континентом». Ещё один чрезвычайно важный аспект этой проблемы состоит в том, что если бы африканское сельское хозяйство было бы столь же продуктивным, как американское, на «Чёрном» континенте появилась бы масса безработных, которым было бы чрезвычайно трудно найти себе применение в промышленности или сфере услуг. Таким образом, сельская нищета в Африке, Азии и других регионах не может быть преодолена чисто техническими средствами без структурных и культурных изменений.

Поскольку ни одно из названных традиционных решений проблемы не представлялось достаточным, в последние годы большие надежды возлагались на развитие **биотехнологии**. Под этим термином понимается «любая техника использования живых организмов или жизненных процессов для производства или видоизменения продуктов, для улучшения сортов растений или породы животных или для создания микроорганизмов для специальных целей»⁶⁶. Она получила развитие в результате замечательных научных открытий,

⁶⁶ Technology, Public Policy, and the Changing Structure of American Agriculture. - U.S. Congress, Office of Technology Assessment, Washington, D.C., 1986. P. 4.

сделанных после 1950 года в постижении генетического кода. Гены имеются во всех живых организмах и обеспечивают наследование их специфических характеристик. Наука уже сейчас способна изолировать, исследовать и клонировать строение гена. Сегодня специалисты могут поместить в ДНК живой клетки живой ген, с тем чтобы влить в организм новые качества, увеличить его параметры или сопротивляемость.

Хотя медицинская биотехнология поглощает в 20 раз больше капиталовложений, чем сельскохозяйственная, наиболее важной является способность последней улучшать и, возможно, даже преобразовать природу. Использование биотехнологии может рассматриваться как новая стадия в стремлении человечества получить более обильный урожай. Селекция как способ получить новые сорта растений и породы скота известна мировому сельскохозяйственному производству на протяжении уже многих тысячелетий. Согласно оценкам именно селекции США обязаны увеличению на 70% с 1930 по 1990 годы урожаям кукурузы. Сегодня с помощью генной инженерии, позволяющей осуществлять соответствующие изменения в генах растений и животных, можно достичь существенных результатов через годы или даже месяцы, для чего при применении традиционной селекции потребовались бы десятилетия.

Однако следует иметь в виду, что **биотехнологическая революция, как и всякая другая революция (техническая или социально-политическая), порождает как своих победителей, так и побеждённых.** Последнее обстоятельство тесно связано не столько с экономическими её результатами, но со здоровьем и с состоянием окружающей среды.

Свиньи, которым вводят гормоны роста, страдают гастритами и язвой желудка, артритом, дерматитом и другими заболеваниями, поэтому неудивительно, что мясо таких животных опасно для здоровья человека. Создание устойчивых к гербицидам культур приводит к расширению применения этих химикалий, которые неизбежно попадают в атмосферу и системы водоснабжения в несравненно большем количестве. Кроме того, когда сорнякам и вредителям удаётся развить в себе сопротивляемость к этим новым биологическим средствам, то специалистам приходится создавать улучшенные разновидности гербицидов, тем самым совершая очередной шаг на бесконечном пути попыток подчинения и улучшения природы.

Существенная опасность таится также и в углубляющемся генетическом единообразии основных видов растений. В современном сельскохозяйственном производстве применяется семенной материал, созданный по методикам генной инженерии с целью увеличения продуктивности и качества получаемых урожаев. Если, однако, ежегодно высаживаются миллиарды идентичных семян кукурузы, то все посевы становятся уязвимыми даже из-за какого-то одного вредителя или единственной болезни. В 1970 году в США неожиданное массовое поражение кукурузного листа уничтожило все посевы от Флориды до Техаса. В 1984 году новая болезнь, вызванная неизвестной бактерией, привела к гибели в южных штатах страны десятков миллионов цитрусовых деревьев. Следовательно, **биотехнологическая революция, повышая урожайность, одновременно увеличивает риск дорогостоящих неудач.**

Негативное влияние биотехнологий на окружающую среду проявляется и в том, что основанное на ней сельское хозяйство всячески уклоняется от кардинальных экономических реформ. Если созданы новые сорта культур, способные произрастать на засоленных почвах или в жарком и сухом климате, нелепо ожидать от фермеров и «капитанов» аграрного сектора экономики ожидания того времени, когда учёные изменят агротехнику их возделывания к этим условиям так, чтобы не создавать опасности для окружающей среды. С другой стороны, вместо борьбы с глобальным потеплением, засолением почв из-за чрезмерного осушения близлежащих болот или быстрым сведением лесов, ученые-биотехнологи изобретают новые виды растений, которые начинают «сотрудничать» с изменениями окружающей среды, вызванными человеческой деятельностью. Другими словами, высокоурожайное сельское хозяйство берёт на вооружение биотехнологию, не задаваясь вопросом о её экологической агрессивности. Создание и внедрение в повседневный рацион людей генетически модифицированных продуктов всё еще в значительной степени происходит путём проб и ошибок, но цена этих ошибок может оказаться слишком высокой. Фактически непредсказуемость воздействия генетически модернизированных организмов на окружающую среду, на человека и на животных – главная отрицательная черта биотехнологических достижений.

Именно потому, что области применения биотехнологии столь широки, трудно предсказать и описать все возможные её последствия. При этом очень важно видеть разницу между биотехнологией, которая увеличивает производство продукции в поле, и более новой наукой – тоже биотехнологией – которая создаёт синтетические продукты **in vitro** в лаборатории. Обе несут глубокие изменения, но именно последняя, переживающая пока стадию эксперимента, может иметь наиболее серьёзные последствия.

Подобно паровому двигателю и электричеству, в свое время преобразовавшим образ жизни людей, этот вид биотехнологии, как представляется, ныне тоже открывает новую историческую эру. Она способна изменить структуру национальной экономики многих стран, сферы приложения капитала и спектр научного знания. Она создаст новые и сделает ненужными многие традиционные виды деятельности. Поэтому следует быть готовыми к возможному превращению сельского хозяйства в отрасль, в которой миллионы крестьян и фермеров превратятся в наёмных рабочих, поскольку отпадёт необходимость в выращивании культур в естественных условиях, а сельскохозяйственные корпорации будут нуждаться лишь в производстве синтетической биомассы как сырья для промышленности, осваивающей создание искусственных семян и эмбрионов. Для потребителя такая пища, генетически запрограммированная на обычный вкус, не будет отличаться от обычной. Фермеры же всего мира воспримут такую революцию в производстве пищи неоднозначно. Им, как и ткачам, работавшим на ручных станках, или мастерам, создававшим экипажи в XIX веке, грозит превращение в излишнюю рабочую силу.

В развитии мире применение биотехнологии, по всей вероятности, обострит и без того непростые внешнеэкономические отношения между тремя крупными торговыми блоками – Соединёнными Штатами Америки, Европейским сообществом и Японией. Все они субсидируют развитие собственного сельского хозяйства и находятся в существенных противоречиях друг с другом из-за протекционистских тарифов, поскольку Япония импортирует продукты питания, а остальные располагают огромными избыточными их запасами. К этому следует добавить, что значение сельского хозяйства далеко выходит за рамки чисто экономических характеристик. Так, для Франции, например, обеспечение своего населе-

ния собственным продовольствием рассматривается как проблема, соизмеримая по значению с обеспечением национальной безопасности. В Японии наивысшее предпочтение отдаётся сельскохозяйственным культурам, выращенным на родной земле. Особенно это относится к рису. В любом случае существует – и отнюдь не только у одних сельских жителей – вера в то, что семья и фермерство воплощают преемственность, стабильность и близость к природе и что они должны быть взяты под защиту в мире, переживающем ошеломляющие перемены.

Однако определяют сельскохозяйственную политику развитого мира все же экономические интересы. Доля населения, занятого в секторе сельскохозяйственного производства в развитых странах, небольшая: в США она составляет 3%, в ФРГ – 4,8%, в Англии – 2,1%, во Франции – 6,7%, в Японии – 8%, а в Италии – 9,1%. Тем не менее, фермерское лобби в парламентах этих стран остаётся чрезвычайно влиятельным. От штата Висконсин до Нормандии, от земли Верхняя Бавария до острова Кюсю – всюду политики опасаются ослабления их перспектив на переизбрания на следующий срок, если они будут казаться радетелями интересов местных фермеров. Дотации сельскохозяйственным производителям в развитых странах составляют примерно 300 млрд долларов в год.

Многоликий класс крестьянства и фермерства выказывает различное отношение к биотехнологической революции. Если крупные производители не прочь воспользоваться преимуществами, предлагаемыми биотехнологией, то средние фермеры относятся к ней избирательно, а мелкие – уже борются против её внедрения. Неодинаков к ней подход и в различных регионах. Довольно мягкая политика США относительно биотехнологических новаций привела к тому, что в 1990-е годы и в начале XXI века изоглюкоза отвоевала себе более трети американского сахарного рынка. В это самое время в Европейском сообществе, традиционно настроенном на протекционизм в сельском хозяйстве, ввели строгие квоты на изоглюкозу. В том же случае, если бы она смогла завоевать в Европе то же место на рынке, что и в Америке, то заменила бы 2,8 млн тонн сахара в год и вывела из использования все площади, отводимые под сахарную свёклу в ФРГ.

В среде фермерских сообществ в развитых странах существует глубокая обеспокоенность относительно возможности ис-

кусственного (*in vitro*) производства основных продуктов питания. Одно дело – выращивать генетически улучшенные сорта томатов, которые характеризуются высокой сопротивляемостью вредителям или способностью длительное время не портиться; другое дело – узнать, что некоторые фирмы, специализирующиеся в области биотехнологии, могут *in vitro* создавать томатную пасту, апельсиновый сок, яблочное пюре и табак. Даже если в настоящее время эти исследования носят экспериментальный характер и тормозятся высокой себестоимостью продукции, перспектива замены традиционных продуктов синтетическими выглядит пугающе и затрагивает такое множество крестьян и фермеров, а возможно, большие компании, что её развитию, когда оно станет реальным, будет оказано серьёзное сопротивление.

Тем не менее, вполне возможно, что богатые страны, испытывающие дефицит продовольствия, воспользуются результатами биотехнологической революции, с тем чтобы избежать массированных валютных затрат на ввозимые сельскохозяйственные товары, тогда как страны с излишками продовольствия ограничат применение новых технологий из опасения лишиться поддержки избирателей-фермеров. Противоположность позиций Японии, с одной стороны, и США вместе с Европой – с другой, не требует после сказанного выше дальнейших объяснений.

Что же касается развивающегося мира, то ему биотехнологическое сельское хозяйство предлагает буквально хаотическое переплетение выгод и потерь. Огромный разрыв между ростом населения и общим производством продовольствия, образовавшийся в последнее время, может быть снова уменьшен благодаря эффективности биотехнологической революции. Она может повысить калорийность питания и жизненный уровень трёх четвертей мирового населения, позволив выращивать традиционные культуры на почвах пересушенных, переувлажнённых, засоленных или с утончённым плодородным слоем. Например, создание гибридного сорта банана, устойчивого к заболеванию «чёрная сигатоба», могло бы резко поднять урожай в тех районах Африки, где бананы являются основной сельскохозяйственной культурой. Биотехнология позволила бы также компенсировать ущерб, наносимый окружающей среде, освободив малопродуктивные земли от никому ненужного бремени – производить избыточную продукцию. Кроме того, она позволила бы избежать «мальтузианской

ловушки» – массовой гибели людей от голода, – уготованной всем бедным странам.

Развивающиеся страны и их учёные могут внести значительный вклад в развитие биотехнологии, чего нельзя сказать о робототехнике или мировых финансах, так как многие биотехнологические проекты требуют скорее исследовательских усилий, чем капиталовложений. Так, вьетнамские учёные успешно взяли на вооружение французские разработки в области искусственного выращивания живой ткани на базе сортов картофеля, полученных из Международного центра картофелеводства. Для дорогостоящих сфер биотехнологии развивающиеся страны изыскивают денежные средства и готовят квалифицированный персонал. Китай и Индия наиболее активно используют биологический газ как источник энергии. Разрабатываются также общие проекты с компаниями развитого мира. Например, совместный проект Китая и Международного центра эмбриологии, целью которого является увеличение поголовья молочного скота с помощью пересадки эмбрионов, или франко-костариканская инициатива, направленная на использование ежегодно пропадающих 140 тысяч тонн бананов в качестве корма для домашних животных. Растёт число совместных предприятий в самих развивающихся странах и углубляется сотрудничество между ними, не зависящее от западной помощи.

Тем не менее, биотехнология ставит под вопрос шансы развивающегося мира на относительно улучшение его экономического положения. Исследования структуры ДНК – генная инженерия – наилучший способ увеличения производства продовольствия, но они чрезвычайно дорогостоящи и по силам исключительно агрохимическим и биотехнологическим компаниям развитого мира. Увеличение производства молока с помощью синтезированного гормона роста для владельцев крупного рогатого скота в развивающихся странах требует весьма квалифицированного персонала, так как животные, которым вводится этот гормон, нуждаются в высококачественном и сбалансированном рационе и в частых инъекциях. Последнее трудно осуществить там, где даже вакцинация людей для предупреждения инфекционных болезней ещё не стала обычной практикой. Применение гербицидов экономически целесообразно лишь в капиталоемком и трудосбере-

гающем сельском хозяйстве и невыгодно там, где ручной труд избыточен и дешев.

Даже если бы сельские жители развивающихся стран могли бы позволить себе новые методы хозяйствования, основанные на биотехнологии, они стали бы зависимы подобно многим фермерам в развитом мире, от крупных западных корпораций, поскольку бы нуждались в гормонах, семенах, удобрениях и гербицидах. Судя по всему, если бы в развивающемся мире произошла «генная революция», то, скорее всего, генетические ресурсы получались бы из менее развитых стран, затем преобразовывались в лабораториях крупных западных компаний в коммерческие препараты и перепродавались этим странам с извлечением из всего этого процесса солидной прибыли. Уже сегодня звучат обвинения в том, что «биологический империализм» крупных корпораций выступает грабителем генетических ресурсов развивающихся стран⁶⁷.

Наконец, возможности процесса *in vitro* производства всё более позволяют таким корпорациям производить культуры, традиционно выращиваемые в развивающихся странах. Предпринимаются попытки не просто генетически улучшить для западных потребителей качество тропических продуктов – какао, пальмового масла, ванилина, сахара, – но также создать лабораторным путём их заменители. Производство таких заменителей значительно сократило бы основные источники дохода развивающегося мира от экспорта сельскохозяйственной продукции и создало бы угрозу безработицы для всех, кому сейчас исполнилось 15–20 лет. Когда естественный продукт – сахарный тростник, – закупавшийся как сырьё для производства сахара, был заменён изоглюкозой и другими её производными, были подорваны основы существования миллионов жителей бедных стран.

Химическим путём уже изготавливается ваниль – основной экспортный продукт Мадагаскара, где доля ВВП на душу населения составляет 280 долларов в год. Точно так же на основе химических процессов налажено производство стероидов, прежде получавшихся из растений, широко культивировавшихся в Мексике. Экспорту кокосового масла, от которого зависит четверть населения Филиппин, угрожает способность генной инженерии

⁶⁷ Кеннеди Пол. Вступая в XXI век – М.: Весь мир, 1997. С. 101.

произвести его синтетический заменитель уже в самое ближайшее время. Плохо, когда развивающиеся страны зависят от экспорта монокультуры – какао или сахара, – цены на которые резко колеблются, но будет гораздо хуже, если такие продукты вообще перестанут пользоваться спросом у зарубежных потребителей, научившихся их получать в своих лабораториях.

Следовательно, через какой-то определённый промежуток времени биотехнологическая революция способна произвести решительное вытеснение сельскохозяйственного производства из развивающегося мира, тем самым подрывая его торговые позиции, пролонгируя финансовую задолженность и общую зависимость от развитых и более богатых стран. Кроме того, даже если бы развивающиеся страны преодолели бы все препятствия (недостаток лабораторий, учёных, неразвитость системы коммуникаций, отсутствие полной и достоверной информации) и оказались способны развивать собственное производство *in vitro* продуктов, миллионы рабочих мест в сельском хозяйстве оказались бы под угрозой. Рост излишней рабочей силы будет постоянно провоцировать недовольство крестьян и усиливать социально-политическую нестабильность.

В современной науке нет полной определённости относительно результатов скачкообразной гонки, в которой участвует рост народонаселения и сельскохозяйственного производства. Глобальный и уже сегодня серьёзный дисбаланс в качестве питания и состоянии здоровья может, по многочисленным оценкам, ещё более углубиться. Возможно также, что благодаря развитию новых технологий сельское хозяйство стоит сейчас, вопреки мрачным прогнозам пессимистов, на пороге ещё одного громадного скачка в повышении продуктивности. Однако, если даже это верно, далеко не всем нуждающимся в пище достанутся плоды из этого рога изобилия, в то время как миллионы фермеров, занятых традиционным сельским хозяйством, как в развитых, так и в развивающихся странах, жестоко пострадают от замены прежней техники хозяйствования новой. Какими бы ни были последствия роста мирового населения, традиционное ведение сельского хозяйства, видимо, сходит с дистанции указанной гонки.

В этой связи необходимо иметь представление о ситуации, складывающейся **в области обеспечения продовольствием населения Российской Федерации**. Как и повсюду на Земле, про-

изводство, потребление, качество продуктов питания в нашей стране представляет собой одну из фундаментальных основ жизнедеятельности человека, для адекватного описания реализации которой применяются различные описываемые понятия: «продовольственная безопасность», «продовольственная независимость», продовольственная проблема». Однако во всех случаях речь идёт об уровне обеспеченности населения качественным продовольствием по научно обоснованным нормам. Для достижения этой цели в нашей стране принята специальная **«Продовольственная доктрина России»**. Главным в её содержании является определение стратегии, в том числе принципиальных долгосрочных целей государства в отношении источников продовольственной обеспеченности, в том числе и импортных. Сегодня Россия в сложных условиях совершает переход к развитой системе рыночных отношений, одновременно адаптируясь к магистральным мирохозяйственным процессам. Этому периоду должна соответствовать стратегия поддержания продовольственной обеспеченности за счёт отечественного производства продуктов питания в сочетании с экономически и социально оправданными объёмами их закупки за рубежом.

Именно на это ориентированы основные положения **Доктрины продовольственной безопасности**. К сожалению, необходимо признать, что внешнеэкономический аспект проблемы представлен в ней недостаточно аргументированно, особенно в той части, которая касается оценок масштабного, в силу сложившихся кризисных условий – импорта продовольствия. Кроме того, проблемы продовольственной обеспеченности необходимо увязывать с критериями доступности, прежде всего ценовой, продуктов питания для населения, а также с конкурентоспособностью отечественных производителей.

В основных положениях **агропродовольственной политики правительства до 2010 года** провозглашено, что основная задача агропродовольственного комплекса (АПК) страны состоит в обеспечении её продовольственной безопасности. Отсюда очевидным представляется, что государство обязано проводить по отношению к АПК такую макроэкономическую политику, которая позволит ему выполнять эту функцию. Однако с начала 1990-х годов произошло существенное сокращение бюджетных средств,

направляемых на государственную поддержку аграрной сферы экономики и, прежде всего, сельского хозяйства.

Несмотря на несомненное достижение за 1999–2004 гг. определённых положительных сдвигов в агропромышленном комплексе, по ряду важнейших продуктов питания не только сохраняется, но и обостряется зависимость внутреннего продовольственного рынка от мирового. Так, стоимость импорта продовольствия в Россию почти в 4,5 раза превышает его экспорт и в 5 раз объёмы государственной поддержки АПК. При этом рацион питания более чем одной трети населения (доходы которой ниже прожиточного минимума) не соответствуют по количественным и качественным параметрам показателям даже минимального набора продуктов питания⁶⁸.

Несмотря на принятие в России основополагающего документа, каковым является **Доктрина продовольственной безопасности**, законодательная база по агропродовольственной политике находится лишь в стадии становления. Отсутствует общая стратегия её формирования, нет единого подхода к её разработке и реализации, принимаемые нормативные и правовые акты разбросаны по отдельным министерствам и ведомствам.

Расширение прав субъектов Российской Федерации позволяет им принимать собственные нормативные акты с учётом местных условий. В этом есть как положительные, так и отрицательные стороны. К первым относится то обстоятельство, что местные законы могут устранить пробелы федерального законодательства, лучше учесть специфику развития региона. Вместе с тем, местные правовые акты иногда противоречат общегосударственным, что вносит в проблему продовольственного обеспечения отдельных регионов серьёзные трудности. Это ведёт к региональному сепаратизму, административному запрету на вывоз продукции из региона. Для реализации комплексного подхода к агропродовольственной политике в России необходимо покончить с фрагментарным формированием законодательства по этому вопросу и принять пакет взаимосвязанных нормативных и правовых актов.

Весьма важным представляется необходимость учёта в этом законодательном и нормативном пакете объективной ситуации,

⁶⁸ См.: Продовольственная безопасность России // Россия и современный мир. 2005. № 2.

вытекающей из сопоставления конкурентоспособности российского продовольствия с продукцией основных зарубежных стран-экспортёров. Другими словами, законодательство должно исходить из учёта принципиальных факторов и особенностей современного аграрного производства в России. Среди них:

- менее благоприятные природно-климатические условия ведения сельского хозяйства по сравнению с важнейшими странами-экспортёрами, включая США, Китайскую Народную Республику и большинство стран Европейского союза;

- существенно более низкий уровень государственной поддержки российского аграрного сектора по сравнению с развитыми зарубежными странами;

- непреодоленные ещё последствия затяжного системного кризиса 1990-х годов, вызвавшего глубокую деформацию всей социально-экономической структуры российского АПК;

- традиционно слабое для России развитие производственной и рыночной инфраструктуры, что в условиях громадной территории и сурового климата серьёзно влияет на конечную эффективность сельскохозяйственного производства;

- низкая наукоёмкость отечественного сельского хозяйства и возрастающий разрыв в этом отношении с зарубежными странами;

- важная социальная и территорио образующая функция сельскохозяйственного производства, позволяющая закреплять население и обеспечивать его занятость в труднодоступных районах, регионах со сложными климатическими условиями.

Учёт этих объективных особенностей позволяет взвешенно и дифференцированно подходить к сопоставлению и оценке конкурентоспособности отечественного продовольствия, принимая при этом во внимание весь комплекс экономических, политических, социальных, демографических, экологических и научно-технических факторов. Кроме того, будучи введённым в законодательство, позволит не только поддерживать российский АПК и даже отдельного производителя продовольствия, но и, тем самым, будет способствовать достижению продовольственной безопасности нашей страны.

Такая линия развития является не только необходимой с точки зрения анализа реальной российской ситуации, она выглядит, безусловно, оправданной и с точки зрения современного мирового опыта. Практика развитых стран Европейского союза, напри-

мер, свидетельствует: сельскохозяйственная продукция ввиду её особой значимости для населения требует более широкого государственного вмешательства, упорядочивания её распределения на внутригосударственном и межгосударственном уровнях. Особенно это касается быстро портящихся продуктов, к которым относится и плодоовощная продукция. Государство в странах ЕС активно регулирует отношения, возникающие при её товародвижении от производителя к конечному потребителю. Оно, как правило, через систему административных и экономических мер способствует развитию собственного производства тех видов плодоовощной продукции, выращивание которых соответствует природно-климатическим условиям страны. Помимо того, оно стимулирует импорт тех овощей или фруктов, которые в силу естественных причин не могут производиться в этой стране или выращивание которых экономически нецелесообразно. Таким образом, **очень многое в деле успешного и быстрого развития АПК страны зависит от политики национальных правительств по отношению к национальному производителю.**

Ещё одним важным направлением, двигаясь по которому Россия сможет добиться продовольственной безопасности, является активное применение **ресурсосберегающих технологий как основы устойчивого развития сельскохозяйственного производства.** Наша страна располагает огромным потенциалом, который в перспективе мог бы позволить не только обеспечить собственные потребности в продовольствии, но и взять на себя ответственность за решение зерновой проблемы в мире. Именно зерно (восполняемый ресурс - !), а не нефть может стать тем локомотивом, который вытянет страну из затянувшегося кризиса. Но, несмотря на свой потенциал, сейчас Россия является одним из крупнейших импортёров продовольствия в мире. Объём агропродовольственного импорта превышает объёмы экспорта в 4–5 раз. По существу, сейчас реализуется унижительная для такой страны, как наша, модель «нефть в обмен на продовольствие».

Для устойчивого развития сельского хозяйства России, обеспечения продовольственной безопасности страны стратегически важным является переход на ресурсосберегающие технологии и техническое перевооружение АПК. В основе этих технологий лежит отказ от вспашки почвы как наиболее высокзатратной и энергоёмкой операции. В условиях энергетического кризиса, в

которых весь мир живёт уже несколько десятилетий, ориентация на энерго- и ресурсосбережение – единственная перспектива для устойчивого развития мировой экономики в целом и сельского хозяйства в частности. Ресурсосберегающие технологии приводят к снижению себестоимости продукции за счёт 2–3-кратной экономии горюче-смазочных материалов и трудозатрат, уменьшают зависимость от засушливых погодных условий, оказывают значительный экологический эффект, выражающийся в сокращении выбросов углекислого газа в атмосферу, снижении ветровой и водной эрозии почвы.

Переход к ресурсосберегающим технологиям позволит в масштабах России ежегодно экономить до 20 млрд рублей за счёт сокращения использования горюче-смазочных материалов, до 17 трлн рублей – на противоэрозионных мероприятиях за счёт предотвращения эрозии почв, что явится неизбежным следствием отказа от вспашки. Кроме этого, в 2,5 раза снизится потребность в металле для производства сельскохозяйственных машин, будет решена проблема дефицита механизаторских кадров за счёт снижения трудоёмкости аграрных работ в 2–2,5 раза. Всё это существенно улучшит экономические показатели в АПК, сделает труд в нём экономически эффективным и привлекательным и, самое главное, приведёт к резкому удешевлению отечественного продовольствия, что кардинальным образом подымет уровень его конкурентоспособности на мировом рынке и будет способствовать массовому повышению благосостояния россиян.

В Самарской, Липецкой, Орловской, Курганской, Московской, Воронежской, Саратовской, Волгоградской, Пензенской, Тюменской областях, Краснодарском, Ставропольском краях и в ряде других регионов России уже применяются ресурсосберегающие технологии, что уже не один год позволяет получать устойчиво высокие результаты при сокращении затрат.

Особого анализа заслуживает проблема **предстоящего вступления России во Всемирную торговую организацию (ВТО)** и тех последствий, которые будет иметь отечественный АПК в результате этого события. Не вдаваясь в её подробности, так как по своей значимости для нашей страны она требует специального и тщательного рассмотрения, следует заметить, что Россия сегодня не располагает ни проработанной концепцией подготовки к вступлению в ВТО, ни соответствующей программой, ни долговре-

менной политикой. Разработку, утверждение и финансирование такой программы следует форсировать, как в целом, так и применительно к АПК, чётко представляя себе, что нашу страну ждут серьёзные торговые войны с государствами, имеющими большой опыт конкурентной борьбы и высокопрофессиональные службы конкурентной разведки.

Следует подчеркнуть, что поскольку сельское хозяйство является тем сектором экономики, который обеспечивает продовольственную безопасность страны, то при разработке программы вступления в ВТО и, особенно, в процессе самого вступления, сельскому хозяйству должно быть уделено особое внимание. Это определяется следующими причинами:

- сельскому хозяйству необходима государственная поддержка;
- необходимо гарантированно обеспечить доступ на рынок сельскохозяйственной продукции отечественного производства;
- для выхода отечественной сельскохозяйственной продукции на внешний рынок необходимы экспортные субсидии со стороны российского государства. В настоящее время Россия испытывает нехватку 760 тыс. тракторов, а из тех, что работают, – 60% устарели. Наше отставание в области сельского хозяйства от передовых стран составляет ныне 30–50 лет⁶⁹;
- доступ других стран на российский сельскохозяйственный рынок должен регулироваться. Требуя от РФ снятия дотаций, сами страны запада такие дотации снимать не собираются, продолжая активно дотировать своё сельское хозяйство (если в России дотации составляют 16 долларов в год на гектар земельных угодий, то в странах Западной Европы – 606 долларов). При этом нельзя не учитывать «утяжеляющую» себестоимость, длительную транспортировку сельскохозяйственной продукции по огромной территории России и за рубеж;
- для защиты интересов российских потребителей потребуется и проведение курса на минимизацию огромного количества посредников продвижения продовольственных товаров на рынок.

⁶⁹ См.: Всемирная торговая организация – готовность России к вступлению? // Национальная безопасность. 2002. № 3 – 4.

Парадоксально, но биотехнология предлагает такую перспективу, которая одновременно и облегчает, и усложняет глобальную дилемму. Без сомнения, мир и наша страна нуждается в непрерывном росте продуктивности сельского хозяйства. Как мир не может прокормить себя с помощью системы сельскохозяйственного производства 1940-х годов, точно так же и нынешнее поколение людей, занятых в аграрном производстве, не может надеяться, что в течение грядущих 30–40 лет им удастся удовлетворять возрастающее население в продовольствии, используя существующую технологию производства. Если не произойдёт еще одна аграрная революция, то судьба народов, особенно развивающегося мира, может оказаться плачевной. Вот почему биотехнология, несмотря на все оговорки, приведённые выше, представляется привлекательным вариантом решения данной глобальной проблемы и, несомненно, получит дальнейшее развитие. Джинн уже вырвался из бутылки и воздействует на человеческое существование самыми разными способами. Гораздо менее очевидным представляется решение вопроса о том, сможет ли мировое сообщество справиться с последствиями полномасштабного перехода к основанным на биотехнологии сельскому хозяйству и производству пищевых продуктов. Если судить по нынешнему положению дел, то наш прогноз выглядит неутешительным.

Контрольные вопросы

1. Причины массовой урбанизации населения Земли во второй половине XX века. «Зелёная революция».
2. Современное соотношение между ростом населения и ростом производства продуктов питания.
3. Политическое значение учёта потенциальных возможностей и экономических последствий развития биотехнологий для отношений между Севером и Югом.

Тема 6. НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ: ЕГО ПРОТИВОРЕЧИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Подобно тому, как страны различаются географически, а также по показателям своих площадей, местоположению и природным ресурсам, их население также сильно отличается друг от друга по своей истории, культуре, социальной структуре и экономическому развитию. Поэтому некоторые из них лучше подготовлены для ответов на вызовы времени и к встрече с глобальными проблемами. Неравенство между странами не исчезает, а во многом и усиливается. Возникает ключевой вопрос, что означают происходящие глобальные и транснациональные перемены для будущего национальных государств. При этом следует иметь в виду, что именно они являются теми организационными единицами, к которым обращаются люди, сталкиваясь с новой проблемой или при усилении хорошо известной. Но большая часть современных проблем настолько сложна, что ни одно государственное ведомство, пожалуй, не имеет достаточно сил, чтобы решать их. Подобное понимание только усиливается от следующего вопроса: значителен ли вес национальных ведомств, таких как кабинеты министров или министерства торговли в век круглосуточных операций с валютой или глобального потепления? А если нет, то как же можно считать, что страны (государства) как таковые способны решать проблемы наступившего века?

Национальные государства в том виде, в каком мы их знаем – образование сравнительно недавнее, впервые вышедшее на арену мировой истории в середине XVII века после окончания Тридцатилетней войны и подписания Вестфальского мира (1648 год) в виде «новых монархий» Европы: Испании, Франции и Англии. Они возникли из пёстрых, лоскутных герцогств, княжеств, свободных городов и других местных автономий, таких как Бургундия, Арагон, Наварра, которые затем были подчинены центру. Укрепив своё внутреннее положение, национальные государства выступили против таких современных им транснациональных институтов как папство, монашеские и рыцарские ордены, и Ганзейская лига, причём последняя представляла собой своего рода многонациональную корпорацию. В таких абсолютистских государствах, как Англия Генриха VIII и Франция Людовика XIV, не

желали терпеть ни власть свыше, ни самостоятельность внизу. Даже в тех случаях, когда государственная власть была разделена, например, между английской короной и парламентом, не следует забывать, что оба органа власти были, прежде всего, национальными институтами.

По мере эволюции современная нация постепенно приобрела основные черты, привычные нам, но бывшие новыми для того времени, против которых выступали маргинальные или подчинённые в процессе формирования государства группы. «Идеальное» по своему типу государство, например, Испания, Франция, Швеция, Англия, составляло единый географический регион с естественными границами в виде горных хребтов, рек или морей, которые признавались международным сообществом. Конечно, были и исключения в виде многонациональной, подчинившей себе многие территории габсбургской Австрии, которое лишь подчёркивало правило – национально-государственные границы всё больше и больше попадали под надзор государственных служащих: таможенников, пограничной стражи, иммиграционных властей. Национальные государства признавались в международном праве и в дипломатии в качестве «суверенного» – выше него ничего не было, – что является совсем неудивительным, право состояло из норм, которые страны соглашались соблюдать, во всяком случае, в принципе. В каждой стране стали появляться свои символы (флаг, гимн, исторические деятели и события, государственные праздники) для укрепления сознания национально-государственной принадлежности. Национальным становится образование: начиная с XVII века латинский язык, как единый образовательный язык всех стран Старого света, вытесняется языками стран, где располагались университеты. По мере нарастания масштабов этого процесса, в учебном плане, кроме общих предметов: математики, естественных наук, географии, – появились и другие дисциплины (особенно история), которые в основном изучали свою страну. Национальные языки стали вытеснять региональные: бретонский, уэльский, каталонский, корсиканский, хотя сопротивление их внедрению зачастую было сильным и решительным.

В организационных и экономических вопросах национальное государство также стояло в центре всей жизни. Взрослые мужчины призывались или вынуждались служить в армии, которая по-

степенно отошла от частых феодальных наборов и превратилась в постоянно действующий национальный институт. По мере того, как для решения внутренних и внешних нужд возросли государственные расходы, появились такие финансовые учреждения, как национальный банк и казначейство, национальные парламенты стали ежегодно голосованием принимать бюджеты, возникла национальная система налогообложения, а купюры национальной валюты заменили интернациональные золотые монеты. Экономическая политика меркантилизма, ставившая целью увеличить в стране запасы капитала, была также преднамеренно нацелена на то, чтобы сделать страну сильной и независимой. Акцент был сделан не на поставки из-за границы текстильных изделий, железа, зерна и других товаров, а на организацию производства внутри страны, создание рабочих мест и сокращение оттока из страны металлических денег. Навигационные акты имели цель гарантировать ведение всей заморской торговли на судах своей страны, укомплектованных экипажами из своих подданных. От иностранцев стали скрывать способы изготовления, к примеру, фарфора или новые виды текстильных машин. Все эти меры, по мнению таких людей, как У. Питт, Ж. Кольбер и Фридрих Великий, должны были усилить мощь страны и укрепить её самосознание.

Помимо внутренней политической революции единственная реальная угроза для национального государства могла исходить от другого государства, стремящегося усилить свою относительную мощь, или от коалиции враждебных государств. Для обеспечения национальной безопасности правительство полагалось на систему военных и дипломатических мер: поддержание постоянной армии, строительство флота, вступление в соглашения, направленные против общего врага. Когда случались войны, они требовали огромных расходов, но служили также укреплению патриотизма; осуждение «непомерных амбиций Франции» или вероломства «коварного Альбиона» всегда было апробированным средством укрепления национальной солидарности. К началу XX века национальные чувства были подогреты возобновлением гонки сухопутных и морских вооружений, колониальным соперничеством, агитацией жёлтой прессы и лоббистских шовинистических группировок, а также проповедуемой социальным дарвинизмом «борьбой за выживание» в международном масштабе. Поэтому неудивительно, что многие из граждан европей-

ских держав добровольно пошли на фронт, когда в 1914 году эти противоречия привели к мировой войне.

Такое постепенное усиление мощи и авторитета национальных государств не всегда проходило безболезненно. Несмотря на заверения правительств о национальном единении, в Ольстере, Эльзасе, Каталонии, Верхней Адидже, Силезии, Боснии и многих других местах вспыхивали межэтнические распри, и бушевал скрытый до поры до времени национализм. После опубликования книги **Адама Смита** «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776 г.) экономисты, банкиры и фабриканты всё чаще утверждали, что люди станут богаче, если освободятся от основанного на меркантилизме и протекционизме контроля со стороны государства над экономикой, торговлей и капиталовложениями, которые должны действовать согласно рыночным критериям, а не пожеланиям правительства. В XIX веке к космополитической идеологии либерализма присоединилось, а затем и бросило ей вызов, международное рабочее движение, называвшееся марксизмом. Оба эти мировоззрения были направлены против претензий на автономность национальных государств. Тем не менее, когда возникал серьёзный международный кризис – в 1914 и затем в 1939 годах, – их отметили.

Две большие глобальные войны XX века, в которых участвовали промышленно развитые экономические системы и которые были организованными соответствующими государственными бюрократиями, казалось, свидетельствовали о триумфе национальных государств. Даже либеральные демократические системы настаивали на обязательной воинской повинности. Требовалась полная лояльность граждан, вести дела с врагом было равносильно предательству, вся торговля, которая велась до войны, была заморожена. В условиях, когда втянувшиеся в войну государства старались выжать из народа максимальную производительность, промышленность и капиталовложения, денежные операции и даже забастовки были поставлены под контроль. Первая мировая война породила паспортную систему – доказательство национальной принадлежности личности, однако, что интересно, именно государство могло отменить её, если сочло бы необходимым. Во времена второй мировой войны стали учитывать **«валовой национальный продукт» (ВНП)** – экономический приём, позволяющий государству полностью контролировать производ-

ственную деятельность в рамках своих границ. В ходе обоих глобальных военных конфликтов правительства постепенно усиливали контроль над информацией. Даже великие произведения искусства использовались для пропаганды национальных интересов и решимости, примером чего служит патриотическая интерпретация шекспировской драмы «Генрих V» Лоуренсом Оливье и восьмая симфония Дмитрия Шостаковича.

После 1945 года эти тенденции несколько ослабли в экономической области, но продолжали процветать в политической жизни. Международные финансовые и торговые учреждения, такие как Международный валютный фонд, Всемирный банк, Генеральное соглашение по тарифам и торговле, стремились воспрепятствовать возврату к политике протекционизма и автаркии, которая имела место в период между мировыми войнами; произошёл подъём международной торговли, и увеличились зарубежные капиталовложения. Однако обострение международной напряжённости, вызванное «холодной войной», отрицательно повлияло на климат международных отношений и вновь продемонстрировало важность «национальной безопасности». Соответственно пострадала и Организация Объединённых Наций, созданная в качестве улучшенного варианта Лиги Наций, где супердержавы занимались бесконечной перебранкой и накладывали «вето» на вносимые противоположной стороной предложения. Национальные советы безопасности или органы со схожими названиями изучали наличие внешней угрозы; куда бы ни направлялся американский президент – даже на отдых, – его постоянно сопровождал «советник по национальной безопасности». Сообщениями национальной безопасности оправдывалось почти всё: от сооружения автострад до предоставления стипендий в области науки и технологии. Ею также пользовались в негативном смысле, отказывая в предоставлении информации, запрещая въезд в страну определённых иммигрантов, препятствуя торговле и поездкам в некоторые страны, приостанавливая передачу технологий. В разгар «холодной войны», когда США и СССР ежегодно тратили сотни миллиардов долларов на военные расходы, политики и политологи задавали вопрос: не превратился ли каждый из оппонентов в государство «национальной безопасности»? Другие аналитики, озабоченные массовым отвлечением капиталов, усилий в области НИОКР, научных кадров, инжене-

ров и техников на гонку вооружений, опасались отрицательного влияния всего этого на конкурентоспособность страны в долгосрочном плане.

Такого рода мышление оказывает большое влияние и в сегодняшней ситуации. В период развития международных отношений по сценарию «холодной войны», было, разумеется, не сложно утверждать, что имеется военная угроза и что национальное государство является главным действующим лицом на международной арене. Даже в эпоху разрядки международной напряжённости многочисленные эксперты по национальной безопасности и официальные лица супердержав выискивали многочисленные источники потенциальной угрозы международной безопасности и обосновывали необходимость поддержания вооружённых сил на высоком уровне. И сегодня в мире наличествует ещё множество проблем, говорящих о необходимости сохранения военной мощи, контролируемой национальными государствами и их ведомствами в виде министерств обороны и советов национальной безопасности. К ним следует отнести небывалое обострение палестинско-израильского конфликта, иракский кризис, непредсказуемость политического поведения КНДР, появление региональных держав, таких как Китай и Индия, появление новейшего оружия в горячих точках планеты, террористические угрозы в масштабах всей планеты.

Однако такие традиционные подходы вызывают всё большее недовольство и, прежде всего, потому, что наш мир меняется. Поскольку «холодная война» окончилась, многие авторы склонны полагать, что на место вооружённого соперничества и гонки вооружений приходят экономическая конкуренция, соперничество в области технологий и различные формы торговых войн. В итоге язык, используемый для описания международной торговли и капиталовложений, в настоящее время всё больше походит на военный по своей сути: отрасли промышленности оказываются в «осадном положении», рынки «захватываются» или «сдаются», а сравнительный уровень расходов на НИОКР или доля товаров передовой технологии столь же тщательно анализируется, как сравнительная мощь боевых кораблей в 1914 году.

Но подобное изменение действительности – дело новое, и фактически пока превалирует старое мышление: по-прежнему в центре всего национальное государство, занятое бесконечными

маневрами ради получения преимуществ по сравнению с другими национальными государствами. Неомеркантилистский мировой порядок сохраняется, даже если обращение к войне и не считается единственным выбором. Более того, в этом смысле **XX век стал триумфом национального государства**: в него мир вступил с **50** государствами, а вышел из него с **210-ю** образованиями, имеющими данный статут. Если иметь в виду, что для многих этносов, которых в мире сейчас около **пяти тысяч**, обретение национальной государственности является основной целью, провозглашённой их политическими элитами, то перспектива выглядит весьма драматично.

Ко всему прочему следует иметь в виду, что в мире с очевидностью существуют и другие мегатренды, указывающие на иные причины для беспокойства и новые угрозы безопасности⁷⁰. Пере-населённость беднейших стран мира может породить войны за обладание ресурсами, обострить этническую напряжённость. Способствовать социальной нестабильности и поощрить внешнюю экспансию. Миграционные потоки из наиболее бедных и неустроенных регионов мира в более богатые и стабильные страны не только вызовут социальную напряжённость, но и обострят расовый антагонизм. Разные темпы народонаселения этнических групп, живущих в рамках единого национального государства, могут подстегнуть уже существующую напряжённость. Воздействие демографического взрыва на экосистему поставит под угрозу национальные интересы. В дополнение к повышению риска войн из-за сокращающихся запасов минеральных ресурсов, воды, пастбищ, древесины экологический ущерб ставит под угрозу экономическое процветание и здоровье нации. Кроме того, такой ущерб отрицательно влияет на производство продуктов питания в мире при росте населения почти на миллиард человек каждые десять лет. Всё это может вызвать глобальный голод и обострить социальную и политическую нестабильность, привести к войне за обладание ресурсами и ухудшить отношения между богатыми и бедными народами, населяющими Землю.

⁷⁰ См. об этом подробно: Азроянц Эдуард. Глобализация: катастрофа или путь к развитию? – М., 2002; Грани глобализации / Под ред. М.С. Горбачёва. – М.: «Альпина паблишер», 2003; Лукашук И.И. Глобализация, государство, право, XXI век. – М., 2000; Мегатренды мирового развития / Под ред. М.В. Ильина и В.Л. Иноземцева. – М.: Экономика, 2001.

Международная финансовая революция также ставит свои проблемы перед допускаемым суверенитетом национального государства. «Мир без границ» предусматривает определённое ослабление контроля страны над собственной валютой и финансовой политикой. Это ослабление может обеспечить процветание, но если международная финансовая система непрочна, становится трудно, если вообще возможно, контролировать потенциально большие валютные потоки. Когда объём ежедневных валютных обменов далеко превосходит валовой национальный доход многих стран, отдельные правительства и министерства финансов в гораздо меньшей степени, чем тридцать лет назад, в состоянии контролировать существующую систему.

Будучи совершенно различными по форме, эти многочисленные тенденции – от глобального потепления до круглосуточной торговли – транснациональны по своей природе, не знают государственных границ, оказывают влияние на самые отдалённые общества и напоминают нам, что Земля, несмотря на все её размеры, единая система. Они (то есть тенденции) почти неподконтрольны властям традиционного национального государства как в прямом смысле – эти страны не могут предотвратить перемещение традиционных атмосферных потоков, – так и в переносном, – если они и запретят рождение вторых детей в семьях или такие виды деятельности, как применение биотехнологии в сельском хозяйстве и круглосуточные валютные сделки, они будут осуществляться в других местах, равно как и прирост населения. И, наконец, эти проблемы невозможно решить военной силой, являющейся обычным способом устранения угрозы безопасности национальному государству. У авианосных оперативных соединений и бронетанковых дивизий свои задачи. Они не способны предотвратить глобальный демографический взрыв, прекратить воздействие «парникового эффекта», приостановить валютные сделки, закрыть автоматизированное производство и запретить биотехнологию в сельском хозяйстве в других странах.

Такого рода развитие событий вместе с побочными в данном случае проблемами, как, например, международный терроризм и наркобизнес, рождает точку зрения, в соответствии с которой вместо «старых» угроз глобальной ядерной войны и крупномасштабной войны с применением обычных видов вооружений приходят «новые» угрозы национальной и международной безопас-

ности. На этом основании делается вывод: правительства должны избавиться от одержимости военной угрозой и сконцентрировать всё своё внимание на совершенно иных проблемах национальной безопасности⁷¹.

Такое предположение, с нашей точки зрения, преувеличивает степень происходящих перемен в мировых событиях. Более логично рассматривать эти новые угрозы нашему образу жизни как существующие параллельно с прежними, более традиционными угрозами безопасности, а не заменяющие их. Даже если гонка вооружений между Россией и США и потеряет свою значимость, на планете останется ещё много ядерных зарядов; останутся и сами ядерные страны, более того, скорее всего, их число будет расти. Причём новые обладатели этого оружия, как показывает пример Израиля, Индии и Пакистана, менее щепетильны в вопросах его использования и расположены в заведомо более беспокойных регионах планеты, чем Европа или Северная Америка. Движимые собственной социально-экономической, культурной и этнической динамикой имеют много «горючего материала» для существования, во многих частях мира их количество и размах, скорее всего, увеличатся по мере борьбы за ресурсы. Продолжающаяся опора национальных государств на военную силу была масштабно продемонстрирована в 1990–1991 годах во время войны в Персидском заливе, в 1999 году во время агрессии НАТО против Югославии, в 2001 году антитеррористической операцией США в Афганистане и в 2003–2004 годах в Ираке.

Поэтому очевидно, что национальные вооруженные силы государств останутся и, время от времени, они будут использоваться. Однако их традиционная военная ограниченность проблемами «безопасности» будет всё в большей степени сосуществовать с описанными выше невоенными аспектами, вынуждая государственных деятелей к изменению политической терминологии и внешнеполитического курса. В некоторых случаях «новые» и «старые» проблемы безопасности будут, скорее всего, сливаться воедино: вызванная демографическим давлением и истощением ресурсов социальная нестабильность может проявиться в регионах (например, в Южной Азии), где распространение ядерного оружия, этническая напряжённость и территориальные претензии

⁷¹ Sorensen T.C. Rethinking National Security // Foreign Affairs. Vol. 69, no. 3 (Summer 1990). Pp. 1 – 18.

уже давно представляют собой угрозу миру. Случится это или не случится, покажет только время, и зависит это от политической воли людей.

Однако при этом становится всё более очевидным, что в более широком и взаимосвязанном смысле «национальная безопасность» становится неразрывной частью «международной» безопасности, и обе приобретают более широкое определение. Вместо чисто военной концепции появляется иная, включающая в себя весь спектр проблем и старых, и новых. Видимо, в конечном счёте, следует согласиться с тем, что **под угрозой национальной безопасности следует понимать всё происходящее в мире, что угрожает здоровью людей, экономическому благосостоянию, социальной стабильности и политическому миру.**

В таком всеохватывающем определении угрозы возникает проблема отсутствия в нём драматизма. Военная угроза всегда конкретна: когда армия громит противника или когда собственная страна находится под угрозой тысяч боеголовок – мобилизовать благоприятное общественное мнение сравнительно просто, но в самой своей массе оно по-прежнему различает «большую политику» (явную угрозу безопасности) и «малую политику», под которой обычно понимаются экономические споры, торговые переговоры, предложения по охране окружающей среды и т.д. И хотя проблемы «малой политики» в настоящее время привлекают всё больше и больше внимания, всё же гораздо труднее убедить общественность и политиков пойти на необходимые жертвы ради противостояния новым угрозам, чем это было во времена биполярного мира и «холодной» войны.

Глобальные перемены ставят, на первый взгляд, под сомнение существование национального государства. Но это обманчивое впечатление. Для того чтобы убедиться в этом, необходимо принять во внимание некоторые обстоятельства.

Во-первых, нельзя смешивать различные вещи: экономико-финансовая, социокультурная, политическая экспансия государств и транснациональных корпораций выдаётся за глобализацию. Но внешняя экспансия не может интегрировать мир. Более того, такой «выход» свойств и отношений капитализма и его «духа» за рамки первоначальных границ и превращение их в свойства международной жизни являлись ещё в XIX и в начале XX века проявлениями глубинных процессов и потребностей челове-

ской общности. **Интернационализация – глубинная основа и источник глобализации**⁷². Она связана с процессами, происходящими между нациями, которые, однако, формируются во внутринациональной жизни, в её недрах. Каждая нация обладает огромным творческим потенциалом, создает ценности – культурные, научные, технологические и т.д., становящиеся достоянием человечества. Выход всего ценного за рамки национальных границ предполагает, что другие народы примут их, включат в собственную жизнь как часть собственных культуры, науки, техники опыта и т.д., сами адаптируются к ним и их адаптируют к своей жизни. Но главное заключается в реализации могущественных потенций и сил **интернационализации**: принятые и включённые в собственную жизнь инациональные ценности становятся источником развития, прогресса соответствующей сферы народа принимающего. В процессе **интернационализации** происходит проверка социальной значимости созданных в национальной жизни духовных, научных, материальных продуктов и ценностей. **Интернационализация** формирует явления международной жизни, резко расширяет диапазон доступных человеку возможностей, масштабов и пределов деятельности. Теперь сама международная жизнь, возникшая в результате **интернационализации** как её продукт, становится ареной формирования её новых предпосылок.

Вывод очевиден: на основе экономической, политической, культурной и социальной глобализации происходит формирование и развитие национальной жизни и там, где до этого не было никаких предпосылок – в странах Азии, Африки и Латинской Америки. Капитал, техника, наука, культурные образцы, опыт, получив выход из национальных границ стран Европы, дали мощный толчок национальным процессам там, где они внедрились. Дальнейшая глобализация не только невозможна без создания в недрах национальной жизни новых ценностей, социально значимых для человечества, но, более того, она вызывает к жизни рост национального самосознания народов и повышение значимости национальной идентичности для каждого человека. В глобализацию мира вносят свою лепту многие нации и страны. Россия, например, не просто является полем американизации и мак-

⁷² Мнацаканян М.О. Глобализация и национальное государство: три мифа // Социологические исследования. 2004. № 5. С. 138.

дольнадизации, а сама активно участвует в этих процессах: её наука, литература, музыка, балет и т.д. оказывают мощное влияние на мировые процессы.

Безусловно, в ходе глобализации происходит сближение наций, наблюдается стирание ряда национальных различий в Европе, во всём мире, особенно в последние десятилетия. Однако при этом мы нигде не обнаружим безразличия людей к проблемам своей национальной жизни. Более того, сегодня особенно возрастает значимость национальной идентичности для коллектива, для каждого индивида. Она сегодня выполняет интегративные и нормативные когнитивные, адаптивные и защитные, идеологические и духовно-психологические функции. «Для обычного человека границы его культуры являют если не границы мира, то, во всяком случае, границы, в которых он может получить работу и общественное признание, сохранить достоинство, гражданство, участвовать в жизни социума. Оставаясь в этих границах, он знает правила игры и понимает, что происходит вокруг; выходя за эти пределы, он начинает совершать ошибки, становится неуклюжим, не вполне адекватным, рискует превратиться в посмешище. Самые глубинные пласты его идентичности определяются не его банковским счётом, не положением в его семье или обществе, но усвоенной в процессе образования письменной культурой. Его национализм является не каким-нибудь атавизмом, а, напротив, служит выражением его вполне определённых и подлинных, хотя чаще всего неосознанных, интересов»⁷³.

Во-вторых, нельзя признать правильным утверждение, в соответствие с которым национальные государства изжили себя, что они несовместимы с глобализацией и уходят с исторической арены уже потому, что экономическая мощь транснациональных корпораций превосходит мощь средних государств. Однако реальный исторический процесс говорит о другом. В начале XX века, когда началась эпоха бурной монополизации и транснационализации, не только мелкие, средние, но и многие крупные государства – Китай, Иран, Турция – были опутаны сетями экономической, финансовой, политической зависимости от «великих держав», которые господствовали в мировых отношениях, не считаясь с суверенитетом государств даже в Европе. Тем не ме-

⁷³ Gellner E. Conditions of Liberty. Civil Society and its Rivals. L., 1994. P. 116–117.

нее, с середины века пошёл процесс повсеместного образования национальных государств, и сегодня для защиты их суверенитета больше условий и возможностей, чем тогда.

Вовсе не праздным является вопрос: почему идея национального государства популярна сегодня в мире? Почему даже малочисленные народы во вполне демократических странах – шотландцы, валлийцы, валлоны, фламандцы, баски, каталонцы и т.д. – добиваются государственности? Образование в начале 1990-х годов более полутора десятка национальных государств в Европе, некоторые из которых совсем небольшие – Хорватия, Словения, Македония, Латвия, Литва и Эстония, – говорит о вере народов в способность государства эффективно защищать национальные интересы.

Во всём мире идёт становление и развитие национальных государств, особенно в странах Азии и Африки. В Европе при ослаблении некоторых функций и свойств государство в некоторых отношениях всё еще развивается за счёт местных, региональных и особенно относящихся к частной сфере сил. В современном национальном государстве идея суверенитета остаётся актуальной, как никогда. Просто милитаризм, инфраструктуры коммуникаций, экономическое, социальное и семейное законодательства и отчётливое ощущение принадлежности к национальной общности слились в жесткий единый институт. Общество, взятое извне, никогда не было просто национальным, оно было также транснациональным, то есть включало в себя отношения, которые свободно простирались за национальные границы. Другими словами, транснациональные отношения возникли вовсе не в постсовременный период, они накладывали ограничения на суверенитет государства всегда и везде⁷⁴. Кстати говоря, ни один сторонник точки зрения о неизбежности ухода национального государства с исторической арены не относит к исчезающим такие страны, как США, Германия, Япония, Франция, Китай, Англия, но обычно оперируют «исчезающим суверенитетом», имея в виду мелкие и средние государства. Подобную аргументацию нельзя признать корректной.

Серьёзный анализ феномена глобализации открывает её любопытную особенность: не только глобализация невозможна без

⁷⁴ Манн М. Нации-государства в Европе и на других континентах: разнообразие форм, развитие, неугасание // Нации и национализм. – М., 2002. С. 384–385.

наращивания сил и потенциалов национальной жизни, а это прямая функция национального государства, но и сама глобализация придала национальному государству принципиально новую, ранее неизвестную функцию. В современном глобальном мире социальная мобильность, принявшая гигантские масштабы, интенсивность коммуникаций и пропасти неравенства между странами и народами создают новые факты, условия и основы отношений между группами, общностями людей. Идёт активное распределение и перераспределение ролей, жизненных возможностей. **Речь теперь идёт не только о том, насколько неловко и неадекватно чувствует себя человек вне своих культурных национальных границ, но особенно о том, что в конкурентной борьбе за жизненные перспективы он, как и целые коллективы, не получит выигрышных ролей, если не будет опираться на силу государства.** Именно в этом заключён ответ на загадку популярности современного национального государства. Именно в этом причина того, почему народы готовы идти на жертвы ради него.

В-третьих, нельзя согласиться с точкой зрения о том, что глобальные силы, идущие на смену национального государственного суверенитета, анонимны, безродны, неуправляемы, несут с собой наднациональные учреждения, правила, ценности для всех без исключения наций и государств мира. Сторонники такого подхода имеют в виду, прежде всего, процессы интернационализации и транснационализации капитала, экономики, финансов и образование крупнейших транснациональных корпораций, банков – ТНК и ТНБ, играющих огромную роль во всех сферах экономики, в международных политических отношениях. При этом игнорируется то очевидное обстоятельство, что эти институты не безродны и не ничейны: и по рождению, происхождению, и по представительству они имеют национальную принадлежность, представляют в мире вполне конкретные государства, выражая, прежде всего, их интересы. Получая необходимую государственную поддержку, особенно в кризисных политических и военных конфликтных ситуациях, в свою очередь ТНК и ТНБ выступают орудием упрочения позиций «своих» национальных государств в различных регионах мира.

Среди 20 ведущих ТНК по этому показателю преобладают 6 американских корпораций, 3 представляют Японию, 3 – Германию, 3 – Великобританию (из них 2 совместно с Голландией), 3 –

Голландию (2 – совместно с Великобританией), 2 – Францию, 2 – Швейцарию. По объёму продаж лидирующие позиции на рубеже XX и XXI веков сохраняли японские ТНК: «Иточи», «Мицуи», «Мицубиси». За ними следовали американские гиганты: «Дженерал Моторс», «Форд», «Эксон»⁷⁵. Пять крупнейших из них контролируют более половины мирового производства товаров длительного пользования, самолётов, электронного оборудования, автомобилей. 2–3 компании контролируют практически всю международную сеть телекоммуникаций. На рынке гражданского самолётостроения господствуют компании «Эйрбас Индастри», «Боинг» и «Макдоннел Дуглас». Когда происходит сращивание мощи таких компаний с мощностью государств, с их военно-политическими союзами, государственный суверенитет остальных стран может выглядеть жалким. Однако при этом транснациональный капитал не только не угрожает нормальному функционированию «своих» государств, но весьма чутко откликается на их поддержку тогда, когда возникает соблазн экономически аннексировать более слабые страны, отрицая по этому случаю необходимость национальных государств. К примеру, за последние несколько лет корпорации Германии установили более эффективный контроль над чешской экономикой по сравнению с периодом 1930-х и 1940-х годов. В 1990 году германский концерн «Фольксваген» присоединил чешскую «Шкоду» и с учётом более ранних поглощений «Ауди» и испанской «Сеат» утвердился как панъевропейская компания. **Отрицание роли и значения национальных государств в современном мире – это отрицание мелких, слабых, зависимых государств с позиций развитости и высокомерия.**

Транснационализация, таким образом, не отменяет государственный суверенитет и по-новому ставит комплекс проблем его защиты. Экономическая деятельность всё ещё прочно связана с национальной почвой – с хозяйственной территорией, и практически все ТНК сосредотачивают высшее руководство и исследовательские организации в границах «своих» национальных государств. Экономическая деятельность, несмотря на бурную транс-

⁷⁵ Мовсесян А., Огневцев С. Транснациональный капитал и национальные государства // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 6. С. 56.

национализацию, вовсе не спешит оторваться от национальной почвы⁷⁶.

Тем не менее, глобальные изменения влияют на механизмы функционирования государства и способы решения стоящих перед ним задач. И, как результат, очевидно, что для достижения одних целей оно слишком громоздко, чтобы успешно действовать; для других – слишком мало. Осознание этой реальности привело к формированию глобальной тенденции дальнейшего развития национального государства, которая заключается в своеобразном «перераспределении» власти, как вверх, так и вниз с тем, чтобы создать структуры, способные наилучшим образом ответить на сегодняшние и будущие требования перемен. К ним, кроме деятельности упомянутых уже транснациональных акторов, следует отнести:

- Возрастание роли международных учреждений и соглашений, так как существуют глобальные проблемы, и их можно решить лишь в глобальном масштабе с помощью транснациональных организаций, к которым следует отнести встречи **G – 7 плюс Россия**, деятельность Всемирного банка, Международного валютного фонда, Всемирной торговой организации и т.д.

- Возникновение региональных наднациональных организаций для решения экономических задач, таких как НАФТА (Североамериканская зона свободной торговли, включающая США, Канаду и Мексику) или «Меркосур» в Латинской Америке. Именно оттого, что в деле достижения прочного экономического единства эти страны зашли слишком далеко, существуют глубокие политические противоречия между сторонниками интеграции и теми, кто противится дальнейшему ослаблению национальной мощи.

Перераспределение власти национального государства к более мелким единицам диктуется, в основном, экономическими и технологическими потребностями. К примеру, прозрачность границ по всей Европе способствует возникновению региональных экономических зон, которые до этого не могли существовать из-за национальных таможен и тарифных систем. По мере развития новых отношений разрушаются старые: Словения всё больше торгует с Австрией и всё меньше с Сербией, Эльзас-Лотарингия

⁷⁶ Кувалдин В., Рябов А. Национальное государство в эпоху глобализации // Свободная мысль. 2000. № 1. С. 40.

всё больше тяготеет к Баден-Вюртембергу, чем к Парижу, Северная Италия налаживает куда как более тесные связи с альпийскими государствами, чем с Калабрией и Сицилией. Отдельные американские штаты, часто недовольные отсутствием интереса к себе со стороны федерального центра, открывают собственные «миссии» в Токио и Брюсселе для налаживания капиталовложений и торговли. В России этот процесс ярко иллюстрируется примером Калининградской области.

В 1995 году в свет вышла работа известного японского учёного **Кеничи Омаэ** «Конец национального государства». В ней автор подсчитал, что если бы Токио и три прилегающие к нему японские префектуры образовали самостоятельное государство, то по объёму ВВП оно бы заняло третье место в мире после США и Германии. Другой регион Японии, включающий Осаку, Киото и Кобэ, оказался бы шестым после Великобритании. Глобальный рынок гипотетически позволяет каждому из этих образований существовать в качестве самодостаточного государства-региона⁷⁷. Производя свои расчёты, К. Омаэ вовсе не выступал идеологом нового сепаратизма. Он лишь убедительно доказал и обратил внимание на то, что на рубеже XX и XXI веков на экономической карте мира значимость той или иной страны стала определяться её регионами. Правда, лишь теми из них, которые смогли стать «узлами», связывающими мировые потоки товаров, финансов, людей, технологий и информации: Тихоокеанское побережье США и полоса вдоль Великих Американских озёр, города «большой пятёрки ЕС» (Лондон, Париж, Милан, Мюнхен и Гамбург), а также бывшие специальные экономические зоны Китая.

Таким образом, вывод представляется очевидным. **Во-первых**, глобализационные процессы, причудливо сочетаясь с конкретным региональным развитием, привели к появлению совершенно нового феномена, который принято определять как «глокализацию». **Во-вторых**, очевидно, что экономическая мощь национальных государств теперь зависит не столько от валовых объёмов производства и природных запасов, скрытых в его земле, сколько от обладания на своей территории центрами, управляющими потоками на глобальном рынке.

⁷⁷ См.: Kenichi Ohmae. The End of the National State. The Rise of Regional Economies. – N.Y. The Free Press, 1995.

Таким образом, современная адаптация новой России к окружающему миру происходит в условиях ускорения мировых процессов. Технологический источник этого ускорения – центр развитого капитализма. Без соответствующей экономической политики государств и транснациональных компаний вообще невозможно представить взрыв инвестиционной, инновационной и коммерческой активности, с которым, прежде всего, связывают процессы глобализации. Однако ни технологические инновации, ни коммерческая экспансия не протекают в политическом вакууме и поэтому не являются гарантированными, если отсутствуют определённые условия. В частности, экономическая глобализация невозможна без поддержки крупных государств, гарантирующих частному капиталу права собственности и свободу инвестирования. Например, предыдущие коммерческие экспансии и процессы «европеизации» проходили в условиях политического доминирования империй – Голландской в XVIII и Британской в XIX веках. Очевидным является и то обстоятельство, что за плечами современной глобализации находится единственная в мире американская сверхдержава.

В свете этой констатации становится ясно и другое: политическим является не только продвижение глобализации, но и приспособление к ней. Государства, регионы, общественные движения находили и будут находить формы выживания и приспособления в условиях глобализации, сохраняя при этом свои особенности и культурные ценности. Необходимо, хотя бы коротко, рассмотреть некоторые сложности процесса адаптации применительно к четырём принципиально важным измерениям глобализации – экономическому, геополитическому, культурному и эпистемологическому, имея в виду при этом не только мировой опыт, но и конкретную политическую практику российского государства.

Экономическая глобализация, несмотря на предсказания таких её либеральных пророков, как Фрэнсис Фукуяма и Томас Фридман⁷⁸, отнюдь не привела пока к большей гомогенности экономического поведения в мире. Вместо этого можно наблюдать новые линии социально-экономического размежевания и новые попытки переформулировать государственные, нацио-

⁷⁸ Fukuyama F. The End of History? National Interest. Vol. 16, Summer, 1989; Friedman T.L. The Lexus and the Olive Tree. N. Y.: Free Press, 1999.

нальные и региональные интересы, а также возникновение новых форм бедности и зависимости в мире. Новая эпоха отличается своей либерально-коммерческой ориентацией и принципиально отлична в этом от политически и идеологически расколотого мира времён «холодной войны». Однако при этом новые интересы, как и прежде, определяются в соответствии с историческим прошлым и характером сформировавшихся ценностей. Новая экономическая политика служит, таким образом, укреплению локальных ценностей, а не способствует их отмене⁷⁹.

Геополитически она также отнюдь не сопровождается пока большей однородностью, не говоря уже об отмене локальных политических интересов. Гонка вооружений сохранилась, хотя и изменила свою территориальную конфигурацию. Беззаконие и новые формы насилия похоронили имевшиеся в начале 1990-х годов надежды на возникновение эры всеобщего мира. Сентябрьские атаки на США в 2001 г. стали мощной демонстрацией приватизации средств насилия и роста мирового терроризма. На территории бывшего СССР исчезновение империи в исторически нестабильном окружении незамедлительно создало вакуум безопасности и привело к возникновению целого ряда новых конфликтов. При всём своём разнообразии эти конфликты – этнические, энергетические, внутривнутриполитические и пограничные – оказались принципиально новым вызовом и стимулировали возрождение геополитического мышления как в России, так и за её пределами. Горькая ирония заключается в том, что сверхдержавная мощь военной машины США сопровождалась и продолжает сопровождаться, вопреки предсказаниям апологетов однополярности, не укреплением мира и безопасности, а ростом конфликтности во всех уголках земного шара.

Наряду с экономическими и геополитическими переменами глобализация привела к новым межгосударственным размежеваниям социокультурного характера. В различных регионах планеты западноцентричные проекты мирового порядка всё чаще воспринимаются как неспособные установить справедливую и стабильную международную систему из-за их неспособности к пониманию других культур. Очень часто подобные проекты не только не способствуют продвижению диалога, необходимого для фор-

⁷⁹ Мировая политика: теория, методология, прикладной анализ / Под ред. А.А. Кокошина и А.Д. Богатунова. – М.: URSS, 2004. С. 242–243.

мирования новой – более эффективной и более справедливой – международной системы, сколько способствуют дальнейшему росту изоляционизма и недоверия между субъектами мировой политики. Поэтому вряд ли можно считать случайным резкое возрастание интереса к проблемам культурного самоопределения, что с новой силой ставит под сомнение возможность возникновения глобальной системы ценностей. Ряд современных исследователей и, прежде всего, Самуэль Хантингтон, прогнозируют «**столкновение цивилизаций**», или войну по культурно-религиозному признаку в качестве ближайшего будущего мировой политики⁸⁰. Именно поэтому вопросы культурного взаимопонимания и взаимодействия оказались в центре внимания политической глобалистики.

Приняв во внимание все отмеченные выше трудности и противоречия глобализации, становится очевидным, что без целенаправленных усилий Россия не сможет стать полноправной частью мира. Воспользоваться плодами глобализации, избежав при этом её ударов и поражений, крайне сложно. Это потребует значительной мобилизации политических, социальных и интеллектуальных усилий. Повернуть глобализацию вспять невозможно, как невозможно отказаться от уже происшедших в мире климатических изменений. Однако возможно и необходимо попытаться сделать глобализацию более пригодной и удобной для жизни. Можно и должно попытаться найти себя в новом мире, приспособившаяся и переформулировав его в интересах широких социальных слоёв и народов, включая Россию.

Итак, вступление человечества в XXI век сопровождается кризисом государства как института, оставаясь при этом общепринятой формой существования человеческого общества. Более того, если в XX век мир вошёл, имея в своём составе 50 государств, то во второй его половине количество суверенных государств значительно возросло. Сегодня в мире насчитывается 210 государств, из которых 192 являются членами Организации Объединённых Наций⁸¹.

⁸⁰ Хантингтон Самуэль. Столкновение цивилизаций. – М., 2003; Хантингтон Самуэль. Политический порядок в меняющихся обществах. – М., 2004.

⁸¹ Рогов Сергей. Функции современного государства: вызовы для России. Статья первая // Свободная мысль – XXI. 2005. № 7. С. 50.

До сих пор государство является единственным легитимным институтом применения, монополистом в сфере внеэкономического принуждения. Оно реализует свою легитимность через внутреннее законодательство и через договорённости с другими государствами. Это даёт государству выполнять такие функции, как обеспечение внутренней и внешней безопасности, охрана правопорядка и осуществление правосудия, изъятие и перераспределение валового внутреннего продукта, выработка и проведение экономической и социальной политики. Оно **имеет своей целью не получение прибыли, а создание общественных благ**. На протяжении истории механизм публичной власти и функции государственной деятельности претерпели огромную эволюцию. В XX столетии, несмотря на вызовы тоталитаризма, доминирующей тенденцией стало развитие демократии и расширение функций государства. Сегодня демократическая форма правления существует в большинстве стран мира. **В современных условиях главной целью государства является обеспечение общественного (публичного) блага**. Опираясь на правовую систему, государство уполномочено гражданами применять внеэкономические методы для производства общественных благ в их интересах. При этом государство производит блага коллективного пользования, такие как защита от внешней угрозы, поддержание правопорядка, отправление правосудия и т.п. Сфера деятельности государства изначально была связана с обеспечением безопасности граждан, то есть предоставлением таких услуг, которые по своей сути оказываются за рамками рыночных отношений, с производством так называемых «чистых общественных благ». Если частное благо потребляется и присваивается индивидуально, то общественные блага являются такого типа благами, которые невозможно исключить из потребления, а потребление его одним актором не истощает его полезность для других акторов. Например, поддержание закона и порядка, защита от внешней агрессии относятся к числу благ, потребляемых всем обществом.

Современное государство находится не за пределами рынка или над рынком, а органично в него встроено. Как автономный рыночный игрок государство отвечает за реализацию интересов общества в целом. Являясь одним из субъектов рынка, государство отличается от других субъектов. Это связано с качественным отличием общественных благ от частных благ, социальной по-

лезности от индивидуальной её формы. Хотя ограниченность ресурсов присуща государству так же, как любому другому агенту рынка, государство призвано максимизировать не индивидуальную, а социальную полезность.

Именно об этом говорит изучение опыта США, который позволяет говорить о наличии мощной государственной стратегии в области формирования **человеческого капитала**. Такая стратегия представляет собой целый комплекс мер (экономического, административного, законодательного и организационного характера), охватывающих такие сферы, как образование, создание рабочих мест, страхование безработицы и социальное воспомоществование, охрана здоровья, жилищная политика, местное развитие и т.д. И лидерство Соединённых Штатов в современном мире обеспечивается, прежде всего, качеством человеческого потенциала, хотя формально эта страна уступает по индексу человеческого развития целому ряду других западных государств, например скандинавским странам.

К сожалению, в период перестройки, да и в последующие годы, определённые российские круги, провозглашая необходимость отказа от марксистских догм, взяли на вооружение либертарианские лозунги, которые декларировал их кумир Рональд Рейган, занимавший пост президента США в 1981–1989 годах. Позднее подобные рекомендации в духе «Вашингтонского консенсуса» навязывали России Международный валютный фонд и Всемирный банк. Не имея, видимо, ни малейшего представления о том, как в реальности функционирует экономика развитых стран Запада, отечественные суперреформаторы, не считаясь ни с чем, пытались – и пытаются поныне – реализовать эти схемы в России.

Гораздо полезнее для страны с их стороны стало бы изучение современной государственной модели **«третьего пути»**, тесно связано с именами американского президента У. Клинтона, британского премьера Э. Блэра и бывшего федерального канцлера Г. Шредера. Его главными составляющими частями стали:

- отказ от дальнейшего роста государственного вовлечения в экономику;
- осуществление жёсткой фискальной дисциплины;
- признание на этом фоне того очевидного обстоятельства, что рост федерального бюджета не может быть безграничным, так как ведёт к ослаблению рыночных стимулов;

- параллельное признание необходимости полного сохранения гигантского комплекса социального и медицинского обеспечения, созданного американским государством в середине и во второй половине XX века;

- сокращение ассигнований на военные цели, за исключением тех, которые были призваны обеспечить получение новых видов оружия, позволяющих сохранить мировое лидерство Америки;

- всемерное стимулирование научно-технического прогресса, прежде всего, в информационном секторе.

Осуществление этих мер позволило США сформировать к концу XX века уникальные по своим абсолютным масштабам национальную инновационную систему и научно-образовательный комплекс, динамичные инновационные корпорации; инновационный, предпринимательский дух населения с его мощной традицией творчества в индивидуальной и гражданской жизни, в производстве и потреблении, мощнейшее и дееспособное государство. Другими словами, был создан такой «запас прочности», что расточительная и временами авантюрная политика нынешнего президента США Дж. Буша-младшего не поколебала позиции страны как признанного мирового лидера практически во всех областях.

Особняком для российского государства стоит такой глобальный вызов времени, как вопрос о вступлении во **Всемирную торговую организацию (ВТО)**, альтернативы которому, судя по всему, у нашей страны нет⁸². ВТО определяет правила поведения на мировых рынках, и через страны – её участницы проходит почти 95% мировой торговли. Одного этого факта уже было бы, наверное, достаточно для признания необходимости вступления России в организацию. Но к этому следует добавить: без присоединения к соглашениям ВТО в области наукоёмких товаров и прав на интеллектуальную собственность весьма проблематичны преодоление технологического отставания и в перспективе выход России на мировой рынок высоких технологий. Стало быть: без вступления в ВТО – важного государственного решения и соответствующей политики, ведущей к нему, – не может быть осуще-

⁸² См. подробно: Примаков Евгений. Россия в глобализации. Альтернативы вступлению России в ВТО нет // Международная жизнь. 2005. № 7.

ствлён жизненно необходимый для страны переход на инновационный путь развития.

Процесс вхождения России в ВТО происходит в условиях, когда страна переживает ряд острых проблем, имеющих к нему самое непосредственное отношение. Это, **во-первых**, низкие адаптационные возможности, связанные с невысокой мобильностью рабочей силы и капитала. **Во-вторых**, тяжёлое состояние ряда отраслей, в частности сельского хозяйства. **В-третьих**, значительный объём «серого» и нелегального импорта продовольственных и промышленных товаров.

С учётом всего этого в настоящее время проводится активная государственная политика России, призванная, с одной стороны, преодолеть сопротивление тех зарубежных сил, которые стремятся, руководствуясь различными соображениями, осложнить приём нашей страны в ВТО и, с другой стороны, добиться в ходе переговорного процесса приемлемых условий для российского присоединения.

При этом следует констатировать, что сохраняется ещё достаточно много несогласованных вопросов, большинство из которых непосредственно затрагивают жизненно важные условия развития России. Это – ограничения на протекционистские меры и государственную поддержку в сельском хозяйстве. Это – снятие преград на внедрение на российский рынок иностранных банков и страховых компаний. Это допуск на российский рынок транспортных услуг иностранных автоперевозчиков.

Существенно изменить ситуацию к худшему может форсированное вступление в ВТО Украины, которая уже согласилась на нулевые пошлины по пяти тысячам товарных позиций. Если Украина будет в едином европейском экономическом пространстве и вступит во Всемирную торговую организацию раньше России, то весь этот беспошлинный импорт свободно польётся в нашу страну. При этом существует опасность, что Украина, вступив в ВТО, может занять негативную позицию по поводу российского присоединения, если наше правительство не согласится на предложенные ею условия. Это, несомненно, должно учитываться при переговорах, в том числе с Украиной.

Тем не менее, вступление России в ВТО безальтернативно. В такой ситуации наряду с настойчивой политикой, направленной на получение приемлемых для России условий нахождения в

этой организации, особое значение приобретает способность нашего государства погасить те негативные последствия, которые будет испытывать ряд отраслей российской экономики после вступления в ВТО. Понятно, что позитивный эффект от нахождения во Всемирной торговой организации во многом будет зависеть от того, сможет ли государственная политика России обеспечить баланс между открытостью нашей экономики и селективными мерами её поддержки.

Выборочной поддержки потребует машиностроение, прежде всего в производстве той продукции, где Россия является крупным потребителем. Уязвимыми окажутся регионы с высокой долей в региональной экономике отраслей, продукция которых конкурирует с импортом. Серьёзная государственная поддержка потребует для потребительского сектора – сельского хозяйства и переработки сельскохозяйственного сырья, а также для лёгкой и местной промышленности.

При этом многие представители российского предпринимательства справедливо настаивают на принятии ряда «превентивных мер», способных укрепить позиции российской экономики в целом. Так государству предлагается усилить регулируемую роль в политике формирования и установления цен на продукцию естественных монополий, принять комплекс законодательно-правовых мер для предупреждения и недопущения преднамеренного банкротства предприятий и институтов. Правительству Российской Федерации предлагается создать специальный бюджет развития для модернизации производственно-технического потенциала.

Кроме этого и более важно, политическое руководство России должно иметь чёткий ответ на два важнейших, с точки зрения рассматриваемой проблемы, вопроса:

Вопрос первый – что в ходе переговоров о присоединении нашей страны к Всемирной торговой организации следует защищать любой ценой, а в чём возможно пойти на уступки?

Вопрос второй – что следует прорабатывать уже сегодня российскому правительству с представителями всех слоёв предпринимательства для защиты интересов отечественного бизнеса в рамках ВТО с использованием практики его нынешних участников и, прежде всего, Китая?

Понятно, что позиция отдельных секторов бизнеса по этим вопросам разная, но нужна консолидированная его позиция, вы-

работать которую можно только при координирующей и консолидирующей роли правительства Российской Федерации.

* * *

В свете действия основных современных мегатрендов можно предположить, что внутренние и региональные конфликты вполне возможны. По мере того, как в различных частях мира будет проявляться рост народонаселения, усиливаться борьба за ресурсы, а революция в области коммуникаций – скорее подогреет вражду, чем создаст граждан мира; проблемы для национальной государственной власти – особенно в бедных регионах планеты – могут значительно обостриться.

Иммануилу Канту принадлежит очень интересное, с точки зрения данной темы, высказывание: «Природа создала два средства разделения людей: различия в языке и религии, которые имеют тенденцию порождать «взаимную ненависть и поводы для войн». «Прогресс цивилизации, – надеялся И. Кант, – со временем приведёт к заключению всеобъемлющего мирного соглашения». Возможно, когда-нибудь это и произойдёт, но сегодняшняя ситуация говорит, что до этого ещё очень далеко.

Таким образом, современная ситуация в развитии национального государства является весьма противоречивой. Новые проблемы по своей природе в гораздо большей степени, чем раньше, затрудняют возможность правительству контролировать события. Но, с другой стороны, правительство и национальное государство являются главной инстанцией, посредством которой общество может реагировать на перемены.

Контрольные вопросы

1. Национальное государство как феномен: возникновение и эволюция к началу XXI века.
2. Барьеры и препятствия на пути усиления мощи и авторитета национальных государств в XX веке: межэтнические конфликты, роль и значение либеральной и коммунистической идеологии.
3. Новые глобальные тенденции на рубеже XX и XXI как угроза национальному государству.
4. Проблема перераспределения современной государственной власти «вверх» и «вниз».

Тема 7. СТАНОВЛЕНИЕ ЕДИНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА НА ЗЕМЛЕ КАК ГЛОБАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

Если нация хочет быть невежественной и одновременно свободной и цивилизованной, то она хочет того, чего никогда не было и не будет.

Томас Джефферсон, 1816 год.

Стратегические ресурсы нации и государства включают в себя, как её существующий экономический, людской и военный потенциалы, так и способность воспроизводить и увеличивать эти потенциалы во времени и в пространстве. В условиях глобализации, при переходе от индустриального общества к информационному (постиндустриальному), когда процессы создания, владения, распространения знаний и профессиональных навыков становятся ключевыми, интеллектуальные профессии – массовыми, а инвестиции в сферу образования, в развитие человеческого потенциала – самыми эффективными, именно фактор образованности общества является главным, если не единственным критерием принадлежности той или иной страны к числу развитых государств, способных влиять на глобальные процессы и определять мировые тенденции.

С научной точки зрения такой совокупный потенциал можно определять двояко. С одной стороны, это объём, структура, качество и технический уровень производимых в стране товаров и услуг, имеющаяся в ней инфраструктура как материальной, так и нематериальной сфер экономики, плюс накопленные ею на своей территории и за рубежом материальные и иные ценности, «ноу-хау» и т.д. Собственно экономическая часть этого потенциала характеризуется категориями «валовой внутренний продукт» (ВВП) и «национальное богатство». С другой стороны, рассматриваемый потенциал – это совокупность ресурсов, имеющихся в распоряжении общества, – природных, трудовых, информационных, научных, капитала (в овеществлённой и денежной формах) –

и предпринимательских способностей или, как считают некоторые учёные, механизма реализации этих способностей⁸³.

Таким образом, научно-образовательный компонент агрегативных характеристик стратегического ресурса общества играет в современных условиях чрезвычайно важную роль. Словосочетание «**экономика знаний**» стало модным и часто употребляется в научной и практически-политической лексике. Основателем экономики знаний как научной дисциплины считается **Фриц Махлуп**, выпустивший в 1962 году книгу «Производство знаний в США»⁸⁴. Он понимал экономику знаний как один из секторов экономики. Другими словами, это экономика, где сектор знаний играет решающую роль, а производство знаний является источником роста экономики. Последняя, основанная на знаниях, постепенно приходит на смену индустриальной экономике. В некоторых странах этот курс признан в качестве ведущего направления развития. Подобную политику в частности проводит Китай, разработавший специальную стратегию «Государственная система по освоению новшеств на фоне наступления эпохи экономики знаний». Инициатор этой программы президент Академии общественных наук КНР Ли Теин полагает: «Душа экономики знаний – непрерывное стремление к новшествам, а источник её силы – образование». Он также подчёркивает, что в нынешнем мире конкуренция в мощи государства, это, в конце концов, конкуренция в уровне знаний⁸⁵.

Таким образом, знание является средством производства в экономике знания. Поэтому управление интеллектуальным, концентрирующим знание капиталом, а также работниками, владеющими знанием, становится решающим фактором эффективного производства. В процессе обработки и использования информации в постоянно меняющейся трудовой среде работник, владеющий знанием, становится чем-то большим, чем просто продавцом рабочей силы. Согласно японской концепции развития высокотехнологичных производств работник нового типа «обречён» на постоянные позитивные сдвиги в личной, семейной,

⁸³ Экономика внешних связей России / Под ред. А.С. Булатова. – М., 1995. С. 1–14.

⁸⁴ Махлуп Фриц. Производство знаний в США. – М.: «Прогресс», 1966.

⁸⁵ См.: Интеллект нации – конкурентное преимущество России // Проблемы теории и практики управления. 2004. № 1.

общественной и трудовой жизни, и в приложении к предприятию это выливается в процесс постоянного улучшения производства, вовлекающий всех занятых от менеджера до рабочего⁸⁶.

Итак, современные производственные технологии характеризуются научным, познавательным процессом их создания. В наши дни прогрессивные технологии возникают не в результате случайного поиска, а сознательного использования научных знаний. При этом определённые изменения происходят и в самой научной деятельности: всё большая часть исследований и разработок ориентируется на новые производственные принципы и системы. Другими словами, **сегодня наука производит технологию**. Однако для её создания недостаточно лишь рождения соответствующей научной идеи, чтобы она стала материальным фактом, ей требуется пройти этап собственно научно-технологического исследования, нужны значительные капиталовложения. Значительная, если не большая часть этих капиталовложений перехода к постиндустриальному информационному обществу приходится на **образовательную сферу**.

Для трудовых ресурсов России характерен в целом высокий по мировым стандартам уровень квалификации. В современном мире квалификация определяется не столько стажем, сколько образованием. Не обсуждая качество образования российских работников в целом, а оно сильно отличается по разным специальностям, отметим, что в начале 1990-х годов из 72 млн занятых более четверти имели высшее и среднее специальное образование, в том числе около 9 млн высшее и 21 млн – среднее специальное образование⁸⁷. Доля студентов вузов в общей численности населения на начало 2001 года составила 1,7%, что соответствует этому показателю в развитых странах: 1,8% – в Великобритании, 2,5% – в Германии и 1,9% в Японии⁸⁸.

Чтобы оценить состояние **образовательной сферы как стратегического ресурса**, целесообразно рассмотреть основные

⁸⁶ Лоу Л. Образование и развитие человеческих ресурсов: движущая сила следующего столетия // Постиндустриальный мир и Россия. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 183.

⁸⁷ Турчанинова И.С. Образование как стратегический ресурс информационного общества // Российские стратегические исследования / Под ред. Л.Л. Фитуни. – М.: Логос. С. 158.

⁸⁸ Рассчитано по: Российская Федерация в цифрах. 2002: Краткий статистический сборник. – М., 2002.

показатели образовательного и научно-технического показателя страны и особенно технический уровень выпускаемой в ней продукции. В России, к примеру, сегодня насчитывается 20 млн школьников, однако, по данным официальной статистики, к 2010 году их число сократится на треть. На нужды образования в настоящее время тратится менее 1% ВВП. Из 3200 вузов и их филиалов около трёх тысяч (...подавляющее большинство! – как выразился ректор МГУ В. Садовничий) дают так называемое лёгкое образование⁸⁹, формально выполняя государственные стандарты, однако в целом не обеспечивая высокое его качество. Число занятых в науке и в научном обслуживании России по-прежнему огромно: на конец 2001 года – почти 400 тысяч человек. Для сравнения следует указать, что в 1993 году оно составляло 1,9 млн человек, в том числе специалистов, выполняющих НИОКР, то есть научных работников, почти 0,7 млн человек. Сегодня число собственно научных работников точно неизвестно, так как при общем сокращении занятых в научной сфере доля административного и управляющего состава (бухгалтеров, управделами, шофёров, менеджеров) за годы реформ резко возросла, а они учитываются статистикой в числе учёных. Однако считается, что доля работников в структуре занятости с начала 1990-х годов осталась почти неизменной – около 3%, что объясняется опережающим ростом безработицы в других секторах по сравнению с наукой, менее подверженной кадровым подвижкам.

Для характеристики состояния дел, с точки зрения международных сравнений, следует иметь в виду, что в 1990 году число занятых в НИОКР в СССР было сопоставимо только с численностью специалистов, ведущих НИОКР в США (около 0,95 млн человек). Считается, что и в настоящее время Россия по численности специалистов, ведущих НИОКР, по-прежнему входит в первую пятёрку стран мира, но уже существенно уступает США. Есть и другая тревожная тенденция. Если в 1990 году доля расходов на НИОКР в ВВП России составляла 2,1%, а в 1992 году – уже 1,2%, то в начале 2002 года на эти цели бюджет выделил менее 0,5%. Для сравнения: в США, Японии и Германии эта величина колеблется в пределах 2,5 – 3%. Заработная плата научных

⁸⁹ См.: Итоги. 2002. 21 января.

работников всё больше отстаёт от средней по нашей стране: 1991 г. – 94, 1993 г. – 67, в 2001 г. – 55%⁹⁰.

Таким образом, одним из основных факторов, способствующих снижению численности занятых в науке и научном обслуживании, является сокращение реальных российских расходов на НИОКР.

Отчасти это объясняется трудностями финансирования российского образования и науки. В отличие от США, Японии и Германии, где на государственный бюджет приходится соответственно 50, 30 и 40% совокупных расходов на НИОКР, в России традиционно подавляющая часть этих расходов – госбюджетная. Предприятия, как частные, так и те, контрольный пакет которых принадлежит государству, очень скупо финансируют не только научные разработки, но даже подготовку и переподготовку собственных кадров. Правда, расходы на информационные нужды (закупку компьютеров, подключение к Internet) у них относительно высоки. Проблема в том, что эффективность информационных вложений далека от желаемого состояния. Поэтому смягчение проблемы госбюджета в России может смягчить и проблему финансирования науки и образования. Однако подъём мировых цен на нефть и другие традиционные статьи российского экспорта, обеспечив существенно лучшую наполняемость российского бюджета в начале XXI века, не привел, к сожалению, к увеличению финансирования этих целей развития, что, безусловно, отрицательно сказывается на перспективах нашей страны уже даже в самом ближайшем будущем. Остаётся надеяться, что провозглашение осенью 2005 года президентом В.В. Путиным четырёх стратегических программ общегосударственного значения, среди которых достойное место занимает и программа «образование», сможет переломить негативную тенденцию развития.

С точки зрения стратегических задач развития России, существенным минусом является избыточная концентрация образовательных, научных, информационных ресурсов страны в четырёх сравнительно небольших географических районах – Москве и Подмосковье, Санкт-Петербурге и его окрестностях, Новосибирске, Екатеринбурге. При этом на первые два приходится более 60% всего научного потенциала страны. Подобное положение, хотя и не в

⁹⁰ Российская Федерация в цифрах. 2002. Краткий статистический сборник. – М., 2002; Экономика внешних связей России. – М., 1995. С. 5.

столь выраженной форме, было характерно для советского времени. А вот другая диспропорция – перекос НИОКР в сторону военных, космических, ядерных и машиностроительных исследований – почти что преодолён, но не за счёт ускоренного развития гражданских направлений НИОКР, а путём тотального недофинансирования и сворачивания разработок, связанных с обороной.

Однако главная проблема российской науки – это её недостаточно высокая отдача, особенно прикладных исследований, проводящихся преимущественно в рамках отраслевых НИИ и вузов. Более жёсткие требования со стороны рынка в сочетании с сократившимся финансированием продемонстрировали, что именно это звено российской науки наиболее слабое. Хотя в настоящее время Россия по-прежнему является и в будущем останется одной из ведущих научных держав мира, она вряд ли сможет вести, как в прежние годы, активные широкомасштабные научные исследования по всему спектру НИОКР. Возможно, следовало бы пойти по пути сокращения этого спектра, добываясь более фундаментальных и эффективных результатов. При этом следует иметь в виду, что, во-первых, увеличится зависимость России от результатов НИОКР других стран, а с другой стороны, в принципе может привести в будущем к увеличению доходов от экспорта результатов тех НИОКР, в которых страна будет активно специализироваться.

К сожалению, великие традиции и достигнутые успехи в области образования и науки ещё не гарантируют долговременного успеха в будущем – здесь обязателен постоянный поиск наиболее эффективных форм и методов обучения. **В свете этих задач важно помнить о том, что образование играет исключительно важную роль в ускорении темпов социально-экономического развития общества.** С точки зрения стратегических интересов государства, нельзя забывать, что ныне капиталовложения в образование обеспечивают 23–40% прироста национального дохода. Корпорации, которые видят в затратах на подготовку кадров и развитие человеческих ресурсов инструмент и стратегию обеспечения конкурентоспособности, вполне обоснованно рассматривают их как капиталовложения или как накладные расходы. Многие ведущие мировые компании ведут эти расходы не по правилам традиционной бухгалтерии, а учитывают их как издержки производства, в целом охватывающие стоимостные и производ-

ственные аналитические показатели, а также контроль качества⁹¹. Вывод очевиден: **необходимо расширение капиталовложений в образование, при параллельной и одновременной коренной его реконструкции.**

Являясь важнейшей из инфраструктур технологического развития, высшая школа сама должна быть переведена на базу новой, индустриальной информационной технологии. Подобно тому, как в промышленности подготовка к выпуску продукции мирового класса требует увеличения капиталовложений в научные исследования, так и высшая школа, являясь сферой массового индустриального и постиндустриального производства специалистов, нуждается в солидных инвестициях в своё научное, материально-техническое и кадровое обеспечение. Но, как и в секторе реальной экономики, расширение вложений в сферу образования оправдывает себя лишь тогда, когда ресурсы будут вкладываться не в механический рост числа вузов, студентов и преподавателей, а в реконструкцию всей системы образования, связанную с её переходом на интенсивные формы и методы обучения.

Массовость высшего образования стала сегодня не только социально, но и технологически детерминированной: на передовых предприятиях, например электронной и аэрокосмической промышленности, доля научного и инженерного персонала составляет около 25% от общего числа сотрудников. Такая тенденция диктует необходимость перехода к массовому выпуску специалистов с высшим образованием новой формации, а значит, и к полному использованию демократических принципов и новых технологий в высшем образовании, чтобы способности каждой личности могли быть максимально раскрыты и использованы в интересах общества. Демократичность высшего образования предполагает существование разветвлённой системы учебных заведений разного уровня и различных специализаций без тупиковых ветвей, чтобы на любой ступени обучения имелась возможность для дальнейшего роста личности, чтобы полное раскрытие творческого потенциала каждого индивидуума стало адекватно требованию высокой эффективности высшего образования. Таким образом, понимаемая максимальная эффективность высшего образования возможна при оптимальном сочетании всех

⁹¹ См.: Garrick J. Informal Learning in the Workforce: Unmasking Human Resource Development. L., N.Y., 1998.

его составляющих: уровня знаний студентов, квалификации преподавателей, материально-технического оснащения и финансирования учебных заведений, полном учёте в их повседневной деятельности достижений информационных технологий.

Реальная, планируемая на ближайшее время технологическая основа системы образования – это компьютеры и информационные системы. Если в «докомпьютерную эпоху» способность быстро и чётко воспроизводить полученные знания и навыки расценивалась как главное качество специалистов, то есть его ведущей моделью был «идеальный исполнитель», то сегодня для эффективной работы в компьютеризованных системах требуется человек творческого, а не репродуктивного склада мышления. Это требование ещё не нашло адекватного отражения в образовании. Нынешние учебные планы и программы, жёсткая регламентация процесса обучения в вузах не формирует у будущего специалиста систему мышления и умение работать с информацией – они в большей степени нацелены на овладение определённой системой знаний и навыков. Можно даже говорить об устаревании и даже исчерпании возможностей модели **гумбольдтского университета**.

Современный, прежде всего европейский, а значит и российский университет, как центр получения высшего образования по своим основным сущностным признакам был основан на интеллектуальной деятельности немецких философов от И. Канта и И. Фихте до Вильгельма фон Гумбольдта. Эта концепция родилась одновременно с подъёмом национальных стремлений и повышением значения государства в XIX веке, о чём уже говорилось выше в соответствующей главе. Вместе с тем, между властью и знанием существовала негласная договорённость, с одной стороны, исходящая от учёных с беспрецедентными институциональными возможностями, которыми обладали личности, названные выше, а также некоторые другие. В России, например, к таковым следует отнести М. Ломоносова, Д. Менделеева, П. Чебышева, Н. Лобачевского. С другой стороны, эта негласная договорённость обязывала учёных, в свою очередь, поддерживать национальную культуру и помогать в формировании национальных символов, граждан своих государств. Другими словами, **в основе формирования современного института университета до сих пор лежит союз между современным знанием и современной властью**.

Место, социальная функция и роль университета как одного из наиболее значительных институтов современности были в своё время ясно определены. Но в настоящее время всё более настоятельным становится вопрос: какое место университет должен занимать в обществе в действительности, когда само общество изменилось? У. Ридингс в своих поразительных размышлениях относительно «постисторического университета писал: «Более широкая сегодняшняя социальная роль Университета как института сделала его теперь неуловимым. Отныне неясно, ни какое место занимает университет в рамках общества, ни какова истинная природа этого общества»⁹². Шаг за шагом, по мере происходящих в сегодняшней мировой экономике и политике структурных изменений, становится понятной необходимость изменения местоположения и сущности университета в социальной жизни общества. Эти изменения детерминируются реальными процессами современного мира, в котором капитал, товары, технология, информация и люди пересекают границы повсеместно и постоянно способами, которые были невообразимы ещё несколько лет назад. Всё более ясно, что университет в его современном виде, концептуализированный и предложенный миру в XIX веке немецкими мыслителями, является культурно-историческим продуктом, поэтому «глобализация, возможно самая главная проблема, вставшая перед университетом за всю его долгую историю..., даже более серьёзная, чем поставленная тоталитаризмом в своё время»⁹³.

Эпоха глобализации зримо воздействует на высшее образование во всех странах мира, в том числе и в России. Причём речь идёт не только и не столько о самоочевидных последствиях процессов глобализации, сколько об изменении самой внутренней парадигмы университетского образования, то есть о возникновении в высшей школе новых образцов, ориентиров и мотиваций.

Во-первых, речь идёт об изменениях базовых парадигм восприятия мира, связанных с процессами глобализации (в данном случае это повсеместное преобладание перемен над состоянием стабильности, своего рода сокращение географических пространств, новые типы взаимодействия локальных и глобальных

⁹² Readings Bill. The University in Ruins. Cambridge: Harvard University Press, 1996. P.2.

⁹³ Scott Peter. Globalization and the University. – Budapest, 1999. P. 35.

практик, возникновение горизонтальных сетевых структур, виртуализация многих сфер жизни, гибридизация культурных феноменов и др.) привели к формированию **концепции знания**, существенно отличной от предшествующей. При более детальном рассмотрении это позволяет говорить о кристаллизации **нового типа университетского образования**, преобразующего все составные компоненты университетской структуры и превращающего университет в нечто иное по сравнению с его привычным образом. Если прежде знание, наука опирались на просветительскую картину мира и рассматривались в основном как абсолютная и безбрежная ценность, то отныне возобладало понятие «**полезного знания**», то есть знания, ограниченного в принципе, сфокусированного на конкретике и нацеленного на результат, приносящий немедленную экономическую отдачу.

Это приводит к «перенастройке» основных параметров и всей системы университетского образования, а также влечёт за собой развенчание образа учёных (и преподавателей) как людей, приобщённых к недоступным другим истинам, а стало быть, и постепенное превращение их в группу экспертов, ничем не отличающихся от других субъектов рыночных отношений. Всё это означает постепенное превращение университетов из храмов науки в **marketplace** в самом широком смысле слова.

Совершенно реальной становится тенденция: вступление университетов в эпоху глобализации способствовало возникновению разнообразных виртуальных форм знания и образования, противостоящих фундаментальности в традиционном смысле этого слова. Доминирование хорошо обоснованных теорий исчезает, уступая место искусственно гибридизируемым форматам практических навыков и технологий с ограниченной зоной социальной ответственности. При этом следует иметь в виду, что подобные гибриды – яркие по форме, привлекательные, хорошо «упакованные» – легко разрушаются, распадаются на составные части, но зато столь же быстро возникают в новой конфигурации. На этом фоне возникает угроза вытеснения фундаментальных знаний на периферию.

Всё больше аргументов становится у следующего утверждения: в век глобализации национальная идентификация постепенно перестаёт быть наиболее важным социальным стержнем, поэтому производство, развитие культуры и внедрение – вот идеа-

лы, стоящие за современным проектом университета, которые перестают быть серьёзными социальными задачами. Традиционная социальная миссия университета как институционального оружия государства неожиданно, после двух столетий культурного господства, оспаривается. Он, судя по всему, во всё большей степени не способен поддерживать роль культурного института, тесно связанного с государством просвещенческой и постпросвещенческой Европы. В современном глобализирующемся мире ссылки на национальную культуру в качестве смысла существования университета звучат всё менее убедительно, в особенности, если считать, что само государство, партнёр и вторая сторона соглашения, несмотря на реальные факты своего прошлого развития, само, то есть его обязательства по отношению к университету, подвержено преобразованию.

Академический мир ясно осознаёт, что уже никогда не вернётся к уровню финансирования университетов, как по естественным, так и по гуманитарным наукам времён холодной войны и периода жаркой межгосударственной и межсистемной конкуренции. Объединённой Европе уже более не нужны узконациональные университеты. В качестве цели преподавания и исследований ожидается скорее унификация, чем изоляция специфических национальных традиций. Естественно, что при этом сохраняется опора на лучшие национальные и исторические достижения в этой области.

Как идея, идея «культуры», и особенно, но не исключительно, «национальной культуры», теряет свою эффективность для функционирования института университета. Это, в свою очередь, означает, что принципиальные основы миссии университетов, механизмов их деятельности и развития, а также их сущностной роли, разработанные, прежде всего, немецкими философами XIX века, должны смениться новыми идеями.

Во-вторых, параллельно этому процессу в мире нарастает другой: происходит **институционализация новой социальной роли университетов**. В течение многих веков университетское образование воспринималось как известного рода священнодействие. И хотя во все времена университеты развивались, в том числе и в экономическом отношении, но просветительская задача распространения разумного, доброго и вечного превалировала над всем остальным. Экономическая сторона университетской

жизни, в основном, сводилась к достойному поддержанию инфраструктуры и созданию кондиций высокого уровня для жизни и работы профессуры. Совершенно иную картину приходится наблюдать в современных условиях. Практически во всех западных странах университеты расстаются с былой исключительной ролью: с них снимается особый статус и происходит приравнивание их к любым иным субъектам рыночных отношений. Безжалостная логика потребительства развивает идею, с удовлетворением встреченную лучшими американскими университетами: «высокое качество обучения», в основе которого лежат самые используемые, хорошо продаваемые и быстро достижимые знания. В современных условиях в США все без исключения (государственные и частные) выступают самостоятельными субъектами на рынке образовательных услуг. Государственная финансовая поддержка даже государственных вузов как на федеральном уровне, так и на уровне штатов покрывает не более 30% всех расходов. Оставшиеся средства должны быть мобилизованы из других источников. Это принципиально меняет природу высшего образования. Отныне оно становится предпринимательством со всеми вытекающими последствиями. Альтернативой может служить только самоуничтожение вуза – точно так же, как это происходит со всеми другими игроками на рынке. Другими словами, **университету как социальному институту в современных условиях свойственен процесс становления бюрократически управляемой, ориентируемой на рынок и индивидуального потребителя корпорации.** «Единственное, чем, видимо, должно заниматься высшее образование, – это продавать товары и услуги на рынке, как это происходит в любом другом бизнесе»⁹⁴.

Эти внешние макроизменения немедленно сказываются и на внутренней структуре университетов, и на характере их образовательной деятельности. Университеты под воздействием внешних факторов преобразуются в экономические корпорации, которые управляются как корпорации особого рода, связанные с производством и распространением знаний. Все звенья университетской структуры самоопределяются по признакам конкурентоспособности и доходности. И хотя эти принципы, применяемые к

⁹⁴ Leslie D.W. and Fretwell E.K. Wise Moves in Hard Times: Creating and Managing Resilient Colleges and Universities. – San Francisco, 1996. P. 31.

управлению университетами, не во всём звучат так же жёстко, как в традиционных корпорациях, суть от этого не меняется.

В широком смысле слова университеты рассматривают корпорации как образец для творческого подражания. Даже в обиходной речи в университетском лексиконе всё чаще встречаются такие выражения, как «корпоратизация», «академические / научное предпринимательство», «студенты как клиенты» и т.д. Это, в свою очередь, влечёт за собой превращения финансирования и построения бюджета в главный рычаг управления всей структурой. Внутренний финансовый контроль и аудит во всех звеньях университетского технологического «производства» превращаются в повседневность. Возникает и такое понятие, как **тотальное управление качеством учебного процесса**, которое, понимаемое как стратегический принцип развития, имеет целью охватить все без исключения ячейки университетской структуры, добываясь от каждой из них самой высокой эффективности.

Факультеты, кафедры, лаборатории, научные центры и даже отдельные профессора рассматриваются теперь сквозь призму привлечения «доходоприносящих» студентов, «внесения в общую копилку» внешних грантов и дотаций, вклада в бренд университета на рынке образовательных услуг. В рамках университета выживает тот, кто не только может произвести новое знание, но и способен выгодно его реализовать на рынке. В этом смысле предполагается, что каждый преподаватель должен иметь хотя бы минимальные таланты в области менеджмента. Чисто академическая стратификация – ученые степени и звания – по-прежнему имеет большое значение, но она не в коей мере не может быть альтернативой тенденции к повышению роли предпринимательских дарований.

Появились и новые роли студентов (магистров, аспирантов). Теперь они выступают в качестве клиентов корпораций, покупателей на рынке общеобразовательных услуг, предлагаемых университетом. И хотя по-прежнему существуют существенные дисциплинарные требования применительно к студентам, но ситуация быстро меняется. Университет-корпорация оказывается как никогда зависимой от своих клиентов – от их запросов, желаний и жизненных целей. «Покупатель всегда прав!» – эта старая истина, приходящая из мира торговли, явственно заявляет о себе в современных университетах.

Поэтому от профессуры и от управляющих требуется овладение «мягкими» технологиями и бесконфликтность в отношениях со студентами-клиентами. Любые проблемные ситуации, возникающие в учебном процессе, заведомо будут разрешаться в пользу студентов по принципу «надо делать так, чтобы конфликт не возникал вообще». Отчисление студента рассматривается как чрезвычайное обстоятельство со всеми вытекающими последствиями. Это – потеря клиента. Студент удерживается всеми доступными методами, чему способствуют многочисленные промежуточные образовательные форматы. Но всё это происходит не за счёт снижения общего уровня требований и несоблюдения образовательного стандарта. Качество образовательных услуг поддерживается на абсолютно высоком уровне, хотя и иными, чем прежде, средствами: прежде всего, за счёт динамичности учебного процесса и наличия многообразных форматов получения знания.

Ныне к управлению университетами и колледжами приходят настоящие менеджеры, хотя и обязательно обладающими академическими степенями и званиями, но профессионально выступающими в совершенно иной роли. Дух менеджеризма пронизывает все звенья высшего образования. Это явление уже привело к двум весьма важным последствиям, значение которых будет только нарастать:

во-первых, обозначились большие потери в областях знания, не имеющих прямой рыночной оборачиваемости. Особенно это актуально для фундаментальных наук;

во-вторых, академические круги университетов воспринимают новое положение как данность, которую нельзя изменить, но в которой можно попытаться найти свою интеллектуальную нишу.

Университет в качестве корпорации стремится задействовать ресурс связи с местными сообществами, называя это «служением обществу». Как бы не был грандиозен университет, стремление решать местные проблемы и быть любимым местными жителями весьма важно (принцип обратного воздействия локального на глобальное). И это стремление – не просто благое пожелание. Оно вполне прагматично. Местные сообщества, обладающие разветвлённой сетевой структурой, могут стать либо союзником университета во всех его начинаниях, либо (в случае конфликта) его значимым противником.

Корпоративная природа нового образования заявляет о себе не только в общих вопросах управления университетами, но и в деле формирования конкретных учебных программ и воздействия на учебный процесс. Наиболее точно это воздействие характеризует понятие «**междисциплинарность**» (Meltidisciplinary and Interdisciplinary), оно является сегодня самым популярным понятием, циркулирующим в университетах. Сутью его является признание того объективного факта, что практически ни один традиционный предмет преподавания или область знания в чистом виде никого не устраивает и, прежде всего, студентов. Постоянно и в большом количестве требуются новые составные образовательные продукты, гибриды, которые в любой комбинации будут содержать компонент бизнес-образования и менеджмента.

Скажем, сейчас в мире мало кого устраивает традиционная фундаментальная социология. Она не собирает необходимого числа специализирующихся студентов. Весьма ограничены возможности применения социологического знания после окончания университетской программы. Всё это означает, что социологические факультеты, например в Дюкском университете – одном из ведущих частных университетов США, уже не могут конкурировать с другими факультетами по числу привлечённых студентов и объёмам внешнего внебюджетного финансирования. Поэтому в этом университете блестящая профессура нашла спасение традиционной факультетской структуры – факультета социологии – в открытии общеуниверситетской и межфакультетской программы: «Организация и мировая конкуренция». В этой весьма успешной на сегодняшний день программе традиционные дисциплины фундаментальной социологии существенно трансформировались, прежде всего, в названиях, в предметы, более привлекательные для студентов и обеспечивающие им будущую работу. Многие естественнонаучные, инженерные и медицинские специальности отныне соединяются с конкретными обществоведческими специальностями в рамках единых образовательных программ с возможностью последующего присуждения учёной степени.

Принимая подобную реальную картину американского университетского образования как данность, нельзя исключить, что в скорой перспективе факультеты, а в России и кафедры, как самостоятельные структурные единицы организации процесса высшего образования начнут отмирать, уступая место динамичным

междисциплинарным программам, открывающимся и закрывающимся в соответствии с запросами внешнего рынка и опирающимся на подвижный состав профессоров, привлекаемых на договорной основе.

В целом при этом следует иметь в виду появление и негативной тенденции: **университеты в современных условиях всемерно снимают с себя груз гарантий и обязательств перед штатным составом профессоров**, приглашая профессору к участию во временных междисциплинарных программах. Несмотря на то, что подобные программы часто весьма успешны в экономическом отношении, они заведомо ограничены по срокам и полностью зависят от рыночной эффективности при минимуме ответственности администрации университета за возможный неуспех в будущем. Это требует и нового типа университетского профессора – умеющего легко перенастраивать своё преподавание, специалиста в нескольких смежных областях знания, находящего контакт с любой аудиторией вне зависимости от уровня её подготовки, владеющего мультимедийными технологиями и полностью интегрированного в систему Интернет.

Однако тенденции к междисциплинарности, динамичности, рыночной ориентированности вступают в конфликт с прежними, традиционными ценностями преподавания в университетах. А поскольку успехи университета-корпорации в большой степени зависят от качественного состава преподавателей, то университеты современного развитого мира в спешном порядке и не жалея средств, организуют программы переподготовки преподавателей по наиболее привлекательным и востребованным рынком направлениям. Фактически речь можно уже вести о развёртывании **тотальной системы «преобразования преобразователей» (re-education of educators)**. Её призваны поддерживать и постоянно открывающиеся новые центры методики преподавания, технической поддержки образования и пр. Это императив, связанный с превращением современного университета в университет-корпорацию. Причём ведущие и лидирующие университеты развитых стран стремятся захватить рынок этих услуг в национальном и даже в мировом масштабе.

Тревожной глобальной особенностью современного этапа развития университетского образования является падение привлекательности для студентов фундаментального знания, прежде

всего, в гуманитарных и социально-экономических отраслях. Его место занимает знание, которое можно определить как «экзотическое», то есть ориентированное на необычность, неповторимость, уникальность и при этом раскрывающие свои новые потребительские качества на рынке профессий. На поиски новых комбинаций и междисциплинарного синтеза направлены основные усилия руководителей академических программ. В известной мере сами фундаментальные знания, прежде всего, в области социально-экономических наук, тоже приобретают экзотический характер, ими занимаются лишь немногочисленные профессора, по разным причинам не вписавшиеся в основной поток корпоративной деятельности, на программы по ним поступает небольшая часть студентов.

Разумеется, внутри корпоративно устроенного университета по-прежнему остаются подразделения и профессура, отвечающие лишь традиционным требованиям и не приносящие прямых доходов корпорации. Их статут и дальнейшая судьба в каждом отдельном случае определяются по-разному. Иногда их оставляют в покое, не требуя практической эффективности, по соображениям престижа университета в целом, особенно если благоприятная экономическая конъюнктура даёт для этого экономические возможности. Но в случае её ухудшения подобные островки «чистой» науки приносятся в жертву в первую очередь. В то же время университет-корпорация по-прежнему выступает в роли центра экспертизы по тем или иным проблемам науки, то есть того, что в развитых странах называют **think tank**. Для поддержания этой ещё чрезвычайно нужной функции университета также нужна узкая, а часто и уникальная (экзотическая), специализация, основанная на фундаментальном знании, но в его, так сказать, точечном варианте.

Корпоративные требования к высшему образованию диктуют необходимость поддержания **университетской инфраструктуры** на высочайшем уровне. Поэтому университеты, прежде всего развитых стран, за последние годы вложили весьма существенные средства в новое строительство, расширение и обновление компьютерной базы, пополнение библиотек, причём не только в традиционном «книжном» их понимании, но и за счет приобретения прав использования компьютерных полнотекстовых информационных баз. Аудиторный фонд и офисные площади фа-

культетов постоянно расширяются. В целом можно сказать, что университеты-корпорации растут быстро – буквально на глазах. Большинство аудиторий в них оснащены мультимедийными средствами и прямым доступом в Интернет. Это стало **своеобразным признаком стиля современного университета**. Особое значение в университетах развитых стран, а теперь уже не только в них, придаётся офисам профессоров. Как правило, каждый профессор имеет свой кабинет, оснащённый компьютером, подключённым к Интернет-сети, множительной техникой и большой личной библиотекой. Своими офисами располагают и профессора, соответствующие российскому уровню доцента. Только младшие преподаватели и аспиранты размещаются по два человека в одном офисе. Практически таков стандарт любого корпоративного университета. Очевидно, что этот стандарт предопределён и интенсивными формами преподавательской деятельности. Без личного пространства, закреплённого за преподавателем, трудно ожидать от него высокой эффективности преподавания, а также соответствия требованиям рациональной организации труда.

Весьма впечатляющих масштабов достигла **компьютеризация**. Во многих университетах современного мира и, прежде всего, его развитой части, доступ студентов и аспирантов поддерживается 24 часа в сутки. Все новейшие программные продукты покупаются или факультетами, или университетом в целом и размещаются в локальной сети. Серверы факультетов и университетов превращены в многоцелевые информационные порталы, обеспечивающие имеющих доступ к ним всем необходимым набором информационных услуг. В каком-то смысле можно говорить о том, что компьютеризация в корпоративном университете достигает своего возможного максимума. Конечно, совершенствование техники и программных продуктов будет происходить и далее, но формы их включения в учебный процесс и в научную работу, как кажется, уже достигли полного раскрытия.

Особого упоминания заслуживают **мультимедийные средства в аудиторном преподавании**. Психология восприятия, присущая современным студентам, подразумевает усвоение информации в основном визуальными рецепторами. Преподавательские стратегии динамично отозвались на это. Теперь без поддержки программой Power Point или технологии Black Board не читается ни один курс. Речь идёт не о визуализации тех или иных мате-

риалов, а о существенном их переструктурировании в связи с включением в процесс визуализации. Иными словами, с помощью программы Power Point не просто размещают картинки на экране монитора или большом экране, требуется совершенно новый взгляд на концепцию лекции, её структуру, тезисный характер изложения материала, включение звуковой дорожки, видео и пр. Все материалы курса размещаются на сайте профессора, к которому студенты имеют круглосуточный доступ; там они также общаются со своим профессором, оставляют ему послания и готовые письменные работы. Многие лекционные курсы оцениваются студентами в основном со стороны зрительного эффекта и более высокие рейтинги получают профессора, удачнее визуаль-но преподносящие свои курсы.

Следует отметить несколько конкретных перспективных тенденций развития современного университета:

- отношение студентов и их родителей к университетскому образованию становится всё более потребительским. Большое значение приобретают такие компоненты выбора университета, как широко известный бренд, красивый и убедительный каталог, хорошая реклама, наличие современного сайта и т.д. Кроме того, а может быть и в первую очередь, принцип «цена – качество» превращается в ведущий критерий в определении высшего учебного заведения будущим студентом и его родителями. Университет должен быть **мегамаркетом потребления знания** со всеми вытекающими последствиями;

- для большинства современных студентов университетское образование потеряло характеристику «судьбоносности» (экзистенциальности). Обучение в университете – всего лишь эпизод в их жизни, развёртывающийся наравне с другими, не менее важными эпизодами: параллельная работа, личная жизнь, наполненная удовольствиями потребительского общества;

- университет должен быть удобным, то есть от него требуется, безусловно, хороший сервис во всех инфраструктурных основных компонентах: доступность и инвайронментальная дружелюбность (хорошее расположение кампуса в городе или пригороде, удобная парковка автомобилей, развитая природная среда, комфортность и экологичность помещений, хорошее питание, наличие торговых точек и индустрии рекреации непосредственно в кампусе и др.). Кроме этого, лёгкая усвояемость предметов,

сквозная ясность состава образовательного продукта с заранее ожидаемыми свойствами (дисциплины, учебные программы, биографии профессоров), полное соответствие требованиям рынка труда и наличие в учебном плане специальных предложений, то есть эксклюзивных предметов, недоступных студентам других вузов. Важна ещё атмосфера праздничности – организация праздников и фестивалей самого различного рода, необременительность университетской жизни;

- университет должен находиться на гребне технического и технологического прогресса, предлагая студентам новейшие достижения в организации учебного процесса и студенческой жизни;

- постепенно всё университетское образование включается в процесс виртуализации, то есть всё больший вес приобретают программы дистанционного образования, телеконференции, образование через Интернет-сайты и т.д. Для любого студента университет и преподаватель, в том числе и профессор, должны быть оперативно доступны. И даже традиционные формы обучения уже не будут мыслимы без максимальной поддержки в Интернете и виртуальных библиотек;

- постепенно трансформируются и другие, казалось бы, вечные формы университетского преподавания. На смену поточным лекциям приходят дискуссии со студентами по типу «ток-шоу», возникает сеть промежуточных форм вовлечения клиентов в университетское образование: семинары для публики и местного сообщества, консультации фирмам и общественным организациям и многое другое. Иногда за участие в этих, чаще всего платных, формах работы могут начисляться кредиты, то есть зачётные баллы, которые в итоге войдут в учебный план, ведущий к получению диплома. За всем этим стоит принцип: все средства хороши для привлечения новой клиентуры, но при соблюдении высокого стандарта предоставляемых образовательных услуг;

- деятельность университета-корпорации имеет чётко регулируемые нормы и принципы. Всё обуславливается контрактами и договорами, за каждой формой взаимодействия со студентами-клиентами стоит юридическое сопровождение;

- университет должен предлагать многочисленные программы за рубежом и иметь свои кампус-базы в различных привлекательных регионах мира. В этом смысле происходит определённое сближение процесса обучения и туризма. Так, Бостонский уни-

верситет (США) имеет программу обучения на океанском лайнере, курсирующем в мировом океане и встающим на якорь в различных портах. Причём речь идёт не об обучении океанологии, а о гуманитарных и социально-экономических дисциплинах. В процессе обучения современные студенты хотят быть в движении, меняя координаты своей географической и социально-культурной локализации.

С окончанием «холодной войны» практически не осталось препятствий, лежащих вне процесса и института образования, стоящих на пути его интернационализации. Университеты многих стран, особенно развитых, приступили к развёртыванию активной международной деятельности, в рамках которой они заинтересованы как в получении дополнительного существенного дохода, таким образом, сокращается их зависимость от всё снижающейся государственной поддержки, так и в утверждении своего профиля на международной арене. Всё активнее используются термины «университет-предприятие», «университет-корпорация», с помощью которых описываются характеристики, присущие современному высшему образованию⁹⁵.

Термин «предприятие» охватывает как экономические, так и академические измерения таким образом, что учёные и исследования выживают, но подчиняются новым системам конкуренции и требуемому коэффициенту полезного действия. «Университет-предприятие» так же много заботится об институциональном престиже, как и о доходе. Однако при этом академические и экономические измерения в нём подчинены чему-то ещё. Финансовые возможности – ключевой момент, но это также средство для выполнения более фундаментальной миссии: **повысить престиж и конкурентоспособность университета** как самоценной конечной цели.

Таким образом, интернационализация образования, кроме логики глобализации общественной жизни и политической ситуации постбиполярного мира, имеет в качестве своего источника стремление к получению новых источников доходов и утверждение свое профиля в мире наряду с повышением репутации. Измерение высшего образования как экспортного предприятия легко

⁹⁵ Marginson S. and Considine M. The Enterprise University: Power, Governance, and Reinvention in Australia. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 5.

оценивается по количеству международных студентов и его влиянию как отрасли на национальную экономику. Например, в Австралии образование находится на восьмом месте среди основных экспортных отраслей национальной экономики, принося ежегодно стране более 3 млрд долларов, что опережает производство шерсти и лишь немного отстаёт от производства пшеницы⁹⁶. Сравнение с доходом от производства шерсти особенно впечатляет в случае со страной, экономику которой десятилетиями «кормила овца»!

При этом необходимо понимать, что, несмотря на всю свою важность, предпринимательский взгляд является одним из нескольких мотивов, побуждающих интересы современного университета к международной деятельности. Дифференцированные академические поиски интернационализации учебных планов, повысившаяся мобильность студенчества и профессорско-преподавательского состава, участие во вспомогательных программах среднего уровня всё это – важные аспекты деятельности современного института высшего образования. Следует к тому же отметить, что деньги, полученные от предпринимательской деятельности, возвращаются в университет с целью укрепить педагогическую, обучающую и исследовательскую инфраструктуру. Тем не менее, предпринимательская деятельность обеспечивает ясное понимание влияния существенных аспектов глобализации на международную систему высшего образования.

Представляется, что понимание всех названных выше тенденций ранее всего пришло в США – стране, система образования которой никогда не была в числе образцовых, но которой путём перекупки лучших достижений мировой науки и привлечением учёных из стран с более эффективными образовательными системами удалось добиться высочайших результатов экономического развития. Осознание стратегической важности образования и науки заставило США сейчас, на пике своего могущества, приступить к реформе системы образования. В январе 2001-го года в первом радиообращении к нации президент Дж. Буш-младший заявил, что отныне роль федерального правительства состоит в том, чтобы ни один ребёнок не был отстающим. Конеч-

⁹⁶ См.: Макбурни Грант. Рычаги глобализации как политическая парадигма высшего образования / Доступно on line [http: // www. aha. ru / ~moscow 64 / educational](http://www.aha.ru/~moscow64/educational) Дата обращения 31 августа 2004 г.

но, эта речь могла бы остаться такими же пустыми словами, как и Декрет президента России Б.Н. Ельцина № 1 «О поддержке науки», однако в следующие четыре года американское руководство сделало очень много для того, чтобы образовательная система страны вышла на передовые позиции в мире.

В основу реформы системы образования США оказались взятые положения, некогда служившие фундаментом реформ советской системы образования в 1930 – 1940-х годах. Конечно, их очистили от идеологического наполнения социалистического государства и внесли поправку на время и различия в общественно-политическом строе. К ним относятся:

- Усиление ответственности за успеваемость учащихся. Теперь штаты, учебные округа и школы, в которых успеваемость возрастёт, соответствующим образом вознаграждаются, а неспособные достичь этого – наказываются.

- Стимулирование тех программ, которые доказали свою эффективность. Федеральные средства в подавляющем объёме направляются на эффективные, научно обоснованные программы и виды деятельности, на развитие школы и повышение квалификации преподавателей.

- Борьба с бюрократией и повышение гибкости системы. Штатам и учебным округам предоставлено больше самостоятельности, гибким стало финансирование на местном уровне.

- Укрепление связей «семья – школа». Родители получают полную информацию о состоянии успеваемости в школе. Учащимся школ, где успеваемость низка, предоставлено право выбора места учёбы⁹⁷.

К концу XX века обозначилось значительное отставание темпов развития образования в Европе от США. Более того, именно эта сфера оказалась практически единственной в жизни континента, которую формальные институты европейской интеграции затронули в меньшей степени или не коснулись вообще. Осознание этой ситуации привело к появлению процесса, призванного вывести систему образования единой Европы на новые, передовые рубежи в мире. Он начался в 1998 году в итальянском

⁹⁷ Турчанинова И.С. Образование как стратегический ресурс информационного общества // Российские стратегические исследования / Под ред. Л.Л. Фитуня. – М.: Логос, 2003. С. 162–163.

городе Болонье и именно поэтому получил название «болонского процесса». Формальное свое оформление он получил уже в следующем 1999-м году, когда в том же городе представители 29 европейских стран подписали одноимённую **«Болонскую конвенцию»**. Ни в коем случае не утрачивая достижений стран Европы в образовательной сфере, члены Европейского союза договорились о создании на континенте единого образовательного пространства, которое будет существовать на основе единых принципов и правил, будет признаваться (уже признаётся) на территориях всех стран-участников конвенции. Можно даже сделать вывод о том, что речь идёт о своеобразном втором издании **«lingua latino»**, то есть о **появлении единого образовательного европейского языка**. С тем лишь отличием, что если в средние века все университеты континента вели образовательную деятельность на едином для всех латинском языке, то теперь речь идет о единых образовательных стандартах, реализуемых по единым правилам, о взаимном признании результатов образования, в том числе и промежуточных, во всех европейских университетах, а с 2007-го года о выдаче единого по форме вкладыша в национальный государственный диплом о высшем образовании.

В октябре 2003-го года в Берлине Россия официально присоединилась к Болонской конвенции. Для подобного решения правительства страны было, по меньшей мере, три причины.

Во-первых, руководство страны исходило из понимания, что именно образование служит одним из механизмов воспроизводства культурных и технологических традиций общества. Обеспечение единства технического и культурного прогресса общества через сферу образования означает, что последнее должно отражать в себе основные особенности современной мировой технологии и воспроизводить их своими специфическими средствами. Иначе говоря, все главные особенности современного этапа мирового развития (его ускорения, научность, повышение роли информационного фактора и веса инфраструктуры, переход от сохранения лучшего к обновлению и т.д.) требуют адекватного отражения в системе образования. **Должно быть понятно, что без тесной связи с мировым уровнем образования, его организационных форм и технологий эту задачу решить нельзя.**

Как считают наиболее крупные специалисты в области систем высшего образования, обеспечить наиболее высокое качество

подготовки специалистов сегодня в состоянии крупные университеты и другие высшие учебные заведения, обладающие большим научным потенциалом, сложившимися связями с сектором реальной экономики и исследовательскими учреждениями, а также с **крупными зарубежными образовательными центрами**. Причём, одной из важных форм связи с последними становится возможность для преподавателей, но, более всего, **для студентов**, реального участия в их учебном и научном процессах⁹⁸.

Существует два организационных пути совершенствования высшего образования: централизованный и децентрализованный. Оптимальное их сочетание заключается, очевидно, в расширении самостоятельности вузов в решении всех вопросов, начиная от содержания части учебных программ для своих специальностей и специализаций и вплоть до определения источников финансирования. Параллельно должны возрасти ответственность университетов за качество «выпускаемой продукции» и централизованный контроль за ним.

Во-вторых, всегда следует помнить, что **образованные люди** – главное условие успеха всех экономических, политических и социальных преобразований в любой стране вообще, в России в частности. Кроме того, в современных условиях нашей страны **образованные люди** – это её главный стратегический ресурс, более важный, чем нефть и ядерное оружие, основа свободы, благосостояния и конкурентоспособности России, а также основа становления и развития правового демократического государства, социально ориентированной рыночной экономики, гражданского общества и международного согласия. Это звучит тем более актуально, если принять во внимание, что за годы реформ в социально-культурном потенциале россиян произошли как некоторые позитивные, так и серьёзные негативные изменения. Откровенно попятные сдвиги наблюдаются в сфере школьного образования. Срок обязательного обучения школьников снижен с 11 до 9 лет. В несколько раз увеличился отсев учащихся из всех классов школы. В 1990-х годах **неполное среднее образование**, называемое теперь основным (?!), получила меньшая часть возрастной когорты, чем 1980-х гг. Резко сокращена сеть малонаполненных сельских школ. В итоге впервые после 1930-х годов в стране появи-

⁹⁸ См.: Винокуров В.А. Развитие технологии и высшая школа / Доступно on line <http://www.vinokur.narod.ru/devtex.htm> Дата обращения 5 сентября 2004 г.

лись подростки не умеющие читать и писать. В то же время крупные городские школы укрепили свою материально-техническую базу, многие из них оснащены современными компьютерами, подключены к Интернету, обеспечивают расширенное преподавание иностранных языков. Так **формируются новые социальные сословия**⁹⁹.

Глубокий кризис переживает российская наука, составляющая фундамент образования, прежде всего, высшего. В 2000 году она получила из федерального бюджета (в постоянных ценах) в 15–18 раз меньше средств, чем в 1985. В период с 1990 по 2000 годы численность научных сотрудников в России снизилась с 2,8 до 1,2 млн человек, а их вклад в мировую науку сократился в десятки раз. Возникла гигантская утечка умов: в середине 1990-х годов из страны ежегодно эмигрировали в среднем 2,2 тысячи учёных. По оценкам Совета Европы, за счёт этого фактора Россия ежегодно теряет десятки миллиардов долларов. Между тем, на эмиграцию за рубеж приходится всего 10% учёных, покидающих сферу науки, остальные 90% находят лучшую работу в других отраслях¹⁰⁰.

Всё это означает, что, **в-третьих, образование**, наряду с наукой и информатизацией общества, – **это важнейший стратегический ресурс развития любого государства вообще, российского в частности**. Необходим незамедлительный переход системы отечественного образования из режима выживания, на который она была обречена в последние годы, в режим эффективного обновления, приоритетного структурного и инвестиционного развития всей образовательной сферы.

Для этого в России есть необходимые условия и ресурсы: богатые традиции и авторитет русской культуры и образования, высокий нынешний образовательный ценз россиян, всё еще сохраняющаяся широкая доступность общего образования, обозначившийся рост престижа хорошего образования среди молодёжи, в семьях, на предприятиях государственного и частного сектора. Стране необходима **специальная целевая, государственная программа** приоритетного инвестиционного развития и модер-

⁹⁹ Заславская Т.И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе // *Общественные науки и современность*. 2005. № 4. С. 18–19.

¹⁰⁰ См.: Наука России в цифрах. 2000: Статистический сборник. – М., 2000. С. 40, 44.

низации всей сферы образования как основы постиндустриальной модернизации и развития общества и российского государства. Для решения проблемы развития образования как глобальной Россия имеет все необходимые условия и предпосылки в отличие от ситуации в развивающихся странах, которая и составляет реальную глобальную проблему современности.

* * *

Развивающиеся страны оказались втянутыми в процесс глобализации помимо своей воли, ещё не созрев для полной открытости и столкновения с глобальными проблемами лицом к лицу. Это означает, что они в большей степени подвержены нестабильности, потрясениям, кризисам, возникающим в силу воздействия внешних факторов.

Поскольку развивающиеся страны наиболее зависимы от прямых иностранных инвестиций, ТНК и внешнего рынка, а также от источников технологий и даже от источников развития человеческих ресурсов, их продвижение к экономике знаний неизбежно будет нелёгким. В то время, когда развитые экономики, сталкивающиеся с безработицей, вызванной последствиями деиндустриализации, пытаются стимулировать инвестиции и создание рабочих мест, развивающиеся страны также испытывают нужду в реструктуризации, связанной с происходящими переменами. Развитие человеческих ресурсов и информационных технологий в Азиатско-Тихоокеанском регионе происходит неадекватно и неровно. Реакция стран АТР и использование ими возможностей реструктуризации, позволяющей перейти от производства товаров низкого качества и горизонтального роста к производству, соответствующему глобальным тенденциям, также варьируется. Если развивающиеся страны со вниманием отнесутся к технологиям, глобализации знания, развитию человеческого потенциала, возможно используя при этом прямые иностранные инвестиции и присутствие ТНК, они выдержат курс на промышленную и корпоративную реструктуризацию, экономические реформы и необходимые политические и другие изменения.

Тенденции в трансформациях университетов отражают разрастание мира риска, мира, который бездумно преодолевает, преступает собственную внутреннюю упорядоченность. Однако в том же современном социокультурном процессе накапливаются

новые обретения культуры, которые находят сфокусированное отражение в мире университета. Среди таких обретений возникшие сравнительно недавно и всё глубже определяющие качество современных социокультурных практик синергетический принцип самоорганизации, экологический принцип дополнительности или коэволюции природы и общества. Современный университет также не утратил и даже продолжает развивать и свою внутреннюю состоятельность. Фундаментальный социальный смысл университетской деятельности и сегодня определяет негомогенность, стратифицированность, иерархическую выстроенность внутреннего пространства мира воспроизводства и трансляции культуры. Позиция человека в центре или на периферии университетского пространства зависит от многих факторов. Однако определяющую роль продолжает играть основной системообразующий признак, который «стягивает» мир университета, не позволяет ему рассыпаться, раствориться во внешнем мире. Этот признак – духовная жизнь. Именно стремление к творчеству, трудящаяся над собой душа, работающие ум и чувства – главные, атрибутивные условия оформления мира университета, университетской жизни.

На протяжении всей своей истории – вплоть до конца XX века – мир университета был очень невелик по объёму, но это не мешало ему быть заметным, влиятельным в социальном мире в целом. Напряжение пульсирующей в нём духовной жизни распространялось далеко за пределы университетских городков и позволяло отражать социальное развитие. Сегодняшнее изменение мира университета является отражением и следствием поляризации, рестратификации мира общественной жизни в целом. Университетская жизнь развивается изоморфно социальной жизни – по тем же линиям. Однако современное предбифуркационное состояние мира университета ведёт ко всё большим сложностям в его функционировании как зеркала социокультурного прогресса. Не только противоречива и непрозрачна отражаемая в нём социальная жизнь. Мутное отражение определяется состоянием и самого «зеркала». Среди участников университетской жизни, внутри переживающего бум, гиперрастущего мира университета оформляется, крепнет сила неповиновения спонтанности и неподчинения хаосу. Это сила рефлексии, анализа ради оптимизации предстоящего выбора нового порядка организации мира уни-

верситета. Это сосредоточение является неременным условием выживания человечества.

Контрольные вопросы

1. Образовательный уровень населения Земли к концу XX века.

2. Глобализация процессов образования и становление единого образовательного пространства: Лиссабонская и Болонская конвенции – их роль и значение в этом процессе. Позиция Российской Федерации.

3. Единое европейское образовательное пространство и США как «мировой университет»: российский выбор.

Тема 8. ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО И ЕГО ИНФОРМАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА. АНТИГЛОБАЛИЗМ VERSUS ГЛОБАЛИЗАЦИЯ. «ЗОЛОТОЙ МИЛЛИАРД» И ЕГО ПРОТИВОРЕЧИЯ С ОСТАЛЬНЫМ ЧЕЛОВЕЧЕСТВОМ

В 1959-м году профессор Гарвардского университета Даниел Белл, выступая на международном социологическом семинаре в австрийском городе Зальцбурге, впервые употребил понятие **«постиндустриальное общество»** в широко признанном теперь значении – для обозначения социума, в котором индустриальный сектор теряет ведущую роль вследствие возрастающей технологизации экономической жизни, в которой основной производительной силой становится наука. Потенциал развития этого общества во всё возрастающей степени определяется масштабами информации и знаний, которыми оно располагает. Термин, обозначающий это понятие и это явление, акцентирует внимание на том основном качестве, которое преодолевается в формирующемся обществе, а именно на индустриальной природе прежнего способа производства. Кроме того, использование этого понятия предполагает, пусть в неявном виде, что определяющие признаки нового строя пока невозможно чётко назвать и достаточно полно описать. Именно поэтому данный термин стал с середины 1970-х годов употребляться гораздо чаще прочих. В немалой степени его широкому признанию способствовал выход в свет в 1973-м году книги Д. Белла «Грядущее постиндустриальное общество»¹⁰¹, которая и по сей день служит глобальным обоснованием методологической парадигмы этой теории. Идея рассмотрения формирующегося общества как постиндустриального была подхвачена в этот период представителями самых разных научных школ.

Исследования Д. Белла, Г. Кана, К. Томинаги, Р. Дарендорфа и некоторых других авторов привели политическую и экономическую элиту к глубокому осознанию радикально изменившегося характера современного общества. Основу этих изменений боль-

¹⁰¹ См.: Bell D. The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting. – N.Y., 1973; Белл Даниел. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М., 1999.

шинство исследователей видят в повышении роли науки и беспрецедентных технологических сдвигах. Несмотря на то, что акценты неоднократно смещались и в центре внимания оказывались иные, как правило, более частные аспекты современной трансформации, глубина понимания концепции постиндустриализма постоянно росла.

Так, можно утверждать, что 1980-е годы прошли под знаком осмысления социальных последствий постиндустриализма; в это время в центре внимания находились вопросы классового конфликта и анализ экологических проблем. В 1990-х появилось множество работ, посвящённых организации работы корпорации в постиндустриальном обществе, инвестиционным процессам и взаимодействию развитых стран с «третьим миром». Начавшееся первое десятилетие XXI века, безусловно, ещё более расширит спектр проблем, рассматриваемых с позиций постиндустриальной теории.

Тем не менее, следует выделить **критерии**, на основании которых постиндустриальное общество отличают от индустриального и доиндустриального:

- **по основному производственному ресурсу** – в постиндустриальном обществе им является **информация, знание**, в индустриальном – **энергия**, а в доиндустриальном первичные условия производства и **сырьё**;

- **по типу производственной деятельности**. Он рассматривается в постиндустриальном обществе как **последовательная обработка** (processing) в противоположность изготовлению (fabrication) и **добыче** (extraction) на более ранних ступенях развития;

- **по характеру базовых технологий**. В постиндустриальном обществе они определяются как **наукоёмкие**, в эпоху индустриализма – как **капиталоёмкие** и в доиндустриальный период – как **трудоёмкие**.

На этом основании можно сделать вывод, согласно которому доиндустриальное общество базируется на взаимодействии человека с природой, индустриальное – на взаимодействии с преобразованной им природой, а постиндустриальное общество – на взаимодействии между людьми.

Очень интересной представляется сформированная не так давно на этих наблюдениях **теория когнитивной (познаватель-**

ной) эволюции¹⁰². В данной теории считается, что каждая историческая эпоха рождала свои доминирующие способы приобретения знаний. В **античные времена** приращение знаний осуществлялось через соизмерение разных сущностей (геометрия, музыка, философия и т.д.), так что это время могло быть названо «эпохой соразмерности». В **средние века** в фокусе познания находились идеологические основы мышления людей, и основными методами познания был допрос, дознание (эпоха единомыслия или единознания). Для **Нового времени** источником знаний стало узнавание с помощью наблюдения (для социальных структур – опроса). Главное здесь – вопрос о соответствии поведения индивида принятым в данном сообществе институтам. Такая эпоха может быть охарактеризована как эпоха соответствия. В **постиндустриальном**, текущем и видимом обозримом периоде времени основным содержанием когнитивной деятельности является познание, то есть построение целостной системы знаний, объединённой с системой чувственного и сочувственного восприятия действительности (постижения).

При этом следует иметь в виду, что знания смогут возникнуть как общественно признанные феномены лишь при соответствии их нравственным императивам времени. Здесь, в отличие от индустриальной эпохи, главным становится не соответствие индивида обществу, а напротив, соответствие общества индивиду. Многообразие выступает как основное содержание общественной жизни. В целом можно следующим образом охарактеризовать этапы когнитивной эволюции:

- **Античная цивилизация**: основное когнитивное содержание – соизмерение сущностей. Условное наименование – «**эпоха соразмерности**».

- **Средневековая цивилизация**: основное когнитивное содержание – узнавание. Условное наименование – «**эпоха единознания**».

- **Новое время**: основное когнитивное содержание – узнавание. Условное название – «**эпоха соответствия**».

¹⁰² См. об этом подробнее: Клейнер Г.Б. Становление общества знаний в России: социально-экономические аспекты // Общественные науки и современность. 2005. № 3.

• **Постиндустриальное общество:** основное когнитивное содержание – познание. Условное наименование – «**эпоха индивидуализации**».

Таким образом, процесс динамики общественных структур в период от античности до обозримого будущего может быть представлен в виде следующей последовательности способов получения информации:

Измерение – Дознание – Узнавание – Опознание – Познание

Важно при этом иметь в виду, что только последний способ обретения знаний (познание) имеет отношение к знаниям в узком смысле слова как системе фундаментальных сведений об устройстве естественной природы, артефактов, общества и самого человека. Необходимое условие движения к обществу знаний – создание условий, когда для взаимоотношений между теорией, политикой и социально-экономической практикой налажены правильные взаимоотношения. Это предполагает:

- рефлексию теории, то есть самооценку результатов развития науки и осознание границ сферы применения того или иного её положения;
- осмотрительность реальной политики, осознание ограниченности её возможностей по изменению ситуации;
- многообразие и многовариативность реальной социально-экономической и политической практики.

При ответе на вопрос, каким будет способ получения и использования знаний в ближайшем будущем, имеет смысл различать две стадии развития информационной цивилизации¹⁰³. На **первой стадии**, которую можно назвать **информационной эрой**, основную роль будут играть глобализационные процессы, как в сфере коммуникаций, так и в сфере перемещения материальных, трудовых и финансовых ресурсов, а также в области культурного и идеологического трансферта. При этом, **с одной стороны**, глобализационные процессы способствуют унификации общедоступного знания, когда каждый индивид получает слабо ограниченный доступ к мировым информационным хранилищам. Движение жилищного строительства в сторону «умных жилищ» позволит фиксировать, а следовательно, и контролировать не толь-

¹⁰³ См.: Иноземцев В. Парадоксы постиндустриальной экономики // Финансист. 2000. № 4.

ко все аспекты фактического поведения, но и определять, и прогнозировать индивидуальные потребности каждого человека, находящегося в расширяющейся зоне электронного наблюдения. Доминирующим способом получения знаний станет **опознание**, то есть идентификация субъекта (группы, коллектива и т.п.) по отношению к известным типовым траекториям и характеристикам поведения.

С другой стороны, неизбежные антиглобализационные тенденции будут развиваться на базе создания информационно непрозрачных анклавов в мировом информационно-институциональном пространстве. Эти анклавы будут действовать на уровне отдельных государств или их групп, а также идеологических движений – партий, религиозных образований и т.п. Таким образом, здесь будут действовать противоположные глобализационным локализационные процессы. Здесь понятие опознания, идентификации новой информации с уже известной теряет силу, и осуществление власти требует иных информационных средств.

Расширение антиглобализационных процессов станет, по всей вероятности, прологом к наступлению **второй стадии** информационной эры, которую можно назвать собственно **цивилизацией знаний**. В этой связи в понятие **информационной цивилизации** вкладывается вполне определённый смысл: «период с повышенной ролью **данных** в политических и социально-экономических процессах», в то время как **цивилизацию знаний** следует воспринимать как «период с повышенной ролью **знаний** в политических и социально-экономических процессах». На этой стадии информационной эры главным инструментом приобретения знаний станет собственно **познание**, то есть процесс личного и институционального освоения информации, соединение новой информации в рамках метаинформационных структур.

Общепризнанным считается, что становление нового общества пришлось на период с начала 1970-х до конца 1980-х годов, хотя отдельные тенденции (например, динамика занятости, обеспечившая доминирование сферы услуг над материальным производством) стали формироваться сразу после второй мировой войны. Преодоление индустриального общественного уклада следует рассматривать при этом как глобальную трансформацию, не сводимую к одним только технологическим нововведениям. Не отрицая наличия классовых противоречий, постиндустриальная

теория акцентирует внимание на процессах, которые воздействуют на социум как на единое целое.

Становление концепции постиндустриального общества началось с оценки реальных явлений, кардинально изменяющих лицо западного мира. С момента своего возникновения и по сей день, постиндустриальная теория сохраняет последовательно материалистический характер, черпая новые источники своего развития в конкретных фактах и тенденциях. В рамках данной концепции эмпирический материал всегда был и остаётся первичным по отношению к теоретическим постулатам и общеметодологическим конструкциям, что выгодно отличает её от других современных обществоведческих теорий.

Акцент, который был сделан постиндустриалистами на технологическом прогрессе и кодификации теоретического знания как определяющих факторах формирования нового общества, закономерно привёл к становлению теорий, в которых именно эти факторы подчёркивались ещё более и переходили в разряд не только системообразующих, но единственно достойных внимания черт современного общества. Среди подобных теорий наиболее заметной и стала концепция **информационного общества**. В целом она, как и постиндустриальная доктрина, лежит в русле того философского направления, в котором эволюцию человечества принято рассматривать сквозь призму прогресса знания.

В начале 1970-х годов многие исследователи пришли к сходным выводам, которые, в общем, сводились к следующему: в новых условиях культура, психология, социальная жизнь и экономика формируются под воздействием техники и электроники, особенно компьютеров и коммуникаций. При этом производственный процесс более не является основным решающим фактором перемен, влияющим на нравы, социальный строй и ценности общества¹⁰⁴. Тогда же стала развиваться позиция, согласно которой знания, как в марксистской теории труд, способны обеспечить создание и самовозрастание стоимости, а информатизация является ничем иным, как быстрым замещением труда знаниями.

Термин «**информационное общество**» был введён в научный оборот в начале 1960-х годов фактически одновременно в США и Японии Ф. Махлупом и Т. Умесао, авторами, получив-

¹⁰⁴ Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. – М.: Логос, 2000. С. 19.

шими широкую известность своими исследованиями динамики развития наукоёмких производств¹⁰⁵. Теория же проблемы, обозначаемой этим термином, представляет собой анализ роли информации в современном хозяйственном развитии. Его результатом стала трактовка информации как специфического ресурса, не обладающего большинством характеристик, свойственным традиционным факторам производства, а её распространение тождественно самовозрастанию, что исключает применение к этому феномену понятия редкости. Потребление же информации не вызывает её исчерпаемости как производственного ресурса. Вершиной сегодняшнего уровня научного знания в этой области стала публикация в 1996 году книги Мануэля Кастельса «Информационная эпоха»¹⁰⁶, в которой проанализирована сущность общественных процессов на рубеже веков и сделаны широкие научные обобщения.

Начиная уже с 1980-х годов, информационный сектор обеспечивает большую часть создаваемых в экономике развитых стран новых рабочих мест. Информационные отрасли, а также компании, специализирующиеся на производстве вычислительной техники и программного обеспечения, развивались наиболее быстрыми темпами и привлекали неизменное внимание инвесторов. Резко возрос спрос на программистов, менеджеров, работников сферы образования, темпы прироста численности этих категорий персонала нередко превышают 10% в год. На потребительский рынок хлынули товары, определяющие его современный облик, – персональные компьютеры, системы сотовой, спутниковой связи и т.д. Информационная революция радикальным образом изменяет технологический базис общественного производства. Объем памяти стандартного компьютерного жёсткого диска за последние два десятилетия XX века увеличился в сотни раз, быстроедействие персональных компьютеров в десятки сотен раз. Никогда ранее ни в одной сфере хозяйства не достигалось подобного прогресса. По компетентным оценкам, совершенствование информационных технологий происходит в 3–6 раз быстрее, чем технологий использования энергии, развитие которых на протя-

¹⁰⁵ См.: Dordick H.S., Wang G. The Information Society: A Retrospective View. Newbury Park-L., 1993.

¹⁰⁶ Кастельс Мануэль. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. – М., 2000.

жении последних трёх десятилетий (с осени 1973 года) находится под пристальным вниманием, как правительств развитых стран, так и мирового научного сообщества. Прогресс в информационной сфере постоянно ускоряется ввиду безграничности спроса на новые технологические разработки. Как показывает практика, каждая новая компьютерная система не только всё быстрее приходит на смену предшествующей, но и обеспечивает себе неоспоримый успех на рынке в более короткие сроки. Так, например, через два года после запуска в серийное производство микропроцессоров Pentium MMX, производимых компанией «Интел», их продавалось ежемесячно почти в 40 (!) раз больше, чем процессоров 486 DX через тот же срок после начала их серийного выпуска¹⁰⁷. Сегодня уже можно говорить о том, что бурное развитие компьютерных технологий создает в постиндустриальном мире не только **новый технологический уклад**, но, скорее, новую **социальную реальность**.

Информация и знания, понимаемые не как субстанция, воплощённая в производственных процессах или в самих средствах производства, а как непосредственная производительная сила, оказываются важнейшим фактором современного хозяйства. Отрасли, производящие знания и относимые к «четвёртому» или «пятому» секторам экономики, становятся ныне «первым» сектором, снабжающим хозяйством наиболее существенным и важным ресурсом. Имея в виду снижение роли и значения вещных факторов производственного процесса, модно говорить о достижении материальным производством некоторого естественного предела своего развития. Сегодня настал тот момент, когда **основными ресурсами общества становятся не труд и капитал, а знания и информация**.

Тем не менее, следует подчеркнуть, что **концепция информационного общества в то же время может и должна рассматриваться как составная часть постиндустриальной теории**. В контексте постиндустриальной методологии многие конкретные тезисы, предложенные в ходе исследования информационного общества, способны углубить наши представления о современном мире.

¹⁰⁷ См.: The Economist. 1997. February 15. P. 106; The Economist. 1999. March 27. P. 120.

Какие же факты реальной хозяйственно-экономической жизни могут явственно свидетельствовать о заявленном выше?

XX век страны постиндустриального мира завершили в условиях внешней и внутренней стабильности, обладая всеми необходимыми предпосылками для быстрого и устойчивого экономического роста. В США 1992-й, а в Западной Европе 1994-й годы стали временем первого очевидного успеха информационной экономики, триумфом «четвёртого» сектора хозяйства. Естественным следствием этого становится сокращение интенсивности потребности в максимизации материального богатства и сокращения доли продукта, предлагаемого к реализации на мировых рынках новыми индустриальными экономикими.

Примерно сходная картина наблюдалась в 1980-е годы, когда мощное развитие сферы услуг снизило потребность постиндустриальных стран в природных ресурсах, что предопределило неудачу попыток развивающихся стран диктовать свои условия странам постиндустриального мира.

Главным ресурсом в новой хозяйственной системе стал **«интеллектуальный капитал»**, то есть способность людей к нововведениям и инновациям. Именно его эффективное использование привело к решению многих проблем и складыванию основных компонентов **хозяйственной революции 1990-х годов**, на вычленении и формулировании сути которых следует остановиться.

Во-первых, современный хозяйственный прогресс определяется, прежде всего, развитием информационных технологий. Именно в этой сфере экономики производится ресурс, для которого не характерна традиционно понимаемая **исчерпаемость**. Сегодня постиндустриальный Запад (в порядке напоминания ещё раз подчеркнём, что речь идёт о социокультурном и экономическом понятии «Запад», а не о географическом) получает реальную возможность вывозить за пределы национальных границ товары и услуги, объём экспорта которых не сокращает масштабов их использования внутри страны. При этом развитие информационного сектора экономики практически не наталкивается на ограниченность спроса, потребность растёт экспоненциально. Темпы подключения пользователей сети «Internet», например, растут лавинообразно: с менее чем 40 человек на тысячу населения 1 января 1997 года до 200 человек в 2001 году. Экспансионистский

характер роста числа занятых в сфере информационной экономики представляет собой одну из наиболее эффективных форм борьбы с безработицей. Занятость в ней в некоторых районах и городах США, например в Лос-Анджелесе и Бостоне, приближается к 90% от общего числа работающих. В период с 1992 по 2005 годы в США в этой сфере будет создано 26 млн новых рабочих мест, что в полтора раза больше за такое же количество предыдущих лет в 1979 – 1992 годах¹⁰⁸.

Во-вторых, информационный сектор обеспечивает экономический рост без пропорционального увеличения затрат энергии и материалов. Правительствами постиндустриальных стран уже одобрена стратегия десятикратного (!) снижения ресурсоёмкости единицы национального дохода на протяжении ближайших трёх десятилетий: потребность в природных ресурсах на 100 долларов произведённого национального дохода должна снизиться с 300 кг в 1996 году до 31 кг в 2025 году.

В-третьих, постиндустриальная система парадоксальна. Её **первый парадокс** состоит в том, что наиболее эффективными становятся вложения в способности самих работников, а это, в свою очередь, неотделимо от личного... потребления. Другими словами, широкомасштабные инвестиции не обеспечивают роста производительности, если они направляются только в сферу технологических нововведений, но поскольку развитие новых технологий определяет, тем не менее, конкурентные способности страны, оказывается, что показатель производительности труда не отражает реальной степени хозяйственного прогресса постиндустриальных держав.

Второй парадокс постиндустриальной системы и её информационной экономики состоит в том, что ни масштабы инвестиций, ни темпы роста производительности не дают оснований говорить как об устойчивости экономического роста, в традиционном его понимании, так и о хозяйственном развитии страны в целом. Сегодня к инвестициям в таком типе хозяйственной системы следует относить и затраты на здравоохранение, образование, жилищное строительство, на всё то, что реально способствует **повышению творческого потенциала человека**.

¹⁰⁸ См.: Иноземцев Владислав. К истории становления постиндустриальной хозяйственной системы (1973–2000 гг.) // Свободная мысль. 1999. № 8. С. 19–40.

В-четвёртых, сущностной чертой происшедшей хозяйственной революции следует считать появление нового качества современных постиндустриальных корпораций. Этот феномен следует одновременно считать и причиной, и следствием изменившейся инвестиционной стратегии. Параллельно, а во многом и на смену **адаптивной модели** рыночного поведения¹⁰⁹ как компании, так и отдельного работника приходит **креативная** (от английского глагола «to create» – творить, созидать) модель. Большая часть работников на ней заняты преимущественно интеллектуальной деятельностью и не случайно получили наименование «**рабочих знания**» (knowledge – workers).

Сегодня основной хозяйственный рост сосредоточен в высокотехнологичных отраслях – производстве компьютерных программ и баз данных, компьютеров и электроники, в сфере телекоммуникаций, в здравоохранении, а также в издательской деятельности, рекламном бизнесе, «индустрии развлечений». Новые процветающие компании действуют главным образом в весьма узких секторах рынка и не только максимально отвечают нуждам клиентов, но и создают, формируют у них качественно новые потребности, серьёзно отличаясь в этом аспекте от промышленных гигантов, ориентированных на массовое производство.

Самые крупные компании индустриального типа уже не контролируют производство в прежней мере: 500 американских компаний, обеспечивавших в начале 1970-х годов около 20% ВВП США, сегодня производят не более 10%. Начиная с 1996 года, более половины экспорта этой страны состоит из продукции компаний, в которых занято 19 и менее работников (!), и только 7% – из продукции компаний, применяющих труд 500 и более человек. Причём динамическая тенденция здесь очевидна: доля первых (креативных) компаний растёт, вторых – сокращается. Причина такой ситуации в исключительном быстром процессе развития новых компаний, действующих, как правило, в наиболее высокотехнологических отраслях. Ещё одним результатом такого развития событий стало то обстоятельство, что сегодня 15 из 20 самых богатых людей США представляют корпорации, возникшие на протяжении последних 20–25 лет – «Microsoft», «Metromedia», «Dell», «Intel», «Oracle», «Viacom», «New World Communications».

¹⁰⁹ См.: Тоффлер Олвин. Адаптивная корпорация // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. – М., 1999. С. 448–462.

В середине 1990-х годов этот бум перекинулся в Европу, и в 1996 году был учреждён европейский фондовый индекс для высокотехнологичных компаний – **EASDAQ**, – в листинг которого первоначально вошло 26 компаний с общей стоимостью 12 млрд долларов. Рост этого европейского высокотехнологичного индекса в последние три года XX века составлял примерно по 100% в год. В Соединённых Штатах Америки листинг аналогичного показателя для США и Канады NASDAQ в конце 1998 года включал 5412 компаний с суммарной капитализацией 2,1 трлн долларов.

Особое внимание следует обратить на то обстоятельство, что эти новые компании обязаны своим феноменальным взлётом нескольким людям или даже одному человеку – их основателям и владельцам, не утратившим контроля над своим детищем. Так, Билл Гейтс владеет сегодня 21% акций компании «Microsoft», цена которых превосходит 82 млрд долларов. М. Делл контролирует примерно одну треть акций компании «Dell» стоимостью около 11 млрд долларов; Дж. Безос заработал себе состояние в 2 млрд долларов в качестве основателя компании «Amazon.com» виртуальной Интернет-компании по продаже книг, капитализация которой приближается к 6,5 млрд долларов. Д. Фило и Дж. Янг стали миллиардерами, будучи совладельцами не менее знаменитой сети «Yahoo», а С. Кейз владеет значительным пакетом акций созданной им «Америка-он-Лайн», рыночная стоимость которой в 2000 году составила почти 30 млрд долларов. Одним из наиболее показательных примеров может считаться успех компании «Комдирект», созданной с целью обслуживания вкладчиков и инвесторов германского «Коммерцбанка»; фактически, не обладая никакими материальными активами, данная компания получила в ходе первичного размещения своих акций в июне 2000 года рыночную оценку на уровне 100 млрд долларов, что существенно превысило капитализацию самого «Коммерцбанка».

Экспансия информационной экономики нарушает традиционную корпоративную логику, меняет ориентиры, которыми компания руководствуется в своей деятельности. Способность использовать информационные потоки, производить новую информацию и обеспечивать её коммерческое распространение становятся главными факторами успеха в современном бизнесе. Свидетельства тому – беспрецедентные успехи корпораций, специализирующихся в сфере производства и обработки данных.

Так, одно только объявление о выходе на рынок программы Windows95 обеспечило такой рост акций «Microsoft», что за несколько дней она по рыночной стоимости обогнала «Боинг» – крупнейшего в то время американского экспортёра. Компании, производственная стратегия которых не исходит из максимального использования интеллектуального потенциала своих работников, оказываются в современных условиях неконкурентоспособными.

Особое значение имеет тот факт, что управление работниками интеллектуальной сферы не сводится к доведению разного рода приказов до персонала, как это делалось в компаниях индустриального типа. В условиях, когда отдельные работники обладают всеми необходимыми навыками для создания готовых информационных продуктов, равно как и возможностями приобретения в собственность всех нужных средств производства (компьютер, телефон и т.д.), объективно складывается ситуация, когда компания больше нуждается в подобных сотрудниках, чем они в ней. В креативных корпорациях всё меньше людей являются начальниками и подчинёнными, а всё больше коллегами. Эта качественно новая степень свободы современного работника делает непригодными принципы управления, сформировавшегося в корпорациях индустриального типа. Это утверждение справедливо даже в том случае, когда значительная часть рыночной стоимости компании определяется интеллектуальным капиталом и не находится под прямым контролем менеджеров. Именно это даёт основания утверждать, что современная креативная корпорация выступает чем-то большим, нежели простой совокупностью составляющих её личностей, а новым императивом социального поведения становится, по словам Т. Парсонса, институционализованный индивидуализм.

Таким образом, основой взаимодействия работников современной компании большинство исследователей называют установившееся между ними **доверие (trust)**, на базе которого и формируется её социальный капитал, основными условиями его формирования и развития являются:

- Корпорация не может существовать вне нового типа поведения персонала.
- Новая хозяйственная система «основывается на технологиях», но складывается из взаимоотношений: она начинается с микропроцессора и заканчивается доверием между сотрудниками.

- Качественно новые взаимоотношения между работниками компании становятся важным фактором повышения не только её конкурентоспособности, но и её рыночной стоимости.

- В той мере, в какой современные корпорации переходят от производства и продажи товаров к реализации услуг и информации, взаимоотношения внутри них становятся вполне очевидным экономическим благом, определяющим их позиции на рынке.

В результате и появилась новая организационная модель, называемая **креативной корпорацией**. Её деятельность организована уже не на основе решения большинства и даже не на основе консенсуса, а на базе внутренней согласованности ориентиров и стремлений. Впервые мотивы деятельности оказываются выше её стимулов, а организация, базирующаяся на единстве мировоззрения и ценностных установок её членов, становится наиболее гармоничной и динамичной формой производственного сообщества. По оценке Ю. Хабермаса, сегодня «деньги и власть уже не могут ни купить, ни заменить солидарность и смысл»¹¹⁰. Новая система мотивации, которая вначале получила название постматериалистической, сегодня всё чаще обозначается уже как «**постэкономическая**»¹¹¹ (**post-economic**) и это отражает углубляющееся понимание того, насколько серьёзно современная система мотивов и стимулов отличается от той, которая ещё недавно казалась незыблемой.

На этом основании можно сформулировать отличия креативной компании от предшествующих ей форм организационно-хозяйственной деятельности.

Они сводятся к следующему:

1. Креативная корпорация преодолевает внешние черты экономической целесообразности и отвечает в первую очередь постматериалистическим устремлениям и идеалам её создателей. Она движима не только стремлением предложить рынку новые товары и услуги, а также продукты, но и ощутить самого себя в качестве творца новой социальной структуры.

2. Креативные корпорации строятся вокруг творческой личности, гарантирующей ей устойчивость и процветание.

¹¹⁰ Habermas J. The Philosophical Discourse of Modernity. Cambridge, 1995. P. 363.

¹¹¹ Тоффлер Олвин. Адаптивная корпорация // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. – М., 1999. С. 457.

3. Успех владельцев креативных корпораций обусловлен отнюдь не тем, что они контролируют большую часть капитала своих компаний, а тем, что как основатели бизнеса, ставшего главным проявлением их творческих способностей, они несут за него высшую ответственность, олицетворяя в глазах общества, в первую очередь, созданный ими социально-производственный организм. Эти люди представляют собой живую историю компании, имеют непререкаемый авторитет в глазах её работников и партнёров. Для них характерно отношение к бизнесу как к своему творению, а отнюдь не только как к своей собственности. В силу этого корпоративная корпорация, как правило, не следует текущей хозяйственной конъюнктуре, а формирует её.

4. Продукция или услуги креативных корпораций чаще всего оказываются наиболее наукоёмкими и качественно новыми; при этом они не принимают форму диверсифицированных конгломератов, а сохраняют узкую специализацию, заложенную в начале их деятельности.

5. Возникновение и развитие креативных компаний не устраняют прежних типов корпоративных структур, подобно тому, как, по словам Д. Белла, постиндустриальное общество не может заместить индустриальное или даже аграрное, а лишь определяет тенденции, углубляющие комплексность общества и развивающие природу социальной структуры¹¹².

6. Креативные корпорации обнаруживают возможность постоянно преобразовываться, давая жизнь новым и новым компаниям. Когда работники персонифицируют определённые процессы, не существует серьёзных препятствий для выделения из компании новых самостоятельных структур, руководствующихся теми же принципами.

7. Роль и значение креативных компаний будет со временем лишь возрастать. Они разительно отличаются от основанных на центральном планировании и безоговорочном подчинении руководству компаний индустриального типа, прежде всего культивируемых сегодня в Азиатском регионе.

Рост конкурентоспособности постиндустриальных стран и особенно США определяется сегодня тремя основными факторами. **Во-первых**, в США и в постиндустриальных странах сосре-

¹¹² Белл Даниел. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М., 1999. С. СХ.

доточен уникальный научно-исследовательский потенциал. Если среднемировое число научно-технических работников в конце XX века составляло примерно 23,5 тысячи на один миллион населения, то в Северной Америке этот показатель превышал 126 тысяч. Эти страны контролировали 87% патентов от общего их числа зарегистрированных в мире в 2001 году. Эти показатели свидетельствуют не только об абсолютном доминировании постиндустриального мира в качестве источника инноваций; они свидетельствуют и том, что США и Западная Европа стали основными операторами того рынка, стоимость обращающихся на котором товаров постоянно растёт.

В сфере производства высокотехнологической продукции развивающиеся страны не способны конкурировать с постиндустриальными, в первую очередь потому, что низкие доходы работников в этой сфере являются не залогом высокой рыночной позиции, а очевидной причиной дальнейшего отставания. Если, например, в Индии заработная плата высококвалифицированных программистов составляет около 6 тысяч долларов в год, то следствием этого становится не высокая конкурентоспособность индийского программного обеспечения, а рост иммиграции индийских специалистов в США. Это и понятно, так как в стране с двумя компьютерами на 100 тысяч населения и количеством телефонов, не достигающим их числа в одном лишь Большом Лондоне, и численностью пользователей Internet в 1500 раз меньшей, чем в США, работники современных высокотехнологических производств не в состоянии реализовать свой творческий потенциал.

Во-вторых, радикально иной характер приобрела инвестиционная деятельность американских и западноевропейских компаний за рубежом. Некоторое сокращение американского экспорта за последние 30–35 лет компенсировало его ростом со стороны зарубежных отделений американских компаний, причём последние на 10–25% ежегодно увеличивают объём средств, направляемых на НИОКР, что более чем в 5 раз превосходило темпы роста данного показателя в самих США. Примерно такая же тенденция характерна для филиалов за рубежом западноевропейских высокотехнологических компаний. Таким образом, относительно низкая цена рабочей силы в развивающихся странах становится ныне не столько фактором повышения их собственной конкурентоспо-

способности, сколько причиной ещё более быстрого роста производственного и научно-технического роста западных корпораций.

В-третьих, происходит быстрый рост внутреннего потребления товаров и услуг в постиндустриальных странах. Причём наиболее быстрыми темпами идёт развитие потребительского рынка и сбыта продукции высокотехнологических отраслей. Сегодня 44% американских семей держат в акциях средства, составляющие около 28% их общего капитала. В результате резкого повышения стоимости акций американских высокотехнологичных компаний финансовые активы национальных инвесторов растут за год примерно на 10 трлн долларов, причём большая часть этих средств реинвестируется на внутреннем рынке. При этом в условиях, когда значительная часть потребительских расходов приходится на приобретение услуг, прежде всего, в здравоохранении и образовании, которые не могут быть импортированы в постиндустриальные страны, вполне естественным образом защищают себя от прежних форм международной конкуренции, обеспечивая себе тем самым дополнительный фактор стабильности своих национальных экономик.

К концу XX – началу XXI века экономическое развитие в постиндустриальных странах серьёзно изменило мировую хозяйственную конъюнктуру, в условиях которой жёсткая конкуренция на рынке массовых потребительских товаров обострилась до предела. Вследствие перехода на самоподдерживающийся тип развития место важнейшего инвестиционного ресурса занял творческий потенциал личности, а внутренние импульсы к максимальной самореализации во многом заменили экономические мотивы деятельности.

Лишённые такой возможности индустриальные страны вынуждены всё более активно наращивать инвестиции в поддержание своей конкурентоспособности. Важными факторами в этих условиях становятся перенесение относительно примитивных производственных операций в менее развитые страны и всё более активная экономия на рабочей силе. Однако это свидетельствует, в первую очередь, о том, что новые центры индустриализма оказываются не в состоянии на равных конкурировать с постиндустриальными государствами.

На протяжении практически всех 1990-х годов фактически не производилось собственных оригинальных технологий, что уси-

ливало их зависимость от западных государств. Избранная ими стратегия требовала непрерывающихся внешних инвестиций, так как внутренний потенциал накопления был фактически исчерпан. Стимулируя искусственное недопотребление ради развития экономики, эти страны резко сужали масштабы своего внутреннего спроса, а нараставший выпуск товаров народного потребления всё более однозначно ориентировался на внешний рынок. Таким образом, индустриальный мир обрекал себя на полную зависимость от Запада, по меньшей мере, в двух отношениях: **во-первых**, достаточно было резкого сокращения спроса со стороны зарубежных потребителей или, **во-вторых**, значительного сокращения экспорта капитала из постиндустриальных стран, чтобы парализовать его хозяйственную систему.

Летом 1997 года обе эти тенденции проявились в полной мере, разрушив надежды новых индустриальных стран на возможность следовать по пути «**догоняющего развития**» и положив начало не столько последнему экономическому кризису XX века, сколько первому потрясению нового столетия, существенно отличному от спадов и депрессий, которые испытывал западный мир на протяжении последних десятилетий.

Оценивая азиатский опыт индустриализации, нельзя не отметить, что хотя каждая страна приступала к модернизации в разное время (Тайвань, Сингапур и Япония – в конце 1940-х годов, Республика Корея и Индонезия – в начале 1960-х, Китай – в конце 1970-х, а Вьетнам и Лаос – в начале 1990-х годов), все они повторили путь, характеризующийся односторонней ориентацией на развитие массового производства. При этом быстрый промышленный рост не имел прочного основания в виде значительного внутреннего спроса. Индустриализация в азиатских странах была начата при крайне низком значении валового внутреннего продукта на душу населения. Как следствие, объём производимой продукции серьёзно превосходил потребности национального рынка. Это обстоятельство с очевидностью указывает на то, что экспорт стал необходимым элементом развития с самого начала рождения этой модели. Выбирая себе нишу в мировом разделении труда, новые индустриальные страны обратились к электронике и машиностроению.

Однако показатели промышленного развития не служат однозначным свидетельством социального прогресса той или иной

страны, если таковой не формирует широкие слои экономически активного населения с высоким уровнем жизни. В Юго-Восточной Азии в течение всего периода ускоренной индустриализации сохранялись крайне низкие доходы работников, причем ситуация усугублялась гигантскими нормами сбережений (до 47% от ВВП), не обнаруживающими тенденцию к снижению. В подобных условиях важным источником хозяйственного роста было непрерывное пополнение рядов фабричных рабочих представителями крестьянства. Естественно, что пока численность занятых в промышленности в общей численности активного населения не выросла до 40 – 50%, не было реальных оснований для роста заработной платы. При этом следует иметь в виду, что средняя продолжительность рабочего времени достигает 2,5 тысячи часов в год, а в европейских государствах она законодательно ограничена 1,5 тысячами часов в год.

Причины такого положения дел коренились в желании азиатских лидеров ускоренно вывести свои страны из доиндустриальной эпохи, опираясь на преимущества типично мобилизационной модели развития. Методами достижения подобных целей были избраны: **во-первых**, сдерживание заработной платы; **во-вторых**, управляемая инфляция, поощрявшая экспорт. Кроме того, **в-третьих**, прямые и косвенные государственные дотации для повышения конкурентоспособности национальных компаний на мировом рынке.

Таким образом, новые индустриальные страны Азии развивались исключительно экстенсивными методами, представляя собой образцовые индустриальные экономики. Эти государства, так же как и Советский Союз в 1950-е годы, добились быстрого роста главным образом за счёт поразительной мобилизации ресурсов. Их развитие, как и развитие СССР в период высших темпов роста, стимулировалось, в первую очередь, небывалым увеличением затрат труда и капитала, а не повышением эффективности производства. Подобная политика не могла обеспечить реального социального благополучия.

Другим важным фактором развития НИС в Азии стал массивный приток капитала извне. Инвесторы стремились максимально использовать преимущества, связанные с дешёвой рабочей силой и привлекательными условиями производства, в силу чего самыми быстрыми темпами росли капиталовложения в наи-

менее развитые азиатские экономики. Однако с течением времени ставка на иностранные инвестиции и кредиты (особенно краткосрочные займы) приобрела эффект пирамиды, которая неизбежно должна была рано или поздно рухнуть.

Драматизм сложившейся ситуации к концу 1990-х годов состоял и в том, что высокие нормы накопления сковывали развитие внутреннего рынка, в результате чего экономики новых индустриальных стран Азии не могли даже поддерживать достигнутый уровень развития без наращивания экспорта и постоянного притока инвестиций извне. Однако возможности мобилизации внутренних ресурсов оказались близки к исчерпанию. Мировой банк оценил потребности Индонезии, Таиланда, Малайзии и Филиппин в области создания современной производственной инфраструктуры в 440 млрд долларов.

Внешняя торговля также не могла стать спасительной панацеей, какой она выступала прежде. Отношения объёмов экспорта к ВВП достигли значений, свидетельствующих о явно гипертрофированной зависимости региона от внешнего рынка. В отличие от развитых, постиндустриальных стран, где доля поставляемой на экспорт продукции составляет 7 – 8%, в новых индустриальных государствах Азии она достигает много больших значений: 21,9% в Индонезии, 24,4% на Филиппинах, 26,8% в Республике Корея, 30,2% в Таиланде, 42,5% на Тайване, 78,8% в Малайзии и совершенно фантастический уровень у Сингапура – 132,9%.

Несмотря на впечатляющий прорыв в ряды индустриальных государств, эти азиатские страны пока не смогли заложить фундамент перехода к постиндустриальному типу развития, предполагающему высокие уровни потребления населения и широкое распространение постматериалистической мотивации.

Не менее острой остаётся зависимость новых индустриальных стран Азии от постиндустриального мира в области **образования**. В условиях низкого уровня жизни образование не воспринимается подавляющим большинством населения в качестве значимой ценности, а творческая деятельность не может стать для неё органичной и настоятельной потребностью. Поэтому во Франции 44%, а в США 65% выпускников средних школ поступают в высшие ученые заведения, а в Малайзии – 12%. При этом большая часть студентов учится в технических вузах и не полу-

чает всесторонней университетской подготовки. Поэтому молодые специалисты с высшим образованием в большей своей части могут успешно работать в сфере использования западных технологий, но не создавать новые.

Сформированная в 1980-е годы тенденция на **обучение студентов за рубежом** также не оправдывает себя: в конце 1990-х годов более четверти южнокорейских, трети тайваньских и 95% китайских студентов, обучавшихся за границей, видя перспективы, открывающиеся перед ними в Европе и в США, не возвращались домой после окончания учёбы.

Таким образом, пример новых индустриальных стран Азии продемонстрировал **системную ограниченность индустриальной модели экономического развития**. Конец же XX века стал не только временем расцвета постиндустриальной цивилизации, но и периодом переосмысления соотношения между ней и остальной частью человечества. Анализ складывающихся тенденций убеждает в радикальном изменении баланса экономических сил на рубеже веков. Основы исключительного положения постиндустриальных государств как никогда прочны, возможности достижения таковых иными странами во многом иллюзорны. Причиной этого стал глобальный кризис индустриальной цивилизации. В последние годы в западных странах сложились все необходимые предпосылки для резкого снижения роли индустриального сектора экономики, а в лице работников интеллектуального труда возник новый класс, способный отодвинуть на позиции малочисленной социальной группы традиционный пролетариат, носителя индустриальной идеологии. Как следствие резко возросла зависимость мировой периферии от центра и тем самым имевшему в прошлом самостоятельное значение промышленному производству нанесён мощный удар в планетарном масштабе. **Роль основного фактора хозяйственного прогресса переходит к информации и знаниям**, обеспечивающим в настоящее время львиную долю успеха той или иной экономики на мировой арене. Именно они сейчас – **стратегический товар**, который пользуется наибольшим спросом и обладает при этом наименьшей ценовой эластичностью. Постиндустриальные страны могут диктовать цены на этот вид продукции, что увеличивает пропасть между ними и остальным миром, где государства, специализирующиеся на производстве промышленной продукции, оказываются в том

же положении, в какое в 1970-е годы попали производители природных ресурсов, наивно полагавшие, что спрос на их продукцию никогда не сократится. Ориентируясь на развитие личностей своих граждан, фактически не ограничивая пределы производительного и непроизводительного потребления, экспортируя товары и услуги, располагаемое количество которых не сокращается при росте объёмов продаж, **постиндустриальные страны находятся сегодня в иной экономической реальности, чем остальной мир.**

При этом не следует забывать, что хотя индустриальные и доиндустриальные порядки повержены, они никуда не исчезли. Большая часть человечества по-прежнему движима экономическими мотивами и занята в аграрном и промышленном производстве. Опыт последних лет со всей очевидностью показал, что соответствующие страны, каких бы видимых успехов они не достигали, не способны на основе собственных усилий войти в сообщество постиндустриальных держав. Более того, сегодня становится ясно, что даже активная технологическая и инвестиционная «накачка» индустриальных стран не делает их постиндустриальными и не порождает нового социального порядка, который устанавливается сегодня в США и в странах Европейского сообщества. При этом расширяется не только хозяйственная, но и гуманитарная пропасть между двумя мирами. Готовность же относительно отсталых стран отстаивать сегодня под лозунгами национальной и культурной идентичности своё право на отсталость, не сильно отличается от той, с какой в XIX веке они защищали своё право называться величайшими державами планеты.

Важнейшей, действительно глобальной проблемой современного мира, и в этом также состоит один из уроков последнего десятилетия XX века, **становится выбор оптимального типа взаимоотношения между постиндустриальным центром и постиндустриальной периферией.** Причина такого положения вещей видится, прежде всего, в той его особенности, в соответствие с которой изменившаяся хозяйственно-экономическая реальность **не дополняется соответствующими переменами в глобальной политической стратегии постиндустриальных стран.** Обособившись и обретя почти полную независимость от монопольных владельцев сырьевых ресурсов (за исключением нефти) в 1970-е годы и от поставщиков дешёвой рабочей силы и массовых потребитель-

ских товаров в 1990-е, западный мир с всё большей охотой даёт себя вовлекать, и вовлекается сам в политические процессы, разворачивающиеся в самых экзотических частях света: Афганистан, Ирак, КНДР, республики бывшей Югославии и т.д.

Однако, как представляется, избранная постиндустриальными странами стратегия относительной хозяйственной самостоятельности должна дополняться следованием аналогичному императиву и в политической сфере. Вряд ли сегодня следует смешивать то, что эти страны **могут сделать** для истинного или кажущегося процветания остального мира и то, что им **следует предпринять** в этом направлении.

Меры, кажущиеся политикам способствующими экспансии постиндустриального порядка: предоставление массовой финансовой помощи Юго-Восточной Азии или военные вторжения в Ирак и Югославию с целью свержения тоталитарного режима, способны в самом ближайшем будущем стать причиной ещё большего отдаления развивающихся стран от Запада и обострения противоречий между ним и остальной частью человечества. Достижение постиндустриальными странами беспрецедентных экономических результатов не должно вызывать у их лидеров головокружения от успехов. Сегодня укрепление стабильности самого постиндустриального мира должно оставаться основным приоритетом их деятельности. Даже военные рейды против С. Милошевича и С. Хусейна не приблизили краха их режимов в той мере, в какой это оказались способны сделать они сами, не способные к построению эффективной экономики.

Никогда ранее социальная риторика и политические действия постиндустриальных стран не были столь несогласованными с тенденциями, задаваемыми реальным ходом хозяйственного прогресса, чем сегодня: **во-первых**, они с достойной лучшей применением активностью пытаются политическими, идеологическими и даже военными средствами установить порядок, с лёгкой руки К. Поппера часто называемый **«открытым обществом»**¹¹³. **Во-вторых**, все основные тенденции их собственного экономического и социального развития свидетельствуют, что последние несколько десятилетий стали периодом быстрого нарастания их

¹¹³ Поппер Карл. Открытое общество и его враги: В 2 т. – М., 1992.

обособленности от остального мира, максимальной замкнутости внутри самих себя.

Хотя некоторые страны Востока (Япония, Республика Корея, Тайвань, Сингапур, а в последнее время и Малайзия, Таиланд, Индонезия) довольно успешно конкурируют с западными странами, однако общий технологический отрыв последних не вызывает сомнений. Страны Запада концентрируются на наукоёмких отраслях «ядра» постиндустриального уклада, а даже самые передовые новые индустриальные страны – в лучшем случае на производстве технического оборудования для информационно-технологического производства. **Догоняющий**, экспорториентированный, прежде всего, на страны Запада **путь модернизации**, которого придерживаются эти страны, не имея возможности пойти другим в силу неравномерности процесса глобализации, в принципе не позволяет им ни серьёзно подорвать, ни оспорить мировое лидерство западных государств¹¹⁴.

Существует единственный успешный пример проведения альтернативной догоняющей **опережающей модернизации**, к тому же совершенной в стране даже географически принадлежащей Западу: речь идёт об **Ирландии**. В течение 1990-х годов экономика этой страны росла темпами скорее азиатскими, чем европейскими. Среднегодовой прирост ВВП за 1990-е годы составил 7,3% при среднем показателе Европейского союза 2,3%. В итоге экономика Ирландии за последнее десятилетие XX века выросла на 88%, британская за это же время на 24%, а итальянская на 14%. При этом безработица на «изумрудном острове» сократилась вдвое, а профицит бюджета превышал ежегодно 1 млрд долларов¹¹⁵. Для описания этого незаурядного феномена исследователи и журналисты не скупятся на эпитеты: «**кельтский тигр**», «**ирландское экономическое чудо**» и т.д.

Однако за этой словесной пышностью стоит вполне осязаемая реальность: на протяжении 1990-х годов такие компании, как «IBM», «Dell», «Fujitsu», «Motorola», «Intel», активно расширялись именно в Ирландии. С 1980 года 40% в производство наукоёмкой электроники в Европе были направлены именно на этот остров. И сегодня одна треть всех продаваемых на «старом кон-

¹¹⁴ См.: Воскресенский Алексей. Китай в контексте глобального лидерства // Международные процессы. 2004. Т. 2. № 2 (май – август). С. 22.

¹¹⁵ См.: Эксперт. 2000. № 21. 5 июля. С. 18–21.

тиненте» компьютеров производятся в Ирландии. Начиная с 1998 года, страна превратилась в крупнейшего в мире экспортёра программного обеспечения. Инвестиции в высокотехнологичные отрасли привели к подъёму и в других отраслях: пищевой, фармацевтической, телемаркетинге и др.

В 1990-е годы Ирландия превратилась в одну из самых модных оффшорных зон, что привлекло международные финансовые институты: «Citibank», «Merrill Lynch», «Daiwa» и т.д. В результате страна за это время привлекла около 25 млрд долларов иностранных инвестиций, что при населении страны в 3,7 млн составило по 7 тысяч долларов на каждого её жителя. Для сравнения: аналогичный показатель за тот же период составил в Великобритании – 2 тыс. \$, во Франции и Германии – 500 \$, а в Испании – менее 200 долларов на душу населения.

Иностранные фирмы производят сегодня 30% ВВП и 40% экспорта Ирландии. Причём производительность труда на иностранных предприятиях в этой стране в три раза больше (!), чем в местных компаниях. Именно поэтому разница между ВВП и ВНП составляет 15% в пользу первого. Можно с уверенностью утверждать, что **в Ирландии иностранные инвестиции сыграли для экономической трансформации даже более значительную роль, чем в странах Восточной Азии.**

Возникает вопрос: почему это стало реальностью именно в Ирландии? Прежде всего, следует назвать такое революционное решение правительства страны, как снижение налога на прибыль до 10%. С другой стороны, это и результат «успехов успеха»: наблюдая впечатляющие результаты деятельности конкурентов, новые иностранные компании открыли свои филиалы в этой стране. И, наконец, в результате целенаправленных действий уже на первых порах экономического рывка удалось сформировать то, чего не было в странах Восточной Азии: **«кластер взаимосвязанных компаний»**, которые поставляли друг другу товары и услуги. Более поздние инвесторы просто присоединялись к уже сложившемуся ядру ирландской экономики.

При этом следует иметь в виду, что все эти иностранные «украшения» остались бы только таковыми, если бы не базировались на основе нескольких **фундаментальных макротенденциях**, обеспечивших Ирландии конкурентные преимущества:

- **Высокая квалификация рабочей силы.** Сегодня в этой стране доля лиц с высшим образованием на 15% выше, чем в среднем по Евросоюзу. Такой результат достигнут благодаря правильно расставленным приоритетам: Ирландия тратит на образование большую долю ВВП, чем любая другая развитая страна. Сегодня 80% людей в возрасте от 18 до 23 лет являются студентами университетов.

- **Благоприятные демографические тенденции,** которые достались Ирландии в наследство от патриархальных времён. Сегодня страна находится в середине демографического перехода; в то время как в прочих странах Европы население резко стареет, на «изумрудном острове» продолжает увеличиваться. К началу XXI века 41% населения страны составляли молодые люди моложе 24 лет, а 62% – это ирландцы моложе 45 лет. На этом фоне произошло массовое вовлечение в экономическую жизнь страны женщин.

- Ирландия является **англоязычной страной с проевропейскими настроениями,** что резко облегчает вхождение в структуры Евросоюза и, прежде всего, прямой доступ на его рынок.

- Наличие **огромной заграничной диаспоры** населения «изумрудного острова». Сегодня только в США 40 млн человек имеют ирландские корни. Это особенно впечатляет, если учесть, что собственное население страны 3,7 млн человек. Эмиграцию из Ирландии удалось остановить лишь в конце XX века и начать привлекать рабочую силу, прежде всего, с ирландскими корнями, из-за рубежа. Постоянный приток рабочей силы способствовал поддержанию низкой инфляции, так как уровень заработной платы рос медленнее, чем производительность труда.

Итак, несмотря на свои малые размеры и своеобразную специфику некоторых макроэкономических тенденций, Ирландия представляет собой уникальный пример проведения **успешной опережающей модернизации,** которая была совершена по западному образцу и поставила страну в ряд постиндустриальных государств.

Структурно-экономическое и финансовое становление незападных (альтернативных) цивилизационных моделей может проходить так же долго, как осуществлялось становление западной (около 400 лет), и быть при этом отнюдь не линейным и не гладким процессом. Демографическое и территориальное «сжатие»

Запада и начавшаяся эрозия мирового лидерства США происходят при сохранении их относительных и абсолютных финансово-экономических, политических и военных позиций, а также – на фоне западной интеллектуальной и культурной «экспансии». Инновационные основы западной цивилизации не подорваны. Страны Азии, и это в них осознаётся, пока не сумели сформулировать альтернативы «западному пути», хотя и пытаются это сделать, а другой путь, предложенный Советским Союзом, в конечном итоге оказался несостоятельным.

Стратегия наиболее успешных развивающихся стран скорее является приспособлением своих культурно-цивилизационных особенностей к реалиям существующей мировой структуры отношений, уже созданной Западом и поэтому приспособленной для его нужд, а не формированием новых структур и «вызовом» Западу «извне» старой структуры.

Россия и постиндустриальный мир. Кризис, в котором сейчас находится наша страна, является гораздо более тяжелым, чем обычный финансовый кризис или традиционная промышленная депрессия. Россия не просто отброшена на несколько десятилетий назад; оказались обесцененными все усилия, предпринимавшиеся на протяжении последнего столетия, для того, чтобы обеспечить ей статус великой державы. Констатация того, что страна сползает на позиции «третьего мира», копирует худшие образцы азиатского коррупционного капитализма и совершенно незаслуженно, можно сказать, даже – ошибочно, представлена на саммитах «большой семёрки»¹¹⁶, чрезвычайно болезненна для российской общественности. Причём эта болезненность обусловлена не столько даже подчёркиванием резкого снижения экономического потенциала страны, сколько содержащимся в такой констатации выводом, что «Россия более не имеет перспектив развития, приемлемых с точки зрения её собственного общественного сознания»¹¹⁷.

На такой вывод наталкивает анализ степени соответствия институциональных и функциональных изменений, происшедших в России в последние 15 лет, движению к обществу знаний. Динамика отечественного запаса знаний – когнитивного ресурса, как принято сейчас говорить. За указанный период времени в России

¹¹⁶ См.: Simes D. After the Collapse. Russia Seeks Its Place as a Great Power. – N.Y., 1999. P. 105, 108.

¹¹⁷ Делягин М.Г. Идеология возрождения. – М., 2000. С. 75.

его объём в целом снизился. Около 300 современных технологий в таких областях, как аэрокосмическая промышленность, производство высокочистых материалов, станков с числовым программным управлением, промышленных роботов, биотехнология утрачены. Не менее 80% станкостроительных предприятий изменили свой профиль. Инновационная активность предприятий близка к минимальной. Утеряно лидерство в освоении космоса, в передовых направлениях физики и математики. Численность специалистов, занятых в науке, снизилась почти вдвое – с 1,5 млн до 800 тысяч человек. По сравнению с 1990 годом объём расходов на науку в стране снизился в 2003 году в 5 раз. Вместо узаконенных 4% ВВП на науку расходуется 1,6%, в то время как в постиндустриальных странах Запада в среднем 4,7%¹¹⁸. По доле высокотехнологичной продукции в экспорте Россия отстаёт от лидера – Республики Кореи – более чем в 4 раза, по росту компьютерной оснащённости населения отстаёт от мирового лидера – США – в 12 раз, по числу опубликованных научных статей Россия отстаёт от Соединённых Штатов в 10 раз.

Ещё более важным отрицательным обстоятельством истекших 15 лет следует признать изменение идеологии населения в отношении деятельности по производству знаний. Престиж науки как «дела жизни» резко упал. В российском обществе культивируется мысль о том, что в России «слишком много» науки и «содержать» её государству «не по средствам». Все фразы, взятые в кавычки, более чем некорректны. Инвестиция в знания – самые выгодные для общества вложения, и средства для этого, в конечном счёте, даёт сама же наука.

В целом можно констатировать, что последние полтора десятка лет отбросили страну далеко назад на пути к «обществу знаний». Россия должна направить вектор своих усилий в том же направлении к «обществу знаний», в каком движется вся современная постиндустриальная цивилизация.

Большинство отечественных экономистов, каких бы идеологических и теоретических взглядов они ни придерживались, сходятся, к сожалению, сегодня во мнении, что Россия является очередным кандидатом на вхождение в группу стран, связавших

¹¹⁸ Клейнер Б.Г. Становление общества знаний в России: социально-экономические аспекты // *Общественные науки и современность*. 2005. № 3. С. 65.

свою судьбу со стратегией **«догоняющего развития»**. При этом следует исходить из понимания модернизации как **социального действия, проистекающего из общественно значимого намерения и направленного на достижение социально-экономических и политических достижений в соответствии с передовыми мировыми образцами**. Стратегической целью реформ в 1990-е годы была именно модернизация российского общества. За основу тогда приняли модель догоняющей модернизации, которая в своих крайних проявлениях – социальных, экономических, цивилизационно-культурных – представляла собой вестернизацию при экзотическом смешении стилей «дикого Запада» и «варварского Востока»: уродливый симбиоз абсолютной рыночной свободы (стихии), бюрократизма и коррупции в условиях фактически приватизированного государства. Реальным результатом применения такой модели стала демодернизация, отказ от уже достигнутых модернизационных достижений в сфере производства, образования и культуры.

Дальнейшее продвижение России по пути реформ остро нуждается в выдвигании позитивной альтернативы модели и практике «догоняющей модернизации», в разработке аутентичного модернизационного проекта, осуществляемого на основе цивилизационно-культурной идентичности России. Соответственно, наряду с опытом Запада, по-своему отвечающего на вызов современности, следует иметь в виду и модернизационный опыт стран третьего эшелона модернизации – Китая, стран Юго-Восточной Азии и Латинской Америки, Турции и некоторых других обществ.

На наш взгляд, в современных условиях Российская Федерация не обладает набором необходимых условий для повторения пути «азиатских тигров» и других новых индустриальных стран и не сможет осуществить в соответствии с догоняющим сценарием быстрый выход из сложившейся экономической ситуации. В случае осуществления **«догоняющей модернизации»** на протяжении ближайших десятилетий она будет не в состоянии стать страной, с которой постиндустриальный мир считался бы по экономическим причинам, а не в связи с наличием у него гигантского запаса ядерных боеголовок и непредсказуемостью её политической линии. Следующие аргументы дают основания для такой уверенности:

Во-первых, осуществление стратегии «догоняющего развития» требует колоссальных инвестиционных ресурсов. При следовании этим путём «альтернативы курсу восстановления обрабатывающей промышленности не существует»¹¹⁹. Однако сегодня в России доля производственного оборудования в возрасте до 5 лет составляет менее 10%, а в США аналогичный показатель равен 65%, но более 70% инвестиций, направляемых в промышленность, идут на развитие экспортоориентированных сырьевых или металлургических производств.

Прямые иностранные капиталовложения, которые обеспечили, например, в Азии львиную долю средств, направленных на развитие национальной промышленности, также остаются весьма незначительными в нашей стране. В расчёте на душу населения они составляют в России не более 80 долларов, что в 15 раз меньше, чем в Венгрии, а для того, чтобы по уровню капитализации сравняться с большинством развивающихся рынков, Россия должна в ближайшие годы привлечь капиталовложений на астрономическую сумму в 1 трлн долларов, что абсолютно нереально. Таким образом, новые западные технологии вряд ли станут доступны нашей стране в ближайшие течение ближайших 15–20 лет.

Не сложилась пока в России и эффективная система мобилизации финансовых ресурсов для решения ключевых национальных задач. Сегодня России нужно не снижать, а увеличивать государственные расходы как в абсолютном, так и в относительном их выражении. Для этого имеются весьма значительные резервы: умеренный эмиссионный доход, как, впрочем, и во всех высокоразвитых государствах, отказ от никак не оправданного на данном этапе бюджетного профицита; отказ от ускоренной выплаты внешних долгов (экономия на процентах в реальности оказывается копеечной), рациональное использование уже ставших чрезмерными золотовалютных резервов страны и средств Стабилизационного фонда, на деле обеспечивающих льготное финансирование Запада, а не России. Кроме этого необходимо научиться использовать прибыль и кредитные возможности Центробанка для рефинансирования, отказаться от «плоской» шкалы налогов с сохранением стабильного налога в 12–13% для нижних и средних по доходам слоёв населения, выработать новую формулу деления

¹¹⁹ Львов Д.С. Развитие экономики России и задачи экономической науки. – М., 1999. С. 66.

рентных доходов между обществом и бизнесом. Наконец, следует активно привлекать сбережения населения и другие временно свободные средства в организованную банковско-финансовую систему и на фондовый рынок. Последнее имеет важное значение не только само по себе, но и как показатель общего здоровья российского общества и его экономики.

До тех пор пока держатели рублёвых и валютных средств, не доверяя государству и банковско-кредитной системе, будут держать их в «кубышках» и «под матрацем», ни о каком устойчиво развивающемся рыночном хозяйстве не может быть и речи. И это отнюдь не пустяки: по самым распространённым оценкам, от организованного рынка «спрятано» сегодня не менее 60 миллиардов долларов. И тех робких половинчатых мер, которые правительство и банковская система предприняли недавно для вовлечения этих средств в организованный оборот, как показывает жизнь, явно недостаточно.

Ещё более значительна по своим масштабам проблема денег, эмигрировавших за рубеж за годы российских реформ. Такой утечки, такого «кровопускания» не знала в истории ни одна страна: оценки этого «дренажа» колеблются сегодня в диапазоне от 300 миллиардов до 1 триллиона долларов. Как вернуть эти деньги назад не знает сегодня никто: ни правительство, ни деловой мир, ни экономическая наука¹²⁰.

Во-вторых, Россия остаётся критически зависимой от импорта потребительских товаров, продовольствия, а также большинства современных информационных технологий. В отличие от многих других развивающихся стран в Российской Федерации практически отсутствуют сборочные предприятия крупнейших иностранных компаний, которые могли бы насытить отечественный рынок конкурентоспособными товарами, увеличить налоговые платежи и частично разрешить проблему занятости. Россия не производит комплектующих к компьютерным устройствам, мобильных телефонов, бытовых систем спутниковой связи и многих других очевидных атрибутов постиндустриальной эпохи. Минимально присутствие на российском рынке отечественной аудио- и видеотехники, а телевизоры и холодильники, стиральные машины и большинство другой бытовой техники изготавли-

¹²⁰ Шмелёв Николай. Ключевые вопросы России // Свободная мысль. 2005. № 9. С. 38–39.

ваются из импортных комплектующих узлов и деталей. Ни одна крупная автомобильная компания не производит в Российской Федерации свою продукцию в значимых для рынка объёмах. Мировая практика свидетельствует, что ни одна страна, столь радикально зависящая от импорта большинства высокотехнологичных товаров и поставляющая на мировой рынок ничего, кроме сырья и продукции металлургии, **не становилась примером успешного «догоняющего развития».**

При всей надёжности и выгоды массированного энерго-сырьевого экспорта национальное будущее России связано в первую очередь с передовыми технологиями, с тем огромным человеческим, производственным и технологическим капиталом в наукоёмких и техноёмких отраслях экономики, который она накопила за прошлые десятилетия, с теми инновационными возможностями, которые страна, при соответствующих условиях, может обеспечить своими силами. Пока её инновационный ресурс, хотя и в сильно ослабленном виде, лишь более или менее сохраняется, а если и есть какие-то признаки прогресса, то, как и прежде, преимущественно в оборонных областях.

Главное в инновационной сфере, как и везде на рынке, спрос на товар (в данном случае на новое знание) и возможности его предложения. И спрос, и предложение могут исходить преимущественно из трёх секторов отечественной экономики: государственного, крупного корпоративного, среднего и мелкого бизнеса. Опыт последних полутора десятилетий свидетельствует, что крупный корпоративный сектор – по слабости своей или по близорукости – предпочитает преимущественно импортное знание и совершенно не склонен приобретать знание отечественное, а тем более вкладываться в его производство. Государственный сектор продолжает занимать половинчатые позиции: с одной стороны, явно его стремление избавиться от этого бремени, а с другой – он не может инновационную проблему полностью бросить на произвол судьбы, то есть положиться на стихию ещё слабого, рахитичного нашего рынка, где инновационная мотивация не играет пока никакой существенной роли. А средний и малый сектор, в своих и без того тяжелейших условиях, не видят никакой – ни налоговой, ни кредитной, ни какой-либо иной – поддержки со стороны общества в стимулировании их инновационной деятельности – ни в виде самостоятельных венчурных предприятий, ни в

качестве кооперантов и субпоставщиков крупных производств, ни в роли изобретателя «очередного велосипеда», которому, может быть, и предстоит большое будущее. Особенная задача стоит сегодня перед экономической наукой, которая должна создать инновационную мотивацию на всех этажах российской «социальной рыночной экономики». Власть, государство должно, наконец, осознать угрозу фронтального технологического отставания страны, да и большой бизнес, завершив эпоху безумного первоначального накопления, поймёт, что непрерывные инновации – это основное для него условие успешной конкуренции и выживания, тем более, когда двери российской экономики раскрываются всё шире и шире.

В-третьих, специфика «догоняющего развития», и это было прослежено на многочисленных примерах государств, реализующих подобную стратегию, предполагает формирование внутри страны благоприятного инвестиционного климата, служащего, в том числе, и поощрению экспорта. Действия же российской правящей элиты, как в 1990-е годы, так и в начале XXI века, не способствовали и не способствуют этому в экономической, законодательной и в политической сферах.

В-четвёртых, 1990-е годы и начало XXI века прошли в России под знаком полного пренебрежения к развитию национальной науки и интеллектуальному потенциалу нации в целом, хотя любое «догоняющее» развитие в постиндустриальную эпоху возможно лишь в условиях востребованности квалифицированного труда. К концу XX века в США неквалифицированные работники составляли не более 2,5% рабочей силы; в России сегодня их доля не опускается ниже 25%. Доля расходов на образование в бюджете Соединённых Штатов (превосходящем российский в 20 раз) превышает отечественный показатель в 2,5 раза, а на здравоохранение – почти в 6 раз. С 1985 года по настоящее время из научной сферы ушло почти 3 млн квалифицированных кадров, подтверждая тем самым тот очевидный факт, что нематериалистическая мотивация, столь распространённая в советском обществе, не являлась прочной и была преодолена при радикальном столкновении с экономической реальностью. Численность работающих по специальности научных кадров находится сегодня на уровне первых лет после Великой Отечественной войны, а выезд научных работников за рубеж в отдельные годы 1990-х годов достигал 300

тысяч человек в год. Потери, вызываемые утечкой за рубеж интеллектуального капитала, составляют по различным оценкам от 60–70 млрд долларов за весь период реформ, до 45–50 млрд долларов в год¹²¹. Однако даже при таком сокращении людского потенциала фондовооружённость российских учёных остаётся на уровне 8–9% фондовооружённости американских и немецких исследователей. Таким образом, надежды относительно возможного прорыва России в некое «неоиндустриальное общество» на основе использования существующих в стране высоких технологий выглядят весьма призрачно.

Инновационный прорыв страны в будущее по определению невозможен без прочной собственной базы в виде высокоразвитой фундаментальной и прикладной науки, без мощной системы образования, обеспечивающей кадрами новую «экономику знаний». Для того чтобы сформулировать такой подход, нет необходимости в длительном и глубоком теоретизировании, он лежит на поверхности, поскольку его аксиоматичность объясняется простым здравым смыслом. Его очевидность для России ещё больше возрастает, если иметь в виду, что нашей стране удалось на пороге новой, высокотехнологичной эры создать всё необходимое, чтобы на равных участвовать в мировой гонке знаний. Многие от этого потенциала, к счастью, ещё сохранилось в России. Многие разрушено в годы реформ и теперь потребуется время жизни одного-двух поколений, чтобы потенциал российской науки и образования был восстановлен.

В-пятых, государство, которое в большинстве «догоняющих стран» играло позитивную роль, концентрируя общественные усилия на наиболее приоритетных направлениях, в России выглядит по-иному. В течение 1990-х годов оно демонстрировало абсолютную способность к подобной конструктивной политике: оно не оказывало поддержки иностранным компаниям, переносящим производственные операции на территорию нашей страны – наоборот, оно создавало льготные условия для отечественных товаропроизводителей, производящих заведомо худшую продукцию. И сейчас, в начале XXI века, ситуация меняется недопустимо медленными темпами: вряд ли можно признать надеж-

¹²¹ См.: Ушкалов И., Малаха И. Утечка умов: масштабы, причины последствий. – М., 1999. С. 86–87.

ным политическим ориентиром **«догоняющей модернизации»** выдвинутую задачу удвоения ВВП за ближайшие 10 лет.

Таким образом, Россия представляет сегодня собой страну с достаточно универсальным, но безнадежно устаревшим производственным потенциалом, гигантскими природными богатствами, широким внутренним рынком и достаточно квалифицированной рабочей силой. Однако, к сожалению, в той или иной мере все положительные черты России как перспективной хозяйственной системы, так или иначе, связаны с её прошлыми, индустриальными успехами, а все негативные, концентрирующиеся вокруг дефицита необходимых инвестиций, – с отсутствием постиндустриального опыта. Поэтому наша страна в ближайшей перспективе на пути **«догоняющего развития»** может стремиться только к тому, чтобы стать развитой индустриальной страной, поскольку возможности быстрого вхождения по этой модели в круг постиндустриальных держав у неё отсутствует. Сможет ли Россия выработать эффективный политический курс решить эту задачу посредством **«опережающей модернизации»**, покажет только время.

Тем не менее, в первую очередь, нужно:

- резко повысить социальный престиж и материальное обеспечение работников «сектора знаний», создать стимулы для притока туда способных молодых людей;
- создать институты рынка знаний, обеспечив сочетание свободного доступа к знаниям с контролируемым коммерческим использованием знаний как товара;
- принять меры к укреплению и сохранению научных школ, в том числе обеспечить эволюционный характер преемственности лидерства в научных коллективах и школах;
- стимулировать развитие и укрепление педагогических и научно-педагогических школ, обеспечивающих продолжение высококачественного студенческого образования и бизнес-образования;
- обеспечить разумную пропорцию между финансированием проектов в области получения новых знаний или их распространения и объектов экономики знаний (научных и образовательных организаций);
- развивать теорию и практику инновационного менеджмента, основанного на бережном отношении к работникам организаций как реальным и потенциальным носителям и создателям зна-

ний, рассматривать инновационный менеджмент как необходимый компонент общего менеджмента на любом производственном предприятии;

- развивать экономику знаний как новое направление экономической теории.

Всё это, конечно, не означает, что будущая Россия должна стать исключительно страной, производящей знания. Это и невозможно, и неэффективно. Знания рождаются не только из знаний, их первичный источник – творческое осмысление социально-экономической и политической практики. Важно обеспечить комплексное и сбалансированное использование всех компонентов потенциала России – и сырьевой, и интеллектуальной, и духовной.

Есть и конкретные примеры того, что наша страна начала движение в правильном направлении – всё более ясные контуры приобретает государственная **программа создания в России информационно-технологических парков**. Общий объём государственного финансирования отрасли информационных технологий составит около 500 миллионов долларов, направленных на реализацию программы развития **ИТ-парков** и **ИТ-бизнеса**. Её главной целью является создание в нашей стране информационного общества и превращение России в ведущую **ИТ-державу**. Другим словами, руководство страны осознало важность создания и развития технопарков в сфере информационных технологий. Выход на такое понимание связан с необходимостью изменения существующего положения, когда 60% доходов федерального бюджета формируется за счёт минерально-сырьевого комплекса, что привело к возникновению стратегических для страны рисков. Бюджет государства уязвим для колебаний мировых цен на энергоресурсы, что ставит суверенитет и безопасность страны в зависимость от внешнеэкономической ситуации, формирует общество, живущее за счёт природной ренты.

В современных условиях все государства по своей роли в мировой экономике делятся на аутсайдеров (страны Африки), поставщиков сырья (арабские страны, Россия и некоторые другие), «квалифицированных исполнителей» (Франция, Германия и ряд других), а также инновационных и технологических лидеров (США, Канада, отчасти Япония). Критерием такого деления является доля отраслей относящихся к «высшей инновационной

категории» эта доля должна быть не ниже 15%. В России же она сегодня не превышает 4–5%. В то же время объём экспорта российского программного обеспечения составляет около 600 миллионов долларов в год. Для сравнения: годовой объём экспорта автомобилей из РФ – 380 миллионов \$, а объём экспорта в сфере атомной энергетики составляет в год 850 миллионов долларов. Отсюда **главная цель принятой государством программы – поднять Россию на уровень мировых инновационных лидеров.**

Рынок информационных технологий отличается высокой динамикой, здесь постоянно возникают новые ниши. В ближайшие десять лет этот рынок будет расти быстрее, чем рынок связи телекоммуникаций. За последние 10 лет среднегодовой темп роста ИТ-рынка составил 8%. У России есть шанс занять свою нишу на нём, в том числе и за счёт государственной поддержки предприятий ИТ-отрасли. Основными направлениями такой поддержки должны стать:

- совершенствование нормативно-правовой базы;
- создание национальных технопарков для развития информационных технологий;
- активизация системы профессиональной подготовки специалистов в сфере ИТ;
- поддержка выхода российских предприятий ИТ-отрасли на мировой рынок;
- создание фонда совместного инвестирования в перспективные разработки отечественных ИТ-компаний, так как уже сейчас целый ряд мировых венчурных фондов подтвердили своё желание работать в России в сфере информационных технологий, но при координирующей роли российского государства.

Расчётный эффект от реализации этой программы – доведение объёма рынка ИТ в России до 30–40 миллиардов долларов в год к 2010–2015 году. Программа разделена на три этапа. В рамках первого этапа – в течение 2005 года – предполагается создать организационную структуру, разработать нормативно-правовую базу, основную документацию. Финансирование в рамках этого этапа определено на уровне 395 миллионов рублей. Второй этап – 2006–2007 годы – предполагает сдачу и ввод в действие основных объектов инфраструктуры будущих технопарков. Объём финансирования – 11,39 миллиарда рублей. Третий этап – 2008–2010 годы – предполагает открытие собственно технопарков.

Объём финансирования этого этапа – 6,45 миллиарда рублей. Непосредственное участие государства в деятельности технопарков будет ограничено разработкой нормативно-правовой базы, созданием инфраструктуры и помощи компаниям в продвижении на внешнем рынке. Четыре первых пилотных технопарка будут созданы в подмосковной Дубне, в Новосибирске, Самаре и Санкт-Петербурге.

Программа создания в России технопарков и развития ИТ-отрасли получила необычно сильную поддержку в субъектах федерации. Руководители регионов уже соревнуются за место в списке пилотных территорий, на которых появятся технопарки, производящие самую передовую и конкурентоспособную продукцию, обладающие в дополнение ко всему особым налоговым режимом. Претендующие на создание этих объектов губернаторы заинтересованы не только в увеличении налоговых доходов, но и развитии современных предприятий, которые станут лидерами технологического развития страны и мира.

Приветствуя развитие этой программы и её возможные результаты, всё же следует оставаться реалистами в оценке постиндустриальных потенций России как государства и её социума. Именно здесь факты, доступные для анализа, вселяют тревогу, особенно в части тенденций развития человеческого капитала в нашей стране. При его современной оценке можно встретить противоположные мнения: **оптимисты** делают упор на ту часть россиян, энергия которых в результате реформ возросла, нашла достойное применение и привела к заметным личным успехам. **Пессимисты** же концентрируют внимание на массовых негативных демографических, экономических, социальных и культурных процессах, а также на снижении трудового, делового и социального потенциала тех россиян, которые сменили профессиональную квалифицированную работу на более простые виды труда, обнищали, потеряли возможность поправить здоровье, дать детям хотя бы среднее образование, пользоваться достижениями современной культуры.

О том, сторонники каких взглядов находятся ближе к истине, в известной мере позволяют судить данные **Программы развития ООН об ИРЧП России** («Индекс развития человеческого потенциала»). Согласно этим данным в 1992 году он составлял **0,849**, что свидетельствовало о принадлежности России к индуст-

риально развитым странам с **высоким** человеческим потенциалом (тогда максимальное значение этого индекса – 0,915 – имела Канада). Однако к 2000 году ИРЧП России снизился до **0,762**, в результате чего страна опустилась с 30 на 57 место из 175 изучаемых стран, перейдя согласно Программе развития ООН в группу стран со **средним** уровнем развития (!). Особое внимание исследователей привлекает несбалансированность разных компонентов человеческого потенциала России. Если индекс образованности её граждан в 2000 году оставался близким к самым развитым странам (**0,91**), то индекс их долголетия составлял всего **0,67**, а индекс дохода – **0,70**, что соответствует уровню слаборазвитых стран¹²². Эти данные являются основанием для вывода: **социальное развитие России за последние 15 лет характеризовалось тенденциями, обратными мировым**. Если в большинстве стран, включая даже слаборазвитые, средний доход и уровень образований растут, а продолжительность жизни увеличивается, то в России эти показатели имеют обратный знак.

В условиях глобализации ни одно общество не может рассчитывать на выживание и укрепление своей жизнеспособности без опоры на развитый человеческий потенциал и без действенной установки на его рост. Естественно, это относится и к России. Успешно конкурировать с другими странами, а тем более закрепить за собой статус великой державы она может, лишь опираясь на достаточно крупную жизнеспособную, социально интегрированную общность здоровых, свободных, материально обеспеченных, энергичных, образованных и законопослушных граждан. Именно поэтому **одной из важнейших задач современной России является преодоление сложившейся тенденции к снижению человеческого потенциала**. Движущей силой общественного развития являются люди и только люди. Без них или в случае несоответствия их социальных качеств требованиям современного мира государственная власть не способна решить ни одной проблемы. Социальное качество человеческих ресурсов оказывает мощное обратное влияние на все стороны общественного устройства. Интересы, потребности, моральные установки, правовое сознание и другие стороны менталитета граждан предо-

¹²² Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. Роль государства в экономическом росте и социально-экономических реформах. – М., 2003. С. 88.

пределяют принятие или непринятие обществом предлагаемых властью правил игры, объясняют причины и направления стихийной мутации институтов, переносимых в Россию из стран Запада. Социальная и профессиональная мобильность граждан, их поведение в экономической, политической и образовательных сферах формируют новую социальную структуру общества. Таким образом, если **наращивание** человеческого потенциала эффективно служит терминальной **целью** социетальных реформ, то достигнутый **уровень** этого потенциала – ключевой **фактор** их реализации.

* * *

За последние 35 лет мир радикально изменился, но что изменило его? Именно хозяйственный и социальный прогресс, сделавший США и ведущие страны Европы постиндустриальными державами, а значительную часть их граждан носителями постэкономических по своей сути ценностей, во многом обеспечил те эпохальные перемены, современниками и участниками которых мы оказались. Однако в современных условиях постиндустриальные державы являются не только средоточием невиданной экономической и финансовой мощи, но в то же самое время и потенциальным источником **беспрецедентной дестабилизации**. Внутри них зреют те же противоречия, которые уже проявились достаточно явно на международной арене: нарастает всеобъемлющий разрыв между новым классом носителей знания и отчуждёнными слоями населения, чьи жизненные ориентиры вполне материальны, а цели – недостижимы.

Новое социальное расслоение, ставшее столь же естественным следствием постиндустриального прогресса, как и кризис индустриальной модели, представляет собой явление более фундаментальное, а соответственно и более опасное, нежели все ранее имевшие место в истории формы классовых различий. Если признать фактом, что именно технологический и социальный прогресс, достигнутый в рамках западного мира за последние десятилетия, преобразовал современную цивилизацию, то следует согласиться и с тем, что **внутренняя стабильность постиндустриальных держав** является сегодня основным залогом общемирового прогресса.

Контрольные вопросы

1. Основные черты информационной экономики и постиндустриального общества: парадоксы информационной экономики.
2. Креативные компании и креативное производство. Качественно новая степень свободы работника креативных компаний.
3. Догоняющий и опережающий типы модернизаций.
4. Постиндустриальные страны как средоточие невиданной финансовой и экономической мощи и потенциальный источник беспрецедентной дестабилизации.

Тема 9. ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ КАК ГЛОБАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

Движение истории, по справедливому мнению английского мыслителя Арнольда Тойнби, определяется полнотой и интенсивностью ответов общества, его политической элиты на исторические вызовы времени. Последние, с одной стороны, порождают стимулы к росту, с другой – угрозы. Если вызов повторяется вновь и вновь, но остаётся без ответа, то общество утрачивает творческую силу, жизненную энергию, результатом чего является надлом (кризис) цивилизации¹²³. Ответственность за это лежит на управленческом профессионализме и совести лидеров, которые сами теряют свой энергетический и творческий потенциал и не позволяют обществу в целом, творчески одарённым из новой генерации найти креативные силы и жизненную энергию для выхода из распада. Именно эта причина явилась основной из главных в том надломе российской цивилизации, который не был исторически неизбежным, но назревшие в обществе социально-экономические и политические проблемы с конца 1950-х по 1980-е годы не получили адекватного управленческого ответа.

Своего рода фокальной точкой всякого управленческого процесса является **решение**. Соответственно фокальной точкой стратегического управления является **стратегическое решение**, которое оказывает решающее воздействие на крупномасштабные процессы, на судьбу отдельных государственных руководителей, на исход войны, а в конечном итоге, в зависимости от масштаба событий, на судьбу страны и народа, а иногда и мира в целом.

Отличие решений в стратегическом управлении от управленческих решений в других сферах состоит в том, что они определяют судьбы сотен тысяч, миллионов, а в условиях ядерного века даже и миллиардов людей. Среди стратегических решений многие являются необратимыми, приводящими в действие механизмы, которые уже нельзя остановить. Поэтому на лицах, их принимающих, лежит особая ответственность, и к ним должны предъявляться повышенные требования в том, что касается подготовки, подбора кадров, постоянной проверки их качеств. Здесь неременной и обязательной

¹²³ См.: Тойнби А. Дж. Постигание истории. – М.: «Прогресс», 1991. С. 119–142.

должна быть постоянная интеллектуальная работа, теоретическое осмысление процесса принятия решений. Бывают стратегические решения, особенно в военной области, которые принимаются при отсутствии всей полноты информации. Её призваны компенсировать опыт руководителей, опыт аппарата, наличие сильной институциональной памяти, воображение, основанное на глубоких знаниях предмета.

Решение – это, прежде всего, выбор, выбор между действием и бездействием, а затем уже между двумя или более вариантами действий. Процесс его принятия как таковой нематериален, однако исполнение решения – это процесс, требующий определённых материальных затрат, подчас весьма значительных, для сбора и обработки информации, в том числе техническими средствами, для проведения различных социологических исследований и других целей.

Как и решения в других сферах, стратегические решения принимаются в определённых системах управления, состоящих из организационных структур, персонала управления, лиц, готовящих решения и контролирующих их реализацию, процедуры, регламентирующей взаимодействие различных управляющих органов и объектов управления, техники, обеспечивающей процесс управления¹²⁴. Существуют несколько ситуаций, в которых принимаются стратегические решения: в спокойной военно-политической обстановке мирного времени, в период обострения международной обстановки; в момент возникновения острого кризиса; в явно предвоенный период, когда дело явно идёт к войне; и, наконец, собственно в ситуации военного времени.

Ключевую роль практически всегда играют стратегические решения высшего политического уровня: определение основных угроз национальной безопасности страны, определение вероятных политических противников и вероятных (желаемых) политических союзников и партнёров, определение курса долго- и среднесрочного развития страны, её политической и хозяйственной системы, и, наконец, выбор правильного курса строительства и развития вооружённых сил государства. Очевидным «продуктом» процесса принятия стратегических решений являются, прежде

¹²⁴ Кокошин А.А. Стратегическое управление: теория, исторический опыт, сравнительный анализ, задачи для России. – М., 2003. С. 14–15.

всего, решения в политической и экономической сферах: меры по обеспечению политического единства страны и общества, выбор правильного курса по развитию как экономики в целом, так и отдельных, наиболее перспективных и нужных, её отраслей. Кроме того, «продуктом» стратегического решения являются планы по стратегическому сосредоточению и развёртыванию войск, созданию необходимых запасов продовольствия, материалов и снаряжения. Сюда же следует отнести решения в области подготовки необходимых кадров и создания организационных структур.

Непонимание высшим руководством Российской Империи роли пара и стали в развитии общества и его экономики в середине XIX века привело к отсутствию программ строительства парового флота, железных дорог, соответствующих видов стрелкового и артиллерийского вооружения. Сюда же следует отнести стратегически губительную задержку с отменой крепостного права, что лишало экономику необходимых свободных рабочих рук, а армию заставляло комплектовать на основе архаичных рекрутских наборов. В результате – **сокрушительное поражение страны в Крымской войне.**

Решение рейхстага Германии о создании «флота открытого моря» в конце XIX – начале XX века во многом определили состав сторон в будущей первой мировой войне, подтолкнув Великобританию к союзу с Францией и Россией. Уже только поэтому шансы Германии и её союзников на победу в грядущем гигантском вооружённом противоборстве стали ещё более проблематичными.

Примеры подобных исторических решений показывают их огромное воздействие на последующую политику в смысле повышения вероятности новой войны. В наши дни к такого рода стратегическим решениям можно отнести, прежде всего, решение президента США Дж. Буша-младшего о выходе из Договора по противоракетной обороне, принятое им осенью 2001 года. Оно радикально меняет основные параметры обеспечения стратегической стабильности, сложившейся с начала 1970-х годов, о чём подробно говорилось в 3-й главе.

Возвращаясь к ситуации с нашей страной, следует подчеркнуть, что вызовы, вставшие перед ней и её руководством, были обусловлены новыми явлениями вступавшего в свои права XXI века, а вот ответы оказались вчерашними – на уровне опыта XX,

а во многом даже и XIX века. Россия, вступив в переломный этап своего развития, попав в капкан «системного кризиса» (экономического, социального, политического, духовного, этнического) в середине 1980-х годов и в начале 1990-х, не смогла найти правильного выхода из него. **Главная причина – кризис управления**, деградация политической элиты, которая не смогла правильно ответить ни на один вызов времени.

Во-первых, все ответы на вызовы, лежащие перед миром и Россией, находились в принципиально иной плоскости – возникающей экономики постиндустриальных отношений, принципиально иных отношений собственности, новой системы мотивации к труду. Под влиянием двух революций – научно-технической и информационной – возникла другая экономика, в создании которой традиционные индустриальные факторы (минерально-сырьевые ресурсы, здания, сооружения и т.д.) перестали играть решающую роль. В создании себестоимости продукта, общественных отношений, нового вида мотивации к труду (и жизни в целом) решающую роль заняли нематериальные факторы: знания, информация, инновационный тип мышления и поведения творческого человека, создающего «ноу-хау».

Во-вторых, появились новые виды общественных отношений – интеллектуально-информационные, удельный вес которых в производстве общественной продукции стал доминировать. Возник новый двигатель общественного прогресса – информационно-интеллектуальный, его носитель – «информационный класс» и новый тип личности – управленец-менеджер XXI века. Его основным капиталом стали современные управленческие и организационные знания, творческое мышление стратегического типа. Появился новый, ранее совершенно неизвестный тип общественных коммуникаций – «интернет-коммуникация», в результате чего коренным образом преобразовался тип общения потребителя и производителя, объекта и субъекта контроля за рынком, за качеством продукции как за деятельностью в целом, так и отдельных людей.

В-третьих, сегодняшняя мощь экономики и человека в ней определяется не только и не столько объёмом производства продуктов и услуг, сколько в возможностях создания второй (или искусственной) природы – культуры, духовности, иной цивилизации – не потребления, а – творчества, установления гармонии

человека с природой, способности к саморазвитию и определению меры проявления своих жизненных сил. Это положение является **доктринальным для современного управления** и коренным образом меняет всю его современную систему. В качестве основного **объекта управления**, с точки зрения решения глобальных проблем, сегодня выдвигается такая сложная система, как **Космос – Биосфера – Земля – Общество – Человек**, а в качестве субъекта, способного адекватно реагировать на эти новые реальности, – духовно-нравственный, интеллектуально высококоразвитый, творческий человек.

В-четвёртых, существенным образом изменились потребности человечества в тех знаниях, которыми оно должно располагать для обеспечения устойчивого развития. Обществу необходимо найти фундаментальное научное решение и его технологическое воплощение согласованного превращения ресурсов природы и отходов от своей жизнедеятельности в полезный для себя и природы продукт с последующим выходом на циклы воспроизводства ресурсов на планете. Это новый, но вполне реализуемый этап научно-технического прогресса. При сохранении естественной цепочки **«фундаментальная наука – технологии – фундаментальная наука»** технологии её реализации должны строиться на качественно иной информационной базе о природных и социальных процессах и понимании их взаимосвязи.

В-пятых, новые реалии жизни привели к коренным качественным переменам в самом государственном управлении, которое из послушного исполнителя требований рынка либо из непреклонного диктатора, действующего на основе примитивно понимаемого принципа планирования, как это было в Советском Союзе, превратилось в информационно-интеллектуальный центр регулирования, прогнозно-стратегического ориентирования и социального оздоровления.

В-шестых, коренное изменение регулирующей роли государства в современном мире, обретение им нового качества – информационно-аналитического, прогнозирующе-стратегического и уже только поэтому социального и демократического – стало важнейшим итогом постиндустриальной революции. Именно на это требование времени, прежде всего, не ответило российское государство, которое, оказавшись в кризисном состоянии, ввергло

в него всё российского общество, не осуществив при этом свою главную функцию – обеспечение национальной безопасности.

В-седьмых, создание современного института управления, его инновационных приоритетов (информационно-аналитических, стратегически упреждающих) – тот вызов, на который ещё предстоит ответить российскому государству. Это констатируется с печальным сожалением, но при этом необходимо сознавать, что российское государство отстало от современного мира в области формирования концепции развития общества, приоритетных стратегий, всех видов политики, прежде всего, экономической, социальной, научно-технической, экологической, культурной, образовательной и др. Именно поэтому российское общество попало в состояние системного кризиса. Сознать это следует без ненужной драматизации: выход из кризиса возможен, но только лишь на основе современного управления, обеспечивающего системный взгляд на мир и целесообразно-целостное воздействие на происходящие изменения.

Если говорить о моменте принятия решения, то опасно как затягивать решение, так и принимать его незрелым. Решение должно быть отработано и взвешено, а все аргументы «за» и «против» тщательно перепроверены. Лёгкость, какой-либо автоматизм в принятии стратегических решений, например, просто ради захвата инициативы, неуместны и очень опасны. Те же, кто допускает это, оказывают дурную услугу своей стране.

Стратегическое управление после принятия решения сводится к проведению его в жизнь, что обычно даётся гораздо труднее, чем его подготовка и принятие. Проведение решения в жизнь базируется, прежде всего, на контроле за тем, как оно реализуется. Нельзя не отметить, что в российской стратегической культуре это является одним из наиболее слабых мест. Система контроля призвана постоянно обеспечивать **«обратную связь»** между руководством (управляющим) и объектом управления, причём в таком режиме, чтобы была возможность добавочного управляющего воздействия, способного сохранить и, если необходимо, нарастить **«стратегический импульс»** в избранном направлении при первоначальном, базовом стратегическом решении. Понятие же обратной связи, по крайней мере со времён **Нормана Винера**, является едва ли не ключевым в теории управления – как для машинных, так и биологических систем, равно как и для социаль-

ных. К числу последних относится, безусловно, и любое государство как особо сложная система.

Реализация функции контроля за проведением в жизнь решения исключительно важна, особенно в условиях международно-кризисных ситуаций, чреватых приведением в движение «ядерного фактора». История показывает, что всегда может найтись «элемент» государственной машины, который поведёт себя в этих условиях не так, как того требуют особо жёсткие условия остро военного-политического кризиса и как ожидает высшее государственное руководство. Особенно примечателен в этом отношении опыт **Карибского (Кубинского ракетного) кризиса** октября 1962 года. Именно тогда неоднократное поведение (возможно и неосознанное) ряда командующих, офицеров и рядовых обеих сторон, находившегося вне необходимого, как выяснилось, контроля со стороны высшего государственного руководства, могло спровоцировать необратимые действия.

Чёткое понимание функции контроля уже изначально необходимо закладывать в подготовку стратегического решения и в тот документ, который оформляет это решение. При этом весьма полезно закладывать в такой документ стадийность реализации решения, чтобы на определенных этапах можно было выверять, как реальные дела соотносятся с изначальным замыслом и не нужно ли корректировать изначальное решение. Именно отсутствие механизма контроля за реализацией принятого решения стало одним из главных причин провала принятых **партийно-правительственных программ ускоренного развития производительных сил Дальнего Востока**, появившихся на свет следом за посещениями этого региона высшими руководителями СССР Н.С. Хрущёвым, Л.И. Брежневым и М.С. Горбачёвым в 1950-е, 1970-е и 1980-е годы соответственно. Примерно так же можно объяснить крах **Федеральной программы развития российского Дальнего Востока**, подписанной президентом РФ Б.Н. Ельциным в 1996 году.

Ясно сознавая, что решение является фокальной точкой всякого управленческого процесса вообще, стратегического в частности, необходимо подчеркнуть следующее важнейшее обстоятельство: для того, чтобы принять решение и затем последовательно добиваться его практической реализации, следует иметь **понимание его необходимости**, которое базируется на анализе как складывающейся-

ся ситуации, так и тенденций её развития. Ценность такого **понимания** тем выше, чем раньше оно приходит к обществу или личности, не дав течению событий прийти в кризисную или, что гораздо драматичнее, невозвратимую фазу.

С точки зрения глобальных проблем первым человеком, который в полный голос заговорил о них, стал **Аурелио Печчеи**. Именно за то, что благодаря ему мир впервые задумался о них и постепенно начал попытки их решения, его по праву можно назвать гражданином Земли. «Бесконтрольное распространение человека по планете, неравенство и неоднородность общества, голод и недоедание; широкое распространение бедности и нищеты, уже существующий или потенциальный недостаток природных ресурсов; преступность и наркомания, взрыв насилия и терроризм; неграмотность и устаревшая система образования; ядерное безумие и деградация окружающей среды и, наконец, неосознанность всех этих трудностей и их взаимосвязей»¹²⁵ – вот клубок тех сложных и запутанных проблем, который созданный А. Печчеи «**Римский клуб**» назвал насущной проблематикой человечества.

6–7 апреля 1968 года при финансовой поддержке Фонда Аньелли около 30 учёных – естественников, социологов, экономистов и специалистов в области планирования собрались в Риме на вилле Фарнезина обсудить ещё не вполне оформившиеся и достаточно сложные вопросы, требовавшие колоссального умственного напряжения, и которые фокусировались в задаче: видеть мир как систему и человека как её регулятора. На исходе второго дня встречи стало очевидно, что не может быть и речи о единодушии участников в отношении даже самых общих предварительных положений. Однако несколько самых стойких сторонников точки зрения А. Печчеи собрались в его доме и сформировали «постоянный комитет». Так родился Римский клуб, получивший своё имя от города, где появился на свет. В него первоначально вошли немецкий астроном Эрих Янч, английский экономист Александр Кинг, голландский эксперт по международным проблемам Макс Констамм, эксперт по вопросам экономики и финансов французской футурологической школы Жан Сэн-Жур, Гуго Тиманн – глава Баттелевского института в Женеве и Аурелио Печчеи.

¹²⁵ Печчеи Аурелио. Человеческие качества. – М., 1980. С. 91–92.

Почти два последующих года члены этой малочисленной группы непрерывно ездили по свету в поисках единомышленников, способных присоединиться к начинанию и как-то его поддержать. Среди посещённых мест были Вашингтон, Москва, Оттава, Токио, целый ряд столиц европейских и развивающихся стран. Поездки имели и вполне определённый исследовательский характер. В ходе поездок, встреч и исследований прояснялись идеи, появлялись единомышленники, но более частыми были скептицизм и уверения в тщетности усилий добиться хоть каких-нибудь результатов в решении столь грандиозных по масштабам и сложных по характеру проблем. Создавалось даже впечатление, что глобальные проблемы, к которым стремился привлечь всеобщее внимание Римский клуб, касались вовсе не нашей, а какой-то совсем иной, далёкой планеты. Достаточно быстро пришло понимание того, что привлечь внимание людей ко столь, на первый взгляд, далёким от их повседневности проблемам можно, лишь радикально изменив методы и средства общения. То есть воззвания Римского клуба произведут нужный эффект лишь в том случае, если оно будет представлено в какой-то новой, непривычной, образной форме. При этом всё это должно напоминать лечение шоком. Ведь до тех пор, пока люди с различными уровнями образования не смогут увидеть действительность такой, как она есть, а не такой, какой она была или какой они хотели бы её видеть, им так и не постигнуть смысла глобальной проблематики. И надо было сделать так, чтобы как можно больше людей смогли совершить этот резкий скачок в своём понимании действительности.

В результате был сделан практически единодушный вывод, что самый перспективный путь к достижению целей Римского клуба лежит через представление и анализ глобальных проблем с помощью **системного использования глобальных моделей развития**. Конкретный проект предложил Хасан Озбекхан – турок по происхождению, учёный-кибернетик, специалист по планированию и философ, возглавлявший в то время один из калифорнийских мозговых трестов.

Примерно тогда же стало ясно, что Римский клуб должен представлять собой общество, ориентированное на конкретные действия, а не на дискуссии ради дискуссий. Это позволило

сформулировать две основные цели, которые он должен был постепенно осуществлять.

Первая цель – способствовать и содействовать тому, чтобы люди как можно яснее и глубже осознавали **глобальные проблемы** как реальные и весьма опасные трудности, стоящие перед человечеством. Очевидно, что эта цель включает изучение тех ограниченных и сомнительных перспектив и возможностей выбора, которые останутся человечеству, если оно срочно не скорректирует наметившиеся тенденции мирового развития.

Вторая цель – использовать все доступные знания, с тем, чтобы стимулировать установление новых отношений, политических курсов и институтов, которые бы способствовали исправлению существующей ситуации.

Чтобы служить этой двоякой цели, римский клуб стремился по своему составу представлять как бы срез современного прогрессивного человечества. Его членами являлись видные учёные и мыслители, государственные деятели, представители сферы образования и менеджеры из более чем 30 стран мира. Все они отличались друг от друга образованием и жизненным опытом, занимали различное положение в обществе и придерживались различных убеждений и взглядов. Среди них можно назвать биологов Карла-Гёрана Хэдена из Стокгольма (Швеция), Аклила Лемма из Аддис-Абебы (Эфиопия), философа-марксиста и социолога Адама Шаффа (Польша), бразильского учёного политолога Хелио Джагариме, профессора психологии Ибаданского университета в Нигерии Адейоие Ламбо, японского урбаниста Кенцо Танге, учёного-натуралиста из Каирского университета Мохаммеда Кассаса, директора крупнейшего в Австралии Научно-исследовательского медицинского института Гаса Носсаля, известного американского психолога Джона Платта. Всех их объединяло глубокое чувство гуманизма и заботы о судьбе человечества. И каких бы они ни придерживались мнений, они были вольны выражать их совершенно свободно.

Римский клуб по самой своей природе не может служить интересам какой бы то ни было отдельной страны или политической партии и не отождествляет себя ни с какой идеологией. Тем не менее, он отнюдь не аполитичен, именно его можно назвать политическим в самом истинном, этимологическом значении этого слова. Способствуя изучению и осмыслению долгосрочных

интересов человечества, он на самом деле помогал и помогает заложить новые, более прочные и созвучные времени основы для принятия важных политических решений и одновременно заставляет тех, от кого зависят эти решения, осознать всю глубину лежащей на них ответственности.

Итак, во многом благодаря деятельности Римского клуба стало понятно, что к рубежу XX и XXI веков человеческая цивилизация вступила в эпоху грандиозных изменений и перемен. Человечество уже не раз за свою историю существования переживало сложные критические периоды, но никогда эти кризисы не достигали таких масштабов и не являлись следствием процессов, которые хотя бы отдалённо напоминали нынешнюю человеческую экспансию и неудержимый прогресс. Однако – при всей беспрецедентности этой ситуации и при всей нашей неспособности предсказать её истинные последствия – она неопровержимо свидетельствует об одном – **человечеству некого винить в ней, кроме самого себя**, и выход из современного затруднительного положения у него только один. Необходимо смело, объективно и всесторонне оценив суть происходящего, взвесив все силы и возможности, наметить абсолютный новый курс развития, чтобы отныне и впредь держать под контролем всё, что оно совершает.

С какой бы точки зрения ни изучать нынешнее положение человечества, его глобальную проблематику и перспективы его дальнейшего развития, неизбежен вывод: именно **сам человек** – со всеми его недостатками, со всеми его качествами и даже неиспользованными и неизведанными возможностями – **оказывается центром всех проблем и событий**. Непонимание или игнорирование этой истины приводит к попыткам найти сложные, невыполнимые решения где-то за пределами самих себя, а ведь, в сущности, за ответом о причинах всех человеческих трудностей и мировых потрясений вовсе не надо ходить так далеко – он внутри нас самих. Только стремясь как можно шире и глубже понять суть нынешнего положения человека и того, с какой силой воздействует он на весь окружающий мир, только стимулируя все наши творческие способности на поиски новых форм бытия, которые способствовали бы гармонии, а не диссонансу в нас самих и во всей нашей вселенной, можно проложить путь к решению глобальных проблем, в котором так нуждается человечество.

Конечно, такая мобилизация всех человеческих способностей может потребовать от людей весьма трудных, а возможно, и прямо-таки героических решений, но, тем не менее, она вполне реальна и необходима для достижения поставленных целей, без которых решить глобальные проблемы не удастся.

Первая цель: «внешние пределы». Хорошо известно, что, увеличив свою власть над природой, человек сразу вообразил себя безраздельным господином Земли и тут же принялся её эксплуатировать, пренебрегая тем фактом, что её размеры и биофизические ресурсы вполне конечны. Поскольку «пропускная способность» нашей планеты явно не безгранична, то, очевидно, существуют какие-то биофизические пределы, или «внешние пределы», для расширения не только человеческой деятельности, но и вообще его присутствия на планете. Поэтому необходимо исследовательским путём создать общий вид проблемы и наиболее важных её составляющих, чтобы человек знал, что он может и что он не может делать, используя природу в своих целях, если он хочет жить с ней в гармонии.

Вторая цель: «внутренние пределы». Следует признать доказанным, что физические и психологические возможности человека тоже имеют свои пределы. Люди сознают, что, увеличивая своё господство над миром, человек в своем стремлении к безопасности, комфорту и власти обрастал целым рядом всякого рода приспособлений и изобретений, утрачивая при этом те свои качества, которые позволяли ему жить в своём первозданном природном жилище. Скорее всего, это ослабило его физически, притупило биологическую активность. То есть, чем более «цивилизованным» становится человек, тем меньше оказывается способным противостоять трудностям суровой внешней среды и тем больше он нуждается в том, чтобы защищать свой организм и здоровье с помощью всякого рода медикаментов и других искусственных средств.

В преддверии обострения глобальных проблем человечеству совершенно необходимо чётко знать и ясно понимать, каковы действительные возможности среднего индивидуума и как можно повысить его готовность к тому, чтобы жить завтра. Кроме того, мы должны знать, как лучше использовать умственные способности человека, причём не только для того, чтобы противостоять новым волнам перемен, но и для того, чтобы поставить их под

контроль и извлекать из них пользу. Так что основная задача сводится к тому, чтобы оценить всю совокупность этих человеческих способностей и выяснить, как усовершенствовать и приспособить их к тому, чтобы не подвергать человеческий организм невыносимым для него напряжениям и стрессам.

Третья цель: культурное наследие. Защита и сохранение культурных особенностей народов и наций совершенно справедливо объявлено, в особенности в последние годы, ключевым моментом человеческого прогресса и самовыражения. Правда, это положение весьма часто служит удобным прикрытием для всякого рода политических интриг и прочих эгоистических целей. Вместе с тем люди начинают всё больше опасаться, что в будущем все культуры могут оказаться на одно лицо – причём лицо, как показывает сегодняшний опыт, не слишком уж привлекательное, – и что это движение к обезличивающей однородности происходит уже сейчас.

Чтобы предотвратить эту опасность, маленькие и слабые страны превратили тезис о культурных различиях в основной элемент принципов нового международного экономического порядка и стратегий развития. Несмотря на все благие намерения, в реальной политической практике в защиту культурных различий сделано очень мало. Истинной основой культурного плюрализма будущего может стать только нынешнее культурное наследие. А поскольку оно сейчас стремительно деградирует и исчезает, необходимы самые активные и срочные меры, чтобы остановить эти невосполнимые в будущем потери. Всё дело в том, что дальнейшее развитие технологической цивилизации, экономический рост, возрастающая мобильность людей, чьи поселения занимают большую часть твёрдой поверхности планеты, расширение возможностей воздействия средств массовой информации – всё это сулит в будущем исполнение мрачных пророчеств окончательно и безжалостно стереть с лица Земли львиную долю того, что ещё осталось от всех разнообразных свидетельств культурного развития человека прошлых поколений.

Совершенно ясно, что для спасения культурного наследия человечества, включающие умирающие языки и мини-культуры, потребуются огромные средства. Однако, прежде всего, необходимо предпринять активные меры, направленные на выработку концептуальных основ, постановку задач, выявление организаци-

онных задач и конкретных путей, которые могли бы обеспечить достижение поставленных целей.

Четвёртая цель: мировое сообщество. Большинство людей в отличие от иных современных учреждений сейчас уже вполне ясно осознаёт, что национальное государство не может более идти наравне с ходом времени. Оно – за исключением великих держав – не в состоянии извлечь даже ощутимых выгод из регулирующей ныне международную жизнь глобальной социально-политической системы, хотя и служит в ней основной ячейкой. С другой стороны, пользуясь в мировой политической системе правами суверенитета, национальное государство зачастую даже не считает нужным признавать существование каких бы то ни было наднациональных учреждений и не желает слышать о проблемах, требующих урегулирования на наднациональном уровне. Более того, эта тенденция в XX веке (особенно ближе к его окончанию) даже усилилась: в 1900-м году в мире было всего 50 суверенных государств, а закончился век при наличии 202 государств! Даже в национальном плане государственные службы – в своей нынешней форме, – как правило, не оправдывают ожиданий своих же собственных сограждан. Очевидной является необходимость структурных реформ на всех уровнях мировой организации. Суть проблемы сводится к тому, чтобы выявить пути постепенного преобразования нынешней системы эгоцентрических государств, управляемых склонными к самоуправству правительствами, в такое **мировое сообщество**, в основу которого легла бы система скоординированных между собой географических и функциональных центров принятия решений, охватывающая все уровни человеческой организации – от локального до глобального.

Вопрос, таким образом, сводится, в сущности, к тому, чтобы придумать специализированную и одновременно иерархическую систему, которая бы состояла из относительно автономных элементов различной природы и структуры, в то же время тесно взаимосвязанных и активно взаимодействующих друг с другом. Всё это – в общемировом масштабе!

Совершенно ясно, что это в высшей степени трудная цель, направленная на примирение столь различных требований, должна претворяться в жизнь параллельно с другими целями. Именно здесь должна быть создана та политическая, правовая и органи-

зационная структура, в рамках которой придётся их осуществлять.

Пятая цель: человеческое жилище. Одной из важнейших проблем, уже сейчас глубоко поражающей человеческое воображение, но ещё не осознанной поистине во всех её грандиозных масштабах, является проблема размещения на планете в ближайшие 40 лет населения **вдвое большего**, чем нынешнее. За короткое время придётся коренным образом улучшить, модернизировать и, более того, удвоить всю нынешнюю инфраструктуру, – причём не только жилые дома, но и все вспомогательные системы, включая промышленную, сельскохозяйственную, социальную, культурную и транспортную. Другими словами, нынешнему поколению землян придётся построить **«второй мир»**, который можно сравнить с общим объёмом строительных работ, осуществлённых последними пятьюдесятью поколениями человечества. Причём при всей грандиозности задач, связанных с финансированием, проектированием, техническим обеспечением, производством материалов и собственно строительными работами, не они представляют здесь самые сложные проблемы.

Серьёзнейшая из проблем, которую чаще всего сегодня упускают из виду, сводится к организации территории Земли и распределению некоторых основных ресурсов таким образом, чтобы достойно разместить **12–14 миллиардов жителей**, а именно таковым будет население планеты между 2040 и 2045 годами. Это поистине грандиозное предприятие обречено, однако, на неминуемый провал, если не планировать его на единственно подходящем для этой цели уровне, – а именно на общепланетарном уровне. Существующая же разрозненная политика национальных правительств – это верный путь к непоправимой катастрофе, так как потворствует тому, чтобы крупные города и дальше захватывали всё новые пространства сельскохозяйственных земель и зелёных угодий. Распухая в непригодные для жизни мегаполисы и обрекая при этом другие группы людей жить в аду первобытных деревень и селений, такие города совершенно неспособны удовлетворить потребности современного человека.

Всеобъемлющий, глобальный план человеческих поселений, включающий в себя как составные части соответствующие мероприятия в национальном и региональном масштабах, стал настоящей потребностью нашего времени. Конечно, этот план дол-

жен обладать максимальной гибкостью. Вместе с тем он должен включать в себя несколько всеми признанных и обязательных для всех нерушимых правил, касающихся охраны и содержания того, что ещё осталось от экологического заповедника человечества. В их состав должен быть включён не только климат, космическое пространство, атмосфера, океаны и полярные районы – всё это уже находится под угрозой и требует разумного использования, но также и большие земельные массивы, которые необходимо оставить на некоторое время в покое, без какого бы то ни было человеческого вмешательства, предоставив их эволюцию самой природе.

Шестая цель: производственная система. Явные неполадки в нынешних экономических механизмах и их взаимосвязях с обществом в целом приобретают глобальный характер и требуют пристального внимания человечества. Жители развитых постиндустриальных стран уже готовы смириться с необходимостью пойти на какие-то жертвы, чтобы сократить существующий ужасающий разрыв с остальным миром, однако им до сих пор еще не привели достаточно веских доводов в пользу таких мер. В отсталых и бедных странах всё больше боятся защитных мер стран «золотого миллиарда» по борьбе с собственными кризисными явлениями, угрожающими лишить развивающиеся страны каких бы то ни было шансов на прогресс, считая это совершенно несправедливым по отношению к ним.

Трудно ещё полностью представить себе, какой должна стать экономическая система будущего: здесь необходим в корне иной концептуальный подход и кардинально новые решения, но было бы величайшей безответственностью своевременно не выяснить, в состоянии ли нынешняя производственная организация материально обеспечить пищей, товарами и услугами вдвое большее население планеты. Если «да», то каким образом и при каких условиях? В свете этих вопросов возникает множество проблем, заслуживающих, разумеется, самого пристального внимания. В их числе, например, проблема распределения, которая приобретает сейчас особую остроту в связи с реальной нехваткой продовольствия в мире. Однако начинать всё-таки необходимо с системы производства, ибо именно она в силу своего первичного характера оказывается неразрывно связанной с другими экологическими, социальными и политическими проблемами нашего вре-

мени. Поэтому бесспорно ключевой целью для человечества является тщательный анализ существующего экономического потенциала и выявление того, какие преобразования в нём необходимо запланировать для того, чтобы он оказался в состоянии в ближайшие десятилетия чётко выполнять отведённые ему функции.

Это представляется тем более необходимым, если принять во внимание то очевидное обстоятельство, в соответствии с которым одним из наиболее острых глобальных противоречий современного мира заключается в резком отставании темпов социального прогресса от прогресса научно-технического. Достижения в области науки и техники создают благоприятные возможности для строительства сбалансированного социального пространства. Современные технические средства, методы генной инженерии, достижения медицины способны избавить человечество от болезней и мук голода, удовлетворить творчески одарённых, предоставив им адекватные возможности для реализации собственных способностей. Это, с одной стороны, открывает перспективу безграничной власти человека над природой, в том числе социальной, а с другой – свидетельствует о нарастающей ответственности человечества перед жизнью на Земле, о необходимости взвешенных социальных решений, оптимального использования наукоёмких технологий, современных методов управления социальными процессами.

Если человечество в ближайшее время не научится эффективно реагировать на усложняющиеся глобальные проблемы, не наладит глобальное партнёрство, то в ближайшие 10 – 15 лет его ждут серьёзные катаклизмы, потрясения и непредсказуемые дисбалансы, контроль за которыми уже будет за пределами возможностей человеческого разума и общественных возможностей.

Уместен вопрос: является ли развитие через потрясения и социальные катастрофы нормой, рычагом социального прогресса, – как это полагал Питирим Сорокин, с мнения которого я и начал изложение проблематики глобальных проблем, – или это аномалия, возникающая по вполне определённым причинам, которую можно и должно предвидеть и избежать? Наглядной иллюстрацией к такому положению вещей является агрессия стран НАТО против суверенной Югославии в 1999 году, вторжение американских войск в Ирак в 2003 г.

Таким образом, очевидной представляется альтернатива: или развитие через социальные катастрофы, разрешение огромного множества человеческих судеб, или гармонизация социального пространства и сознательное утверждение новых способов жизнедеятельности людей, нового облика планеты Земля, достойного смысла человеческого существования. Цивилизация достигла сегодня такого уровня зрелости, богатства интеллектуального опыта, инновационных средств саморегулирования, что способна предвидеть грозящие социальные катастрофы, предотвращать взрывы, смягчать острые конфликты, создавать условия для их своевременного разрешения и, следовательно, двигаться по пути социального прогресса. Однако человечество пока плохо использует открывшиеся и открывающиеся возможности, прежде всего, потому, что углубляется **кризис глобального управления**. Данная констатация нашла своё глубокое научное подтверждение, сформулированное и выраженное документально в материалах Международной конференции по окружающей среде в Рио-де-Жанейро (июль 1992 г.). Именно там впервые была сформулирована мысль о том, что сегодняшняя социально-экономическая модель, реализуемая развитыми странами для достижения **своего благополучия**, не может дальше использоваться и быть рекомендована другим странам, поскольку это неминуемо усугубит нарастающую катастрофу.

Пока мировое сообщество далеко от решения этих проблем. Кризис управления усугубляется и сопровождается кризисом духовности, который, в свою очередь, характеризуется насаждением ложных ценностей, например, потребительских, финансовых, вместо ценностей самой жизни, природосообразности, гуманизма, активности и творчества. Ситуация в этой области тревожная, если не сказать драматичная. Информационные, технологические ресурсы для подавляющей части населения планеты Земля пока выключены из механизма нормального функционирования и развития народов.

Становится всё более очевидным, что неразумная экономическая деятельность людей истощает природу, отравляет окружающую биологическую среду (биосферу), разрушает человека – главную ценность. Сегодня передовая научная мысль, в том числе и политическая, предлагает иной способ управления ресур-

сами – **ноосферный** способ производства и организации всей общественной жизни (**природосообразный**).

Однако переход на него и его освоение требуют иной культуры, высокой духовности и иного типа мышления и управления – системного и биоадекватного. Ни одна страна в мире пока не перешла на ноосферный путь развития, который определяется ещё и как «**путь разума**». Россия сегодня может и должна стать лидером в деле построения новой общественно-экономической формации – ноосферной, которая способна учесть её национальные особенности, вековые традиции и исторический опыт как собственного развития, так и мировых цивилизаций.

Есть и другие концепции и технологии решения глобальных проблем, в частности, одна из них, которая и сегодня заслуживает пристального внимания: кардинальное сокращение военных расходов, передача сэкономленных средств в помощь развивающимся странам, оснащение их современными технологиями, в том числе образовательными. На рубеже 1980 и 1990-х годов она была выдвинута всемирно известным экономистом **В. Леонтьевым**. Ещё в 1972 году экспертами ООН был разработан план-прогноз демографического оздоровления человечества до 2000 года, что способствовало не только уточнению демографической картины, но и позволило увеличить численность населения не за счёт рождаемости, а посредством снижения смертности, уменьшения числа разводов на базе экономических, социальных и правовых мер¹²⁶.

Итак, пожалуй, сегодня существует вполне достаточное количество планов и программ решения глобальных проблем. Чего же нет? Нет пока необходимой интеллектуальной и политической воли мирового содружества как коллективного субъекта управления, направленной на снижение надвигающейся опасности. Если субъекты социального управления – все живущие на Земле народы, их социальные, политические и экономические институты – не будут опережать темпы роста технического и биологического прогресса, адекватно реагировать на открывающиеся возможности, приспособлять социальное развитие к меняющимся условиям природной и технической среды, то среднесрочное будущее человечества выглядит весьма драматичным для него.

¹²⁶ См.: Иванов В.Н. Социальные технологии в современном мире. – М., 1996.

Сегодня главным условием выживания мира является **ускорение темпов социального прогресса, включение коллективного разума, инновационных ресурсов регулирования социального пространства, достижение социального равновесия в мире**. Другими словами, **необходимо более полное использование основного ресурса выживания человечества – управленческого**. Основными субъектами управления в современном мире остаются политические институты, государственная власть, отдельные политические лидеры: от их культуры, политической воли и поведения во многом зависит судьба цивилизации, направление социального прогресса.

Однако главные субъекты управления серьёзно отстают от требований XXI века. Их формирование осуществляется не в едином информационном пространстве требований мировой культуры, норм мирового права, единых коммуникаций и правил достижений компромисса, а в старых коридорах вырождающейся бюрократии, отключённой в силу целого ряда причин от современных ценностей мировой цивилизации. Совершенно очевидно, что их действия и стиль мышления в свете современности требуют кардинальных перемен, наполнения той культурой – политической, технологической, гуманитарной, экологической, нравственной, без чего не может быть цивилизованной политики, политического управления, целесообразного функционирования и развития сложнейшей социальной системы, имя которой – планета Земля.

Анализ показывает: **бюрократическая власть** расширяет сферу своего влияния на мир, при параллельном снижении уровня её профессиональной компетентности нравственной ответственности. Она не только не способна сегодня поднять активность своих граждан в решении нарастающих глобальных проблем, но, наоборот, отключает их от адекватного реагирования, притупляет бдительность. Всё это грозит миру непредсказуемыми последствиями. Этот особый вид власти должен быть поставлен под контроль мирового сообщества, в том числе и средствами информационных технологий, позволяющими сегодня разработать всемирную информационную программу, доступ к которой должен быть открыт для любого жителя планеты. Обязательным условием достижения этой цели является выведение проблем **информатизации и технологизации мирового пространства** за пределы

бюрократической власти и политического давления, а также за пределы отдельных дисциплин и превратиться в достояние мира. Преуменьшить роль и значение в этом процессе таких международных организаций, как ООН и ЮНЕСКО, просто невозможно.

В целом можно сделать вывод о том, что планета Земля ещё далека от решения глобальных проблем, от целесообразного глобального воздействия на усиливающиеся глобальные процессы. В таких условиях для каждого континента, для каждой отдельно взятой страны как сложной социальной системы возрастает необходимость адекватного учёта воздействий внешней среды и выработки по мере возможности упреждающих управленческих мер. Это тем более необходимо потому, что каждая сложная социальная система в условиях информационной революции становится всё более открытой для внешних воздействий, которые при определённых условиях могут быть деструктивными для её целостности, и усиливать процессы её дезорганизации за счёт негативного влияния внешних факторов, притока в систему возмущающих воздействий (инородных идей, чуждой информации, разрушительных технологий, проектов и программ, вредных культурных ценностей, товаров и людей как агентов внешнего разрушительного влияния для данной системы).

Естественно, что внешний приток не только новых, но инородных элементов в систему требует её постоянного инновирования, смены парадигмы развития, постановки иных задач, нахождения адекватных им методов решения, смены команды управления, повышения профессионализма кадров и т.п. Только в этом случае система способна не только функционировать, но и развиваться. Поэтому субъект управления в рамках каждой национально-государственной системы в условиях повышения своего регулирующего воздействия должен одновременно воздействовать как на внутреннюю, так и на внешнюю среду. С этой целью он должен не только совершенствовать меры оперативно-организационного регулирования, но и постоянно развивать средства концептуального стратегического реагирования на изменения внешней среды. Сбалансированное воздействие как на внешние условия среды, так и на внутренние, которые теперь во многом представляют собой диалектическое единство в силу вышеперечисленных причин, под силу только главным субъектам управления. Национальные государства, владея широким арсеналом ме-

тодов воздействия как на внутренние, так и на внешние условия, прежде всего, в приоритетном плане обеспечивают сохранение системы и перевод её в новое качественное состояние.

Для этого главные субъекты управления должны располагать информацией иного качества, гораздо более сложной и разнообразной, чем раньше. Они должны владеть исчерпывающими данными не только о возмущающих факторах, но и о внутреннем состоянии системы, происходящих там изменениях под влиянием всех составляющих, внутренних и внешних, о социальных связях, социальных процессах, ресурсной базе, состоянии самой системы управления. Для получения такой информации необходима принципиально иная информационно-аналитическая работа субъекта управления, которая не может не использовать самые передовые данные науки в этой области. С этой целью наиболее эффективной представляется деятельность независимых информационно-аналитических центров, экспертных групп, которые профессионально занимаются этой управленческой деятельностью и предлагают субъектам управления проанализированную информацию, веер решений, в том числе и программно-целевых. Субъектам управления остаётся только принимать решения, прежде всего, политические, добиваться их реализации и нести за них ответственность. Конечно, такое регулирующее воздействие требует значительных материально-финансовых и интеллектуальных затрат, но только таким способом возможно эффективное противодействие возмущающим влияниям внешней среды. Это, в свою очередь, требует постоянного инновирования самой системы управления, учёта геополитических и геоэкономических факторов, без чего сегодня не может быть эффективного управления.

Итак, анализ свидетельствует, что под влиянием глобальных и геополитических проблем к качеству управления предъявляются всё более высокие требования, удовлетворить которые способно принципиально другое и качественно иное управление. Можно констатировать, что его контуры сегодня только выстраиваются. Назовём лишь некоторые из них, наиболее очевидные, но слабо реализуемые в управленческой практике.

В числе приоритетных – **методологическая организация управления**, основанная на разработке методологической стратегии и методологическом анализе, методологических программах и технологиях.

Именно под влиянием глобальных процессов складывается объективная логика социального поведения людей, что вызывает необходимость разработки и проведения в жизнь **инновационной теории и методологии управления**, способной обеспечить национальную безопасность, принятие упреждающих управленческих решений и, как итог, опережающую модернизацию. В её основе **лежит качественно иная управленческая доктрина**, концептуальная схема, модель построения системы управления, способная ответить на вызовы времени. Последняя, в свою очередь, базируется на совокупности новых идей, взглядов, понятийном аппарате, логически организованных и направленных на достижение поставленных целей, прогнозируемых состояний, и соответствующих технологиях по их достижению с учётом имеющихся ресурсов (природных, демографических, информационных, социальных, политических и т.д.).

Эта **доктрина** определяет содержание **программно-целевых методов**, которые, в конечном счёте, в решающей степени влияют на качество управления.

В условиях России пока отсутствует как прогрессивная доктрина развития общества, так и соответствующая ей доктрина управления. Это, в свою очередь, ведёт к снижению качества управления, которое ещё во многом строится по принципу «лебедь, рак да щука». Срочные задачи управленческой деятельности пока заслоняют достижение стратегических целей накопления ресурсов развития и нередко подменяются решением сиюминутных задач. Такой тип управления за многие истекшие десятилетия XX века показал свою полную методологическую и мировоззренческую несостоятельность. Для преодоления такого положения дел в управлении необходимо осуществить методологическое, информационно-аналитическое обеспечение принимаемых решений.

Системное видение проблемы, чёткое целеполагание, выявление приоритетов, прежде всего, политических, сочетание различных методов воздействия как в одном субъекте управления, так и среди различных, но взаимодействующих, построение политики государства на основе единых принципов организации и управления, согласование прав и свобод граждан с методами управленческого воздействия – главное направление поиска современной парадигмы управления, способной предотвратить не-

гативное давление глобальных проблем, которые в последние двадцать лет лишь усугубляются в силу некоторых отрицательных последствий процесса глобализации.

* * *

Триумфальное развитие человеческой цивилизации неуклонно приближается к критическому рубежу. Пора, наконец, понять всем – как тем, кто принимает ответственные решения, так и рядовым людям, – что нельзя без конца уповать на всякого рода социетальные механизмы, на обновление и совершенствование социальной организации общества, когда на карту поставлена судьба человека как вида. При всей той важной роли, какую играют в жизни современного общества вопросы его социальной организации, его институты, законодательства и договоры, при всей мощи созданной человеком техники не они, в конечном счёте, определяют судьбу человечества. Нет и не будет ему спасения, пока сами люди не изменят своих привычек, нравов и поведения. Ибо суть проблемы, которая встала перед человечеством на нынешней стадии его эволюции, заключается именно в том, что люди не успевают адаптировать свою культуру в соответствии с теми изменениями, которые сами же вносят в этот мир, и источники этого кризиса лежат внутри, а не вне человеческого существа, рассматриваемого и как индивидуальность, и как коллектив. Решение всех этих проблем должно исходить, прежде всего, из изменения самого человека, его внутренней сущности.

Контрольные вопросы

1. Организация управления обществом как проблема.
2. «Римский клуб» и его вклад в решение глобальных проблем.
3. Теория стратегического управления.
4. Стратегическое управление: сравнительный анализ.

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ

Биотехнология – любая техника использования живых организмов или жизненных процессов для производства или видоизменения продуктов, для улучшения сортов растений или породы животных, или для создания микроорганизмов для специальных целей.

Болонская конвенция – ни в коем случае не утрачивая достижений стран Европы в образовательной сфере, члены Европейского союза договорились о создании в 1999 г. на континенте единого образовательного пространства, которое будет существовать на основе единых принципов и правил, будет признаваться (уже признаётся) на территориях всех стран-участников конвенции. Россия присоединилась к конвенции в сентябре 2003 года.

Великий демографический сдвиг – окончательное прекращение зависимости экономической силы семьи от количества детей в ней. Переход от расширенного воспроизводства к простому или даже отрицательному. Произойдёт в середине XXI века.

Временное соглашение об ограничении стратегических вооружений» (ОСВ – 1) – советско-американский договор, подписанный 26 мая 1972 года в Москве, поставил первые ограничения процессу количественного роста уровня взаимного стратегического противостояния.

Гарантированное взаимное уничтожение (ГВУ) – ситуация, когда одна из сторон может нанести удар смертельной разрушительной силы по другой стороне, но в ответ получит такой же ответный удар.

Демографическая пирамида – графическое изображение половозрастной структуры населения мира, страны, региона.

Депопуляция – процесс сокращения численности населения, вызываемый крайне неблагоприятными факторами социальной действительности: война, голод, эпидемии, экономическая разруха.

Договор о запрещении ядерных испытаний в трёх средах – международный договор, подписанный в Москве в 1963 году и запрещающий проведение испытаний ядерного оружия на земле, в воздухе и под водой.

Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) – договор, подписанный в Москве СССР, США и Великобританией 1 июля 1968 года, в соответствие с которым эти страны взяли на

себя обязательство не передавать ядерное оружие или его компоненты, а также технологии его производства другим государствам. В настоящее время участниками договора являются 189 государств мира.

Договор об ограничении систем ПРО – подписан в мае 1972 года в Москве руководителями США и СССР. Более 30 лет был основой мировой стратегической стабильности.

Договор о ракетах средней и меньшей дальности – подписан 7 декабря 1987 года руководителями СССР и США. Впервые привёл к реальному уничтожению целого класса наступательных вооружений.

Договор по стратегическим наступательным вооружениям (СНВ –1) – подписан 31 июля 1991 года в Москве, привёл к сокращению наступательных стратегических потенциалов СССР / России и США в два раза.

Договор о стратегических наступательных потенциалах (СНП) – подписан 24 мая 2002 года президентом В.В. Путиным и Дж. Бушем-младшим, приведёт к существенному сокращению ядерных потенциалов сторон к 2113 году.

«Зелёная революция» – процесс резкого увеличения сельскохозяйственного производства в мире в 1950-е – 1980-е годы.

Коэффициента фертильности – число детей, рождающихся в течение жизни одной матери.

Мальтус Томас – ирландский учёный XIX века, родоначальник демографии как науки. Автор книги «Опыт о законе народонаселения».

ОСВ-2 – советско-американский договор об ограничении стратегических наступательных вооружений, подписан в Вене в июне 1979 года. Впервые ввёл ограничения на пути качественного совершенствования ядерного оружия и средств его доставки.

Политическая глобалистика – отрасль политологического научного знания, призванная исследовать формирование политики глобальной безопасности, возможности и средства регулирования глобальной сферы.

«Постиндустриальное общество – социум, в котором индустриальный сектор теряет ведущую роль вследствие возрастающей технологизации экономической жизни.

«Римский клуб» – общественная организация, созданная в 1968 году, при огромном личном участии Аурелио Печчеи для обсуждения глобальных проблем современности.

Современный демографический взрыв – резкий рост населения Земли во второй половине XX и в начале XXI веков. Является преимущественно результатом развития медицины и здравоохранения в индустриальных и постиндустриальных странах: применение иммунизации и антибиотиков, широкое использование ДДТ в борьбе с малярией.

Терроризм – определяется в зависимости от характера акции, а не от личности исполнителя или сути дела, за которое он берётся. Все террористические акции сопряжены с применением насилия или его угрозой, часто сопровождаются выдвижением конкретных требований. Насилие направлено в основном против гражданских объектов, а мотивы имеют политический характер. Акции совершаются так, чтобы привлечь максимум общественного внимания. Исполнители, как правило, являются членами организованных групп и в отличие от других преступников берут на себя ответственность за совершаемые акции. И, наконец, сама акция призвана оказать воздействие, выходящее за рамки причинения непосредственного физического ущерба.

ФАО – всемирная продовольственная организация, работающая под эгидой ООН.

Экологический стресс – процесс антропогенного давления на природу, достигший размеров, при которых она стала утрачивать способность к самовосстановлению. Стал реальностью со второй половины XX века.

Экономика знаний – это экономика, где сектор знаний играет решающую роль, а производство знаний является источником роста экономики.

Экополитология – раздел политической глобалистики, изучающий и раскрывающий политические аспекты глобального взаимодействия общества и природы.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Программа курса «Глобальные проблемы современности»

Тема 1. Современный мир и его проблемы: критерии выделения глобальных проблем (2 часа)

Качественные и количественные характеристики развития мира в начале XXI века: окружающая среда, сохранение мира: терроризм; «золотой миллиард», бедность и необразованность остального населения, обеспеченность продовольствием и рост народонаселения, глобализация и национальное государство. Глобальные проблемы как область научного знания: критерии их вычленения. Политическая глобалистика. Динамика глобальных проблем.

Тема 2. Демографическая ситуация в мире в начале XXI века. «Демографический взрыв» и его последствия. Проблема перенаселения планеты (4 часа)

Жизнь как биологическая оболочка Земли. Динамика роста народонаселения. Решающий аспект всей демографической проблемы. «Демографический взрыв»: нищета как его социально-экономическое и политическое последствие. Проблема перенаселения и возможности борьбы с ним. Великий «демографический сдвиг» как наиболее возможный сценарий развития. Народонаселение и экономический рост. Старение населения: отрицательный прирост как политическая проблема.

Тема 3. Проблема войны и мира в современных условиях (2 часа)

Война как продолжение политики иными средствами. Ядерная война как прекращение всякой политики. Угроза мировой ядерной войны в современных условиях: роль и значение в ее снижении советско-американских и российско-американских договоров об ограничении и снижении количества наступательных ядерных вооружений. Договор о нераспространении ядерного оружия и его судьба в XXI веке. Угроза расползания оружия массового уничтожения. Проблема «ядерных карликов».

Тема 4. Терроризм как глобальный конфликт малой степени интенсивности. Поиск путей решения проблемы (4 часа)

Терроризм и военные действия, терроризм и уголовная преступность. Специфические характерные черты феномена терроризма: дискуссия о дефинициях. Виды терроризма и террористической деятельности, проблема классификации. Динамика феномена терроризма в последней трети XX века. Международный террористический интернационал. Научно-технический прогресс и терроризм. Проблема политического определения терроризма: пути и способы решения проблем.

Тема 5. Мировая продовольственная проблема и мировое сельское хозяйство. Социально-политические последствия биотехнологической революции (4 часа)

Причины массовой урбанизации населения Земли во второй половине XX века. «Зеленая революция» и рост продуктивности сельскохозяйственного производства в 1950 – 1986 гг., всемирная засуха 1988 г. Современное отрицательное соотношение между ростом населения и ростом производства продуктов питания. Возможные пути увеличения роста производства продовольствия. Победители и побежденные современной биотехнологической революции. Политическое значение учета потенциальных возможностей и экономических последствий развития биотехнологий для отношений между Севером и Югом. Проблема «In vitro производства» продуктов питания. Противоречивость влияния биотехнологии на динамику глобальной проблемы.

Тема 6. Национальное государство на рубеже веков: его противоречия и перспективы (4 часа)

Значение глобальных и транснациональных перемен для будущего национальных государств. Национальное государство как феномен: возникновение и эволюция к началу XX века. Барьеры и препятствия на пути усиления мощи и авторитета национальных государств в XX веке: межэтнические конфликты, роль и значение либеральной и коммунистической идеологии etc. Транснациональные тенденции второй половины XX века: противоречие между экономической и политической сферами их проявления. Новые глобальные тенденции на рубеже XX и XXI веков как угроза национальному государству. Проблема всеобъемлющей безопасности. Громоздкость современного государ-

ства для решения одних проблем и недостаточность его возможностей для решения других: pro et contra. Проблема перераспределения современной государственной власти «вверх» и «вниз».

Тема 7. Становление единого образовательного пространства на Земле как глобальная проблема (2 часа)

Образовательный уровень населения Земли к концу XX века. Рост образованности населения как проявление богатства и процветания страны. Глобализация процессов образования и становление единого образовательного пространства: Лиссабонская и Болонская конвенции, их роль и значение для этого процесса: позиция Российской Федерации. Единое европейское образовательное пространство и США как «мировой университет»: российский выбор. Новые информационные технологии в образовании.

Тема 8. Постиндустриальное общество и его информационная экономика. Антиглобализм versus глобализация. «Золотой миллиард» и его противоречия с остальным человечеством (6 часов)

Основные черты информационной экономики и постиндустриального общества: парадоксы информационной экономики. Основные компоненты хозяйственной революции 90-х годов. Новое понимание эффективности инвестиционной политики. Новое качество современных постиндустриальных корпораций. Креативные компании и креативное производство. Качественно новая степень свободы работника креативных компаний. «Институционализированный индивидуализм» как новый императив социального поведения. Новая организационная модель креативной корпорации, ее отличия от предшественников. Рост конкурентоспособности постиндустриальных стран и ее причины. Двоякая зависимость индустриального мира от постиндустриального. Догоняющий и опережающий типы модернизации: азиатская модель индустриализации – путь в никуда. Второй системный кризис политики индустриальной модели экономического развития. Постиндустриальные страны как средоточие невиданной финансовой и экономической мощи и потенциальный источник беспрецедентной дестабилизации.

Тема 9. Политическое управление как глобальная проблема (4 часа)

Организация управления обществом как проблема. Бюрократия: от формы политической организации к универсальной форме

социальной организации индустриального и постиндустриального общества. Эволюция доктрин управления, бюрократическая утопия, антибюрократическая утопия. «Римский клуб» и его вклад в решение глобальных проблем. Теория стратегического управления. История стратегического управления. Стратегическое управление: сравнительный анализ. Стратегическое управление российский опыт.

ПЕРЕЧЕНЬ И ТЕМАТИКА САМОСТОЯТЕЛЬНЫХ РАБОТ СТУДЕНТОВ

Методические рекомендации по выбору темы реферата

При выборе темы реферата, при безусловном соблюдении права студента на выбор любой темы следует исходить из критерия максимальной близости ее к проблематике курсовой работы и будущего дипломного сочинения.

Темы рефератов

1. Качественные и количественные характеристики развития мира в начале XXI века.
2. Глобальные проблемы как область научного знания: критерии их вычленения. Политическая глобалистика.
3. Динамика роста народонаселения. Решающий аспект всей демографической проблемы.
4. «Демографический взрыв»: нищета как его социально-экономическое и политическое последствие.
5. Угроза расползания оружия массового уничтожения. Проблема «ядерных карликов».
6. Специфические характерные черты феномена терроризма.
7. Виды терроризма и террористической деятельности: проблема классификации.
8. Проблема политического определения терроризма: пути и способы решения проблемы.
9. Причины массовой урбанизации населения Земли во второй половине XXI века, «Зеленая революция».
10. Современное соотношение между ростом населения и ростом производства продуктов питания.
11. Национальное государство как феномен: возникновение и эволюция к началу XX века.
12. Барьеры и препятствия на пути усиления мощи и авторитета национальных государств в XX веке; межэтнические конфликты, роль и значение либеральной и коммунистической идеологии.

13. Новые глобальные тенденции на рубеже XX и XXI веков как угроза национальному государству.
14. Образовательный уровень населения Земли к концу XX века.
15. Глобализация процессов образования и становление единого образовательного пространства: Лиссабонская и Болонская конвенции: их роль и значение для этого процесс: позиция Российской Федерации.
16. Единое европейское образовательное пространство и США как «мировой университет»: российский выбор.
17. Основные черты информационной экономики и постиндустриального общества: парадоксы информационной экономики.
18. Креативные компании и креативное производство. Качественно новая степень свободы работника креативных компаний.
19. Догоняющий и опережающий типы модернизации: азиатская модель индустриализации – путь в никуда.
20. Постиндустриальные страны как средоточие невиданной финансовой и экономической мощи и потенциальный источник беспрецедентной дестабилизации.
21. Организация управления обществом как проблема.
22. «Римский клуб» и его вклад в решение глобальных проблем.
23. Теория стратегического управления.
24. История стратегического управления,
25. Стратегическое управление: сравнительный анализ.

СПИСОК РЕКОМЕНДОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Основная литература

- Василенко И.А. Политическая глобалистика. – М., 2000.
- Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. – М., 2000.
- Кеннеди Пол. Вступая в XXI век. – М., 1997.
- Кожушко Евгений. Современный терроризм: анализ основных направлений. – Минск, 2000.
- Кокошин А.А. Стратегическое управление: теория, исторический опыт, сравнительный анализ, задачи для России. – М., 2003.
- Международный терроризм: внутренняя структура понятия и его роль в политическом дискурсе / Под ред. Л.Е. Бляхера. – Хабаровск. 2005.
- Темирбаев Р.М. Россия и ядерное нераспространение. – М.: Наука, 1999.

Дополнительная литература к отдельным лекционным темам

Тема 1. Современный мир и его проблемы: критерии выделения глобальных проблем

- Василенко И.А. Политическая глобалистика. – М., 2000
- Глобализация: человеческое измерение. – М., 2002.
- Гэлбрейт Джон К. Жизнь в наше время. – М., 1986.
- Загладин В.В., Фролов И.Т. Глобальные проблемы современности: научный и социальный аспекты. – М., 1981.
- Костин А.И. Глобалистика и политическая наука // Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки. 1997. № 3, 4.
- Мегатренды мирового развития / Под ред. В.Л. Иноземцева, М.В. Ильина. – М., 2001.
- Практика глобализации: игры и правила новой эпохи / Под ред. М.Г. Делягина.– М., 2000.
- Родионова И.А. Глобальные проблемы человечества. – М., 1994.
- Уткин А.И. Мировой порядок XXI века. – М., 2001.
- Уткин А.И. Глобализация: процесс осмысления. – М., 2001.

Хелд Дэвид, Гольдблатт Дэвид, Макгрю Энтони, Перратон Джонатан. Глобальные трансформации. – М., 2004.

Чумаков А.Н. Философия глобальных проблем. – М., 1994.

Тема 2. Демографическая ситуация в мире в начале XXI века. «Демографический взрыв» и его последствия. Проблема перенаселения планеты

Вишневский А.Г. Воспроизводство населения и общество. История, современность, взгляд в будущее. – М., 1982.

Кеннеди Пол. Вступая в XXI век. – М., 1997.

Кэхилл Джерард А. Мальтузианство, пессимизм и глобализация // Проблемы теории и практики управления. 2002. № 1.

Максимова М. В XXI век – со старыми и новыми глобальными проблемами // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 10,

Медков В.М «Бомба депопулизации»: опыт России – итоги и уроки // Вестник МГУ. Сер. 18 Социология и политология. 2000. № 4.

Печчеи А. Человеческие качества. – М., 1980.

Тема 3. Проблема войны и мира в современных условиях

Арбатов Алексей. Военно-стратегический паритет и политика США. – М., 1984.

Арбатов Алексей. Безопасность: российский выбор. – М., 1999.

Арон Раймон. Мир и война между народами. – М., 2000.

Бжезинский З. Великая шахматная доска. – М., 1998.

Возжеников А.В. Национальная безопасность России. – М., 2002.

Евстигнеев В.И. Биологическое оружие и проблемы обеспечения биологической безопасности/ Доступно On line [http:// armscontrol. ru / course](http://armscontrol.ru/course)

Зобов А.И. Ядерная программа Ирана – миф или реальность? // Доступно On line <http://armscontrol.ru/course>

Клаузевиц Карл фон. О войне. Т. 1, 2. – М., 2002.

Общая теория национальной безопасности / Под ред. А.А. Прохожева. – М., 2002.

Рожков В.О. Ядерная программа КНДР.// Доступно On line <http://armscontrol.ru/course>

Рыбаченков В.И. Режим нераспространения ядерного оружия.// Доступно On line <http://armscontrol.ru/course>

Червов Николай. Ядерный круговорот. Что было, что будет. – М., 2001.

Шилин А.А. Ядерные потенциалы Индии и Пакистана: современное состояние и перспективы развития.// Доступно On line <http://armscontrol.ru/course>

Тема 4. Терроризм как глобальный конфликт малой степени интенсивности. Поиск путей решения проблемы

Геополитика террора. Геополитические последствия террористических актов в США 11 сентября 2001 года. – М., 2001.

Кокошин А.А. Заметки о проблеме ядерного терроризма в современной мировой политике. – М.: УРСС, 2004.

Международный терроризм: внутренняя структура понятия и его роль в политическом дискурсе / Под ред. Л.Е. Бляхера. – Хабаровск. 2005.

Мнацаканян М.О. Этносоциология: нации, национальная психология и межнациональные конфликты. – М., 1998.

Пластун В.Н. Эволюция деятельности экстремистских организаций в странах Востока. – Новосибирск. 2002.

Сикевич З.В. Этносоциология: национальные отношения и межнациональные конфликты. – СПб., 1994.

Современный терроризм. Анализ основных направлений / Под ред. А.Е. Тараса – Минск, 2000.

Современный терроризм: состояние и перспективы / Отв. ред. Е.И. Степанов. – М., 2000.

Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны. – М.: Наука, 2001.

Graham Allison. Nuclear Terrorism: The Ultimate Preventable Catastrophe. – N.Y.: Times Books, 2004.

Тема 5. Мировая продовольственная проблема и мировое сельское хозяйство. Социально-политические последствия биотехнологической революции

Кеннеди Пол. Вступая в XXI век. – М., 1997.

Печей А. Человеческие качества. – М., 1980.

Черняков Б.А. Аграрный сектор: состояние, тенденции, перспективы // США на рубеже веков / Под ред. С.М. Рогова. – М., 2001.

Шаркань Пал. Мировая продовольственная проблема. – М., 1982.

Тема 6. Национальное государство на рубеже веков: его противоречия и перспективы

Гелбрейт Джон К. Жизнь в наше время. – М., 1986.

Маджоне Дж. Социальная политика и управление. Политическая наука. Новые направления. – М., 1999.

Лукашук И.И. Глобализация, государство, право, XXI век. – М., 2000.

Мировая политика: теория, методология, прикладной анализ / Под ред. А.А. Кокошина и А.Д. Богатурова. – М.: URSS, 2004.

Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире / Под ред. П. Бергера, С. Хантингтона. – М.: Аспект-пресс, 2004.

Ноттурно М. Открытое общество и его враги: сообщество, авторитет и бюрократия // Вопросы философии. 1997. № 11.

Перегудов С.П. Новый российский корпоративизм: демократический или бюрократический // Полис. 1997. № 2.

Тоффлер Элвин. Шок будущего. – М., 2001.

Тоффлер Элвин. Третья волна. – М., 2002,

Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление. – М., 2001.

Яковец Ю.В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций. – М., 2001.

The Limits of Globalization. Ed. by Alan Scott. L. – N.Y., 1997.

Pearson Frederic S., Rochester Martin J. International Relations. The Global Condition in the Late Twentieth Century. L. – N.Y., 1992.

Тема 7. Становление единого образовательного пространства на Земле, как глобальная проблема

Квиек Марек. Глобализация и высшее образование // Доступно On line <http://www.aha.ru/>

Макбурни Грант. Рычаги глобализации как политическая парадигма высшего образования / Доступно On line <http://www.aha.ru/>

Сарагоса Федерико Майор. Завтра всегда поздно. – М., 1989.

Супян В. Б. Образование в США: состояние и приоритеты развития // США и Канада: экономика, политика, идеология. 2000. № 1.

Супян В.Б. Человеческие ресурсы: ключевой фактор развития // США на рубеже веков / Под ред. С.М. Рогова. – М., 2001.

Тема 8. Постиндустриальное общество и его информационная экономика. Антиглобализм versus глобализация. «Золотой миллиард» и его противоречия с остальным человечеством

Белл Даниел. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М., 1999.

Гелбрейт Д. К. Новое индустриальное общество. – М., 1969.

Гелбрейт Джон К. Жизнь в наше время. – М., 1986.

Глобализация и постсоветское общество. Аспекты 2001. – М., 2001.

Дахин В.Н. Глобализация: социальные и политические последствия // Свободная мысль. 2002. № 12.

Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. – М., 2000.

Иноземцев В.Л. Модели постиндустриализма: сходство и различия // Общество и экономика. 2003. № 4, 5.

Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. – М., 1999.

Постиндустриальный мир и Россия / Отв. ред. В.Г. Хорос, В.А. Красильщиков. – М., 2001.

Тоффлер Элвин. Шок будущего. – М.: 2001.

Тоффлер Элвин. Третья волна. – М.; 2002.

Хайек Р. Конкуренция как процедура открытия // Мировая экономика и международные отношения. 1989. № 12.

Шинковский М.Ю. Российский регион: становление политического режима в условиях глобализации. – Владивосток. 2000.

Ширм Штефан А. Глобализация – шанс для развивающихся стран // Доступно On line <http://adenauer.ru/report.php>

Тема 9. Политическое управление как глобальная проблема

Иноземцев В.Л. Пределы «догоняющего» развития. – М., 2000.

Иванов В.Н., Иванов А.В., Доронин А.О. Управленческая парадигма XXI века. – М., 2002.

Кокошин А.А. Стратегическое управление: теория, исторический опыт: сравнительный анализ, задачи для России. – М., 2003.

Лапкин В.В., Пантин В.И. Варианты политической модернизации и альтернативные политики мирового развития стран // Доступно On line <http://adenauer.ru/report.php>

Лапкин В.В., Пантин В.И. Геоэкономическая политика и глобальная политическая история. – М.: «Олита», 2004.

Пляйс Я. Политическая модернизация России. Исторический опыт и современные проблемы // Наследие. 2002. № 1.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Тема 1. СОВРЕМЕННЫЙ МИР И ЕГО ПРОБЛЕМЫ: КРИТЕРИИ ВЫДЕЛЕНИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ	6
Тема 2. ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА. «ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ВЗРЫВ» И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ. ПРОБЛЕМА ПЕРЕНАСЕЛЕНИЯ ПЛАНЕТЫ	25
Тема 3. ПРОБЛЕМА ВОЙНЫ И МИРА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ	55
Тема 4. ТЕРРОРИЗМ КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ МАЛОЙ СТЕПЕНИ ИНТЕНСИВНОСТИ. ПОИСК ПУТЕЙ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ.....	87
1. Типология терроризма	95
2. Националистический терроризм	90
3. Религиозный терроризм	108
4. Терроризм по борьбе с явлением	100
5. Государственный терроризм	100
Тема 5. МИРОВАЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПРОБЛЕМА И МИРОВОЕ СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО. СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ БИОТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ	126
Тема 6. НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ: ЕГО ПРОТИВОРЕЧИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	147
Тема 7. СТАНОВЛЕНИЕ ЕДИНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА НА ЗЕМЛЕ КАК ГЛОБАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА	173

Тема 8. ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО И ЕГО ИНФОРМАЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА. АНТИГЛОБАЛИЗМ VERSUS ГЛОБАЛИЗАЦИЯ. «ЗОЛОТОЙ МИЛЛИАРД» И ЕГО ПРОТИВОРЕЧИЯ С ОСТАЛЬНЫМ ЧЕЛОВЕЧЕСТВОМ.....	202
Тема 9. ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ КАК ГЛОБАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА.....	213
СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ.....	267
Приложение 1	270
Приложение 2	274
СПИСОК РЕКОМЕНДОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	276

Учебное издание

Шинковский Михаил Юрьевич

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Учебное пособие

Редактор Л.И. Александрова
Корректор Л.З. Анипко
Компьютерная верстка М.А. Портновой

Лицензия на издательскую деятельность ИД № 03816 от 22.01.2001

Подписано в печать 10.12.05. Формат 60×84/16.
Бумага писчая. Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,46.
Уч.-изд. л. 11,3. Тираж 150 экз. Заказ

Издательство Владивостокского государственного университета
экономики и сервиса
690600, Владивосток, ул. Гоголя, 41
Отпечатано в типографии ВГУЭС
690600, Владивосток, ул. Державина, 57